

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

ОГНЕННЫЙ ПУТЬ

Королевская кровь

Ирина Котова

**Королевская кровь.
Огненный путь**

«Котова Ирина »

2018

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

Котова И. В.

Королевская кровь. Огненный путь / И. В. Котова — «Котова Ирина », 2018 — (Королевская кровь)

ISBN 978-5-517-00813-8

Для Ангелины Рудлог нет ничего важнее долга. Ради спасения родных от проклятья она готова пройти дорогой памяти и пожертвовать не только жизнью, но и любовью к драконьему Владыке. К тому, кто равен ей во всем и не подчиняется ее воле, от кого она защищена только долгом, гордостью и яростью. Но вся защита рушится, когда он на прощание принимает на себя ее бой. И становятся неважными гордость и обида. Тогда, как и полагается дочери Вечного Воина, приходится вооружиться клинком и по их осколкам пройти свой огненный путь.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-00813-8

© Котова И. В., 2018
© Котова Ирина , 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	39
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ирина Котова
Королевская кровь-7. Огненный путь

- © Ирина Котова, текст, 2021
- © Яна Кшановская, иллюстрации, 2021
- © Вероника Акулич, иллюстрации, 2021
- © Анна Ларюшина, иллюстрации, 2021
- © Юлия Иванова, иллюстрации, 2021
- © Елена Лысенко, иллюстрации, 2021
- © Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2021
- © Елена Сова, серийное оформление и обложка, 2021
- © ИИСИАМ, 2021
- © Т8 Издательские технологии, 2021

Часть первая

Глава 1

Глухо рванула земля, в щит врезалось темное тело, заверещало – больше всего этот крик походил на плач маленького ребенка, и было это так жутко, что у видавших виды вояк волосы на голове шевелились.

– Еще одна тварь справа!

Вспышка, рев огня – и свалилась на снег бьющаяся в конвульсиях нежить, все еще пытающаяся подползти ближе к желанной пище. Сержант Тержок удовлетворенно выругался, потер груди: от напряжения последнего месяца пошаливало сердце.

– Еще лезут! Лупи!

Вокруг лопалась мерзлая земля, вскрывая все новые могилы и выпуская на свободу созревших тварей. Боевой маг, сопровождающая отряд, уже не участвовала в бою – она отдала почти все силы, – но без нее бойцы не справились бы с первой волной нежити. Молоденькая девчушка с испуганными глазами какие-то минуты назад давила нападающих Таранами, рассекала Лезвиями, жгла огненными Смерчами, пока не выдохлась. Сейчас ее хватало лишь на удержание и укрепление щита. А солдатам оставались только огонь и гранаты.

Отряд – три десятка бойцов с огнеметами, пожилой усатый и круглолицый сержант и армейский маг, – медленно продвигался по заброшенному, поросшему кустарником кладбищу, и непрерывно, с гудением лилось во все стороны спасительное пламя, уничтожая взбесившуюся нежить...

Три часа назад в части раздался звонок: на проезжающую по тихой вечерней дороге машину с обочины выпрыгнуло нечто непонятное, разбило стекло и откатилось под колеса. Напуганные сообщениями в прессе граждане не стали проверять, кто там, тем более что свет фар высветил явно не человеческие фигуры, выбирающиеся из придорожного кустарника. Свидетели рванули оттуда что было сил и, отойдя от испуга, первым делом набрали полицию.

– Да сколько же их!

В зеленоватом сиянии осветительных ракет, медленно планирующих к земле, вставали над сугробами мрачные шестиугольные надгробия. А на них и между ними виднелись скользкие черные твари, похожие на бульдогов. Урдов[^]ры. Крупные, человеку по пояс, с широкой грудью. Голова – одна сплошная четырехстворчатая пасть с зубьями-иглами в три ряда, задние лапы короткие, вывернутые – благодаря им твари прыгали далеко, отталкиваясь, как на пружинах. Пасти непрерывно раскрывались и закрывались, показывая черные сокращающиеся воронки из плоти – будто урдовары постоянно сглатывали. И воняло от них тухлятиной и ацетоном. Как, богам на милость, бороться с теми, кому неведомы боль и страх? Кто существует только ради уничтожения живого, ради поглощения горячей крови и мяса?

– Занять оборону!

Опять ударили по ушам пробой открывающихся могил – и сержант выматерился, вытирая вспотевший на морозе лоб. Где же подкрепление? Опытному вояке было страшно, хотя это была далеко не первая зачистка. Слишком много нежити успело здесь переродиться и созреть. Слишком мало у него людей. Сержант Тержок посмотрел на волшебницу, выставившую вперед дрожащую руку, подмигнул, чтобы поддержать, – ой, не здесь тебе надо быть, девонька, детей бы тебе растить да за домом ухаживать – и скомандовал:

– Огонь!

Урдовары

Урдовары словно ждали этой команды: с верещанием начали срываться с места и набрасываться на защиту, корчась в пламени. На горящих собратьев прыгали следующие: десятки тварей пытались проломить щит массой.

Сержант размахнулся, бросил в месиво из нежити гранату, присел, хотя в этом не было необходимости. Прогремел взрыв, и щит заляпало черными ошметками. Огляделся: его ребята сосредоточенно поливали урдоваров огнем. Бледная волшебница вцепилась в амулет-накопитель: бой шел уже больше двух часов, и от нее зависело, продержится ли отряд до прихода подкрепления или их всех сожрут. Полчища тварей все не заканчивались, зеленоватые пасти шелкали вокруг, царапая щит, издавая тоненький плач, и казалось, что все это – какой-то безумный кошмарный сон.

– Сержант, слышите?

Тержок повернул голову: с десятков тварей сорвалось с места и бросилось к выходу с кладбища, где раздавался шум подъезжающих машин. Вместе со светом фар в той стороне начало растекаться голубоватое сияние.

– Наконец-то. Подкрепление.

– Еще усилие, бойцы! Помощь идет!

Девушка с облегчением всхлипнула. Снова заревело пламя. Щит постепенно уменьшался – на ладонь, на две, – и сужался круг солдат. Еще немного продержаться, и будет легче. Кто же знал, что обычный проверяющий отряд наткнется на такое гнездо урдоваров?

Через несколько минут ладони сержанта потеплели, а в душе начало разливаться спокойствие. Солдаты повеселели, то и дело оглядываясь на выход. Оттуда в окружении бойцов шел, загребая ногами снег, старенький и шупленький служитель Триединого, сосредоточенно бьющий в маленький колокол и что-то напевающий, – звон этот расходился от него голубоватыми волнами, и нежить замирала. Вяло трепыхалась на снегу, как засыпающая рыба, – и со следующим ударом растекалась черной жижей.

Две группы соединились и до утра чистили кладбище спасительной молитвой и огнем. Молитвой и спасительным огнем.

15 января, воскресенье, Иоаннесбург День возвращения Марины из Блакории

Начальник разведуправления Рудлога Майло Тандаджи смело мог бы работать нянечкой в детском саду. Дети под его голос засыпали бы моментально. А те, которые не заснули, притворялись бы, что спят, дабы не сердить тидусса.

– ... Число проснувшихся кладбищ растет, но отработанная схема приносит свои плоды, – монотонно зачитывал господин полковник, и Василина едва удерживалась, чтобы не зевнуть. – Нежить уничтожают гораздо быстрее и с меньшими потерями. Прежде всего работа ведется в населенных пунктах. В Иоаннесбурге, например, уже прокалены огнем все кладбища. Однако существует реальная опасность распространения нежити из старых и забытых могильников. Известны случаи, когда крупные особи атаковали автомобили на дорогах, поезда на полустанках. Международная комиссия считает, что поднятие захоронений сдерживают холода и весной по всему миру разразится катастрофа.

Королева Василина кивала, прижимая руки к столу, чтобы не потерять глаза. Как она устала от этих катастроф!

День сегодня выдался тяжелый: с утра они с Марианом присутствовали на торжественных похоронах инляндской королевы Магдалены. Пришлось извиняться за отсутствие сестер перед Луциусом. Впрочем, ему, мрачному и немногословному, похоже, было все равно. После возвращения Василина привычно потянулась к Ани – проверить, где старшая сестра, – и растерялась, обнаружив, что она не на востоке, в гостях у Хань Ши, а гораздо южнее.

Не успела улечься паника, как позвонила сбежавшая в пятницу с Дармонширом Марина. С ней все было в порядке; хоть тут отлегло от сердца. И вот теперь плановое совещание: в стране чрезвычайное положение, и пусть сегодня воскресенье, отдыхать не положено, будь ты хоть сто раз королева. Провела три дня полнолуния в поместье Байдек – и изволь дальше работать на благо страны.

– Между армейскими подразделениями поделены зоны ответственности, во всех есть маги, работа идет. Также обнаружена эффективность отчиток на кладбищах жрецами Триединого. Неизвестно, навсегда ли кладбище утихомиривается или на какое-то время, но нам, сами понимаете, ваше величество, любая отсрочка важна. К сожалению, не все служители обладают достаточной молитвенной силой, но по просьбе Его Священства те, кто способен помочь, вре-

менно оставили посты в храмах и монастырях и поступили в распоряжение частей. Хочу сказать, что это, помимо чисто практической пользы, поднимает и боевой дух солдат.

Королева кивнула и пометила для себя поблагодарить Его Священство за помощь.

– Также вступил в действие ваш указ о кремации умерших, – продолжал Тандаджи. – Конечно, это не очень популярная мера, но пресса гудит о нежити, и народ в большинстве своем относится к указу с пониманием.

– Спасибо, полковник, – Василина украдкой скинула под столом туфли и вытянула ноги. Совещание с участием военного руководства и начальников внешней и внутренней разведки шло уже третий час. Присутствовал тут и пытающийся незаметно накастовать себе бодрости похмельный придворный маг.

Одна радость: рядом был Мариан. Слушал, делал себе пометки. Потом они обсудят все наедине, и у нее в голове наступит ясность.

– Господа, я рада, что все понимают серьезность нынешней ситуации. Моя настойчивая просьба: провести серию проверок в подразделениях. Не хочется, чтобы из-за халатности кого-то из командиров мы получили неконтролируемый район.

Военные смотрели на нее с почтительной вежливостью, и королева, как всегда, подавила в себе самоедские мысли: «Кому ты приказываешь – тут все куда компетентнее тебя».

– Господин Кляйншвитцер. – Придворный маг поднял на нее глаза. – Что с нашим семейным кладбищем?

– Проверяю каждую неделю, ваше величество, – ответил Зигфрид, – к тому же гвардейцы постоянно его патрулируют. – Мариан кивнул, подтверждая. – Там все чисто. Я уже говорил: похоже, огненная кровь бережет ваших родных.

Королева успокоенно кивнула.

– Игорь Иванович? – позвала она.

– В других странах, кроме Йеллоуиня, те же проблемы, что и у нас, – отчитался Стрелковский. – Захоронения вскрываются все чаще, армия занята купированием ситуации. Только

у Желтых затишье, случаи поднятия кладбищ можно пересчитать по пальцам, и все в отдалении от столицы. Также не зафиксирована нежить на храмовых и монастырских землях.

– Что с возможными открытиями порталов, из которых появляются насекомые-чудовища? – поинтересовалась королева.

– В тех районах, где ранее видели порталы, установлены камеры, способные уловить стихийные возмущения, – ответил Тандаджи. – Этим занимается рудложский отдел международного МагКонтроля, они активно сотрудничают с нашим МагСоветом. Пока все тихо. Ни порталов, ни чудовищ. Но камеры – это капля в море, и в этот самый момент вполне могут открываться порталы, которых мы не видим.

– Из других государств пока тоже не поступало информации, – добавил Стрелковский.

– Есть ли возможность справиться с этими тварями немагическими способами?

– Оборонные заводы получили заказ на боевые листолеты и танки, ваше величество, – пояснил министр обороны. – Но в деле они еще не проверены. По нашим прогнозам на основании анализа брони тха-охонга мощности оружия должно хватить для поражения подобных ему существ.

– Хорошо, – Василина сделала еще одну пометку: «посетить испытания», подняла голову. – Вы свободны, господа. Полковник Стрелковский, полковник Тандаджи, господин Кляйншвитцер, вас прошу задержаться.

Генералитет, министр обороны с помощниками, глава МагСовета, чья должность была выборной и равнялась министру магии, поклонившись, вышли, провожаемые печальным взглядом придворного мага. Зигфрид едва слышно вздохнул и уставился остекленевшим взглядом в стол.

Василина подождала, пока закроется дверь, и чуть расслабилась.

– Удалось выяснить у драконов, где моя сестра Ангелина? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Драконы исчезли, ваше величество, – с привычной невозмутимостью доложил Тандаджи посмурневшей на глазах королеве. – С утра все, кто был в Теранови, поднялись в воздух и улетели, не предупредив. Их половина дипкорпуса пуста.

– Спасибо, полковник, – хмуро проговорила королева. – Что скажете, Зигфрид?

– Я не могу пробиться к ней, моя госпожа, – с едва уловимым отчаянием сообщил Кляйншвитцер, – при всем моем опыте защита вокруг Песков этого не позволяет.

– Есть кто-то, кто может? – поинтересовалась королева. – Может, Александр Свидерский?

– Мы обращались к нему, когда ее высочество была похищена, – вмешался Тандаджи, – он попытался, но не смог установить связь. Но если пожелаете, я попрошу его попробовать еще раз.

– Попросите, – согласилась Василина и вздохнула. – Я говорила с Хань Ши, он утверждает, что Ангелина ушла в Колодец и из него не возвращалась. Каким образом она могла оказаться в Песках, он не объяснил, но сказал нечто вроде: «Сила Колодца велика и нашему разуму недоступна». Так что вся надежда – на Александра Даниловича.

– Если и он не поможет, рекомендую найти Алмаза Григорьевича Старова, – осторожно заметил Стрелковский. – Но это трудно, его обычно не застать дома.

– Да, – грустно проговорила королева. – Сообщаю вам также, что принцесса Марина возвращается во дворец. Полковник Тандаджи, полковник Стрелковский, я сожалею, что в пятницу была резка с вами.

Полковники, вызванные в пятницу в поместье Байдек и получившие гневный выговор за то, что упустили третью Рудлог, молча склонили головы.

– На этом, видимо, все, – сказала Василина, и Зигфрид встрепенулся, с надеждой уставившись на королеву. – Господин Тандаджи, жду от вас ответа Свицерского. До встречи, господа.

Марина появилась из дворцового телепорта незадолго до ужина. Забежала к Василине, обняла ее, прошептала: «Прости. Я была в безопасности». Опустила глаза перед внимательно разглядывающим ее Марианом Байдеком. Ноздри его дрогнули, и он едва заметно покраснел. То ли от гнева, то ли от смущения.

Впрочем, даже не обладай он берманским нюхом, понять, отчего так тиха и испуганно-улыбчива третья Рудлог, отчего так туманны ее глаза и воспалены губы, было несложно.

Марина убежала, отговорившись тем, что очень устала и голодна, а принц-консорт поцеловал жену в висок и сообщил, что уйдет на полчаса по важному делу. И обязательно вернется к ужину.

– Мариан, – с укоризной попросила королева, – не нужно.

– Нужно, – коротко ответил Байдек и направился к телепорту, откуда недавно вышла Марина. Василина только вздохнула – здесь она не имела власти. Да и мог ли он поступить иначе?

Принц-консорт, которому и довелось сообщить жене новость о Маринином побеге, шел по коридору, вспоминая, как утешал супругу, мечущуюся, злую, стараясь не обернуться, – и как до боли сжимала она его плечи и рычала не хуже медведицы: «Мариан! Ну за что она так со мной?! И почему именно Дармоншир? Из всех мужчин, которые были бы счастливы составить ей пару, она выбрала того, кто потакает худшим ее качествам. И как мы за ней не уследили?!»

«Невозможно остановить того, кто хочет уйти, василек, – сказал Байдек чуть позже, раздувая ноздри и зализывая ее слезы. Пахло от жены, как всегда в эти дни, будоражаще, и во рту сами собой появлялись клыки и по холке вниз начинала пробиваться шерсть – предвестники оборота. – Во всяком случае, я уверен, что Дармоншир не причинит ей зла».

Уже потом, обессиленная своим гневом, она послушно улеглась рядом, прижалась к нему и пробормотала: «Пусть совершает собственные ошибки. Я умываю руки. Не хочу, чтобы она потом кричала, что у них проблемы из-за меня».

Марина, с ее сумасбродностью и отчаянностью, не могла отвечать за свои поступки. А вот тот, к кому шел принц-консорт, должен был уберечь ее. Обязан был сдержаться. Как мужчина и как дворянин.

В Дармоншир-холле Байдек появился через несколько минут. Приказал дворецкому проводить его в покои герцога – у бедного старика даже не нашлось слов, чтобы отказать. Поднялся по лестнице, вошел без стука.

Небрежно брошенная на кровать одежда, запах табака, шум воды в душевой. Байдек остановился; терпения ждать у него хватало всегда.

Люк появился скоро – с мокрыми волосами, в полотенце, обернутом вокруг бедер. Увидел барона, понимающе усмехнулся.

– Надеюсь, вы позволите мне надеть штаны, ваше высочество?

– Позволю, – ровно ответил Мариан, закатывая рукава рубашки.

– А закурить? – продолжал ерничать герцог.

– Обойдетесь, ваша светлость.

Люк оделся, помял левое плечо, чуть поморщился и поклонился.

– Я к вашим услугам, барон.

Бил Байдек жестко и страшно. Через пару минут Дармоншир уже не двигал левой рукой и судорожно вздыхал, пытаясь прийти в себя после удара под дых. Еще через некоторое время поднимался, уцепившись за стул и слизывая с губ кровь. И, как всегда, не просил пощады.

И увернуться не пытался – снова атаковал, нарывался на кулаки, с глухими стонами отшатывался после ударов. Самого Байдека задел всего пару раз – но что боевому офицеру разбитый нос и шум в ушах?

Наконец Люк упал на ковер, перевернулся, оставляя после себя кровавые пятна, оскандился, стараясь подняться. Не получалось.

Мариан встал над ним, наблюдая за попытками опереться на руку.

– Я просил тебя не трогать ее, – сказал принц-консорт спокойно и чуть глухо. – Не бесчестить. У тебя есть обязательства перед ее сестрой, у тебя есть титул, который накладывает ограничения. Она – не та, с кем можно просто переспать. Если у тебя осталась хотя бы капля чести, ты возьмешь ее в жены.

Люк в конце концов сел, со смешком вытирая кровь с лица, и Мариан, оглянувшись, взял со стола салфетку, бросил противнику. Тот прижал ткань к разбитой брови и все-таки встал, потряс головой.

– Я, – произнес герцог очень внятно, – могу повторить только то, что я уже говорил, барон. Это не ваше дело. Не лезьте сюда.

– Все, что касается семьи Рудлог, – мое дело, – так же ровно ответил Байдек. – Их некому защитить, кроме меня.

Веселая наглость в глазах его светлости сменилась задумчивостью. Принц-консорт, коротко кивнув, отправился к выходу, на ходу расправляя рукава рубашки.

– Я предложил ей замужество, – неохотно произнес Люк ему вслед.

– Отказалась? – поинтересовался Байдек, не оборачиваясь.

– Да. Не вмешивайся, – Дармоншир помолчал и добавил с трудом: – Прошу.

Барон взялся за ручку двери, повернул ее.

– Ты все равно поступил не по чести.

– Да, – не стал спорить Люк.

– Исправь это.

Дверь открылась; за нею стоял бледный дворецкий, держа в руках поднос с чаем.

– Думаю, – вежливо проговорил Мариан, пропуская слугу в покои, – его светлости сейчас предпочтительнее врач.

Позади раздался хриплый смех – и Байдек едва удержался, чтобы не покачать головой. Ну и родственничка ему сулит судьба. И какой же удивительной стойкостью наделили боги этого человека... наряду с не менее впечатляющим набором недостатков.

Василина, увидев потрепанного мужа, не сказала ни слова. Принесла мокрое полотенце ему на нос, погладила кисти со сбитыми костяшками и позвала виталиста. К ужину Байдек был уже в форме: зашел в детскую, подхватил мальчишек на руки и направился в столовую.

Вечернее застолье прошло с привычным уже привкусом тревоги за кого-то из семьи. И, как всегда, они изо всех сил делали вид, что все хорошо, – будто эта оживленность и легкость могли убедить судьбу, что и с Ани, и с Полей ничего страшного не происходит. И что бы ни случилось, в конце концов семья снова будет сидеть за общим столом и болтать обо всем на свете.

А пока можно притвориться, что все в порядке.

Болтали маленькие принцы, лепетала в своем кресле уже пытающаяся встать Мартинка. Святослав Федорович рассказывал о поездке в поместье, о том, как обживаются там бывшие соседи, Валентина с детьми и матерью, и Каролинка, ездившая с ним, оживленно кивала, вставляя реплики, и что-то черкала вилкой на салфетке. Алина поела очень быстро и убежала дальше готовиться к экзаменам; ее провожали жалостливыми взглядами, в которых тем не менее сквозила гордость. А принцесса Марина была непривычно, до кротости, тиха и

рассеянна – и только иногда в ее глазах загорались веселье и лукавство и губы норовили расплыться в улыбке.

И эта улыбка так напоминала королеве собственное мечтательное состояние много лет назад, что она не могла не любоваться сестрой. И старалась прогнать тревогу за ее выбор подальше.

В этот вечер телефонная связь между Инляндией и Рудлогом дрожала от затаенной нежности и разрывалась от невозможности передать словами желание быть рядом, вжаться друг в друга. Уткнуться и общаться синхронным дыханием и стуком сердец, легкими прикосновениями и теплом, согревающим в самую холодную зиму.

– Тебя не съели?

– Нет. Даже не покусали. Что делаешь?

– Думаю, что пора выкрасть тебя еще раз.

Смешок.

– Ни капли терпения у вас, ваша светлость.

– Неправда. Если бы это было так, я бы тебя не отпустил.

Пауза и волнующий шепот:

– Может... может, и не нужно было.

– Марина, – опасные нотки в хриплом голосе, – я в течение двух часов буду у тебя.

Вздых – и провокационное:

– А ты можешь?

– Я все могу.

– Нет. Не нужно, Люк. Дождемся Ани.

– Ты теперь правильная девочка?

– Ну... нужно хотя бы попытаться.

Приглушенный, царапающий сердце смех.

– Попытаемся. Спокойной ночи, принцесса.

– Спокойной ночи, Люк.

Хорошая девочка Марина, положив трубку, с той же рассеянной улыбкой и ощущением щемящей нежности в сердце побрела в ванную. Ноющее тело требовало горячей воды.

А его светлость Люк Дармоншир кивнул заглянувшему виталисту, который вышел на время разговора, затем поджег сигарету, закрыл глаза и затянулся разбитыми губами. И поморщился, когда начало пощипывать и тянуть в снова онемевшей после встречи с Байдеком левой руке.

Тот же день, монастырь Триединого

Александр с утра в воскресенье появился у кровати Катерины, напугав ее до полусмерти. Несколько раз моргнул недоуменно – глаза были красные, воспаленные, – извинился заплетавшимся языком и принялся открывать Зеркало к себе.

Катя помаялась, глядя, как наливается серебром портал, встала и потянула Свидерского в постель. Пахло от него жженой сладковатой травой, как от осеннего костра.

– Не хотел тебя пугать, – пробормотал он, уже засыпая.

– Ничего, – тихо ответила она, – спи.

Катерина полежала с ним немного, прислушиваясь к себе и улыбаясь воркованию голубей под крышей, прижалась, погладила мага по голове и снова задремала. Через часок проснутся дети, а пока можно и понежиться здесь, в тепле и безопасности.

Александр, несмотря на дикую занятость, не забывал о ней, и Катерина каждый раз встречала его чуть настороженно и смущенно, греясь о расцветающую внутри радость. Свидерский

рассказывал о делах учебных, с удовольствием ужинал с ней и детьми, показывал простейшие плетения, приносил учебники и даже договорился с несколькими преподавателями, чтобы те днем приходили и обучали Катю по программе первого курса университета.

Дочери Симоновой тоже привыкали к нему – и пусть не встречали дядю Сашу таким же восторженным визгом, как иногда заглядывающего обожаемого дядю Мартина, но быстро смекнули, что частый гость знает ответы на все вопросы, и мучили его после ужина своими «почему», перебивая друг друга. Александр не сюсюкал и не дурачился, но умел объяснять так, что и маленькой Анютке все было понятно.

Иногда, уставший и измотанный после рабочего дня и встреч с Алмазом, он задремывал у них в гостиной на диване, ожидая, пока она уложит детей спать. И тогда Катерина, как примерная жена, стягивала с него обувь, подкладывала под голову подушку, укрывала – и уходила в свою комнату одна.

Они так и не были вместе после событий в пещерах. Алекс не торопил и не настаивал, а Катя, скучающая по его крепким рукам, все никак не могла решиться и позвать его в спальню под теплой крышей храмового дома. Так что они пока обходились тихими разговорами на ночь и осторожными, редкими поцелуями.

Но несмотря на отсутствие близости, Катя ощущала, как спокойнее ей становится, – и отмечала в зеркале, что уходят и горестные складки у рта, и привычка чуть склонять голову при разговоре. Александр оказался тем самым столпом уверенности, которого ей так не хватало. И единственное, чего она боялась сейчас, – что опять случится какая-нибудь беда и ее жизнь снова перевернется.

Александр проснулся во второй половине дня от звонка телефона. Потянулся к трубке, зевнул. В окно лилось яркое и радостное зимнее солнце. Сверху, над потолком, деловито ворковали голуби, слышен был сыпучий шорох падающего снежка, и спалось здесь, на природе, где поблизости не было ни одного крупного города, куда слаще и крепче, чем в Иоаннесбурге.

– Да?

– Александр Данилович, добрый день. Это Тандаджи.

В голосе тидусса Свицерскому послышались какие-то обреченные нотки.

– Нужна помощь, полковник?

– Как всегда, Александр Данилович, как всегда. У нас проблема. Принцесса Ангелина опять в Песках, и, к сожалению, не удается установить с ней связь. Вы не могли бы попробовать открыть к ее высочеству портал? Да, я помню, что у вас не получалось, но, кроме вас, не к кому обратиться...

Александр вспомнил Макса, шастающего туда-сюда сквозь Стену Песков, как из кухни в гостиную, Мартина, который от дурусти великой проверял себя – и ведь получилось! – и решил, что самое время снова попробовать. Когда он пытался сделать это в прошлый раз, то был в теле старика и сознательно сливал резерв. А сейчас силы не только восстановились, но и возросли благодаря магическим битвам и встречам с Алмазом Григорьевичем, где приходилось выкладываться до предела.

– Подождите пару минут, господин Тандаджи. Я постараюсь вам помочь.

Но то ли ночные бдения с Алмазом не прошли даром, то ли он переоценил себя – выстраиваемый на ее высочество переход шел волнами, рассыпался серебристой пылью и не поддавался, как Свицерский ни лил резерв и ни старался стабилизировать его.

– Увы, – с тяжелой досадой сказал он в трубку через некоторое время, – не вышло. Но я знаю того, у кого должно получиться. Перезвоню вам, полковник.

– Буду очень благодарен, Александр Данилович, – степенно ответил тидусс и отключился. Свицерский еще раз потянулся, набрал номер Макса и, поднявшись, подошел к узенькому окну. Там, во дворе, под солнцем и неизвестно откуда падающим снежком, носились Катерина

с дочерьми. Успели уже слепить кривоватую снежную горку – сугробы выросли огромные – и катались с нее. Герцогиня в яркой вязаной шапочке и толстой лыжной куртке выглядела очень юной. Заметила его в окне, неуверенно улыбнулась и помахала рукой. И он тоже поднял руку в ответ, слушая гудки.

Макс, видимо, опять работал в лаборатории в наушниках, и дозвониться до него, пока природник не выйдет из исследовательского транса, было невозможно.

Алекс сунул телефон в карман и ушел к себе домой, в Иоаннесбург. Надо хоть показаться на глаза слугам, пока не начали думать, что он пропал. Принять душ, переодеться – и обратно сюда. Может же он позволить себе немного отдохнуть? Особенно после того как переусердствовал ночью, чуть не оставшись в надпространстве.

За прошедшие с памятной битвы в вулканической долине две недели ректор МагУниверситета не имел ни минуты покоя.

Во-первых, пришлось держать ответ перед комиссией международного МагКонтроля с приглашением глав служб безопасности всех стран Туры: появляющиеся из порталов чудовища другого мира и предполагаемая опасность для держателей тронов были весомыми аргументами, чтобы проблема обсуждалась на самом высоком уровне. Макс на заседание идти отказался.

– Вы видели то же, что и я, – сухо пояснил он, – только время потеряю. Если у уважаемых коллег останутся вопросы, пусть приходят ко мне сами. Я отвечу. Но тратить время на бесконечные пустые разговоры не собираюсь.

Вики в этот день сопровождала короля Инляндии, Мартин – короля Блатории в совместной поездке, и пришлось Алексу отдуваться за всех, рассказывая и о похищении, и о роли Черныша в прошедших событиях, и о бое с чудовищными «стрекозами». Теперь Данзана Оюновича и его сообщников искали и магическая полиция, и секретные службы по всей Туре – но, увы, безрезультатно.

Во-вторых, Алмаз Григорьевич, уязвленный в самое сердце противостоянием с давним другом-соперником, тоже прикладывал немалые усилия по его поиску – и привлекал к этому Алекса, параллельно обучая его. Так что почти восьмидесятилетний Свидерский снова чувствовал себя студентом у ворчливого преподавателя.

Черныш сотоварищи как сквозь землю провалились. Хотя почему как – скорее всего, они и находились под землей, там, где стихийные колебания и узость помещений не позволяли на них сориентироваться. Или же Данзан Оюнович окружил себя множеством глушилок, экранирующих поиск.

– Нужно найти его, пока он еще что-нибудь не удумал, – бухтел Алмаз Григорьевич, подготавливая инструменты для очередного ритуала. – Слишком уперт всегда был, слишком уверен в своей правоте. Хоть поговорить с ним, постучать по дурной голове.

И Алекс после рабочего дня в университете отправлялся к старому ворчуну, вдыхал дым травяных, расширяющих сознание сборов или чертил на ладонях, ступнях и висках усиливающие концентрацию знаки – и вместе с ушедшим в транс учителем «перебирал» мир, пытаясь уловить тонкую вибрацию ауры Черныша.

Поговорить с Данзаном Оюновичем удалось только сегодня ночью. Точнее, говорил Алмаз, а Александр парил в надпространстве, удерживая канал и глядя, как идут навстречу друг другу, сшибаясь и переплетаясь, желто-сине-фиолетовые ментальные волны. Но если у них с Троттом сил хватило только на отрывочные слова-сигналы и короткие предложения, то у старых магов получился вполне себе развернутый разговор.

«Черныш».

«Все не угомонишься, Алмазушко?»

«Чего ты хочешь?»

«Предотвратить конец мира и конец магии, друг. Вернуть в мир бога».

«Почему ты не обратился ко мне? К нам?»

«С твоим чистоплюйством ты предпочтешь ничего не делать и ждать катастрофы. А остальным, кроме их исследований, ничего не интересно».

«Ты понимаешь, что порталы опасны? Что эти чудовища нанесут не меньше вреда, чем исчезновение магии?»

«Чудовищ можно уничтожить. Популяция людей восстановится. А Тура без магии станет местом без будущего. Подумай. У тебя тоже не будет будущего, Алмаз».

«Но у вас не получилось. Портал открылся, но ничего не изменилось. Вполне возможно, что ты ошибаешься. Что нет там никакого Жреца».

«Возможно. Не получилось, да. Но я предпочитаю пробовать дальше».

«Ты фанатик, Данзан».

«О нет, друг мой. Я – тот, кого никогда не признают героем. Мы сделаем то, что потом лицемерно назовут ужасным и антигуманным. Уже называют. Но именно мы спасем этот мир».

«Что вы задумали?»

«Не считай меня идиотом, Алмаз. Я не дам вам возможности остановить нас. Прощай, друг».

Они таки засекали район, где находился Черныш, но это мало что дало. Блакорийские горы, чуть в стороне от его владений. Увы, когда видишь сверху горные вершины и где-то глубоко под ними – тусклое сияние искомой ауры, очень трудно потом конкретно перенести место на карту.

Да и как перепахать двадцать квадратных километров горной системы, как найти вход в пещеры, где скрывается Черныш? Алмаз Григорьевич истеребил бороду в лохмотья, но пока они зашли в тупик, и оставалось только пробовать все новые способы, надеясь, что хоть что-то поможет. Увы, магические умения имели свой предел. И хотя к поискам подключились-таки маги из старшей когорты, Черныш оставался недосыгаемым.

Встреча четверки магов со старшими коллегами прошла около недели назад в Лесовине, в доме Алмаза Григорьевича. И быть бы ей деловой и сухой – ибо опытные товарищи весьма сдержанно выслушали рассказ Алекса о его похищении и последующих событиях в вулканической долине, – если бы профессор Тротт не притащил с собой цветочный горшок, в котором над узловатым стеблем с вычурными листьями подрагивал налившийся золотом вытянутый цветочный бутон. Впереди было полнолуние, и редкая орхидея готовилась цвести.

С абсолютно невозмутимым лицом Тротт вручил горшок и несколько луковиц Гуго Вьертолаххнету, который до этого хмурился и ворчал что-то себе под нос, поглядывая на веселящегося Мартина и чуть виноватую Викторию. Горшок сыграл роль миротворца: старый маг усадил инляндца рядом с собой и углубился в сканирование растения и обсуждение свойств измененного цветка, не обращая внимания на присутствующих. Иногда от уголка, где расположились погодник и природник, доносились экспрессивные возгласы:

– Невероятно! Как, как вы додумались до этого, профессор?! Нет, это, простите, совершенно извращенное плетение!

– Зато рабочее, – снисходительно отвечал Макс.

– Да, – радовался Вьертолаххнет. – Прощаю, прощаю вам мои пионы, коллега! А на каких растениях еще вы пробовали эту усиливающую формулу? Вы же понимаете, что это целая область в магнауке, которую вы походя открыли? Измененные растения могут превращать пустыни в пастбища, выживать в высокогорных районах...

– У меня, к сожалению, нет времени на это, уважаемый коллега, – с той же великолепной небрежностью пояснял Тротт. – Орхидею я усиливал, потому что мне нужна была вытяжка из ее корней, а мотаться в Тидусс каждый раз не хотелось. Остальное – побочный эффект.

Гуго смотрел на него так, будто готов был расцеловать. И снова потрясал руками:

– Невероятно!

Старшие участники встречи поглядывали на него, младшие – на Макса с одинаковым выражением ласкового понимания. Мол, чудик, да, но наш, родной. И последующие излияния почтенного Гуго («Очень талантливые ребята, ох, простите, леди Виктория, и прекрасная дама, очень интересные...») растопили ледок в общении: все дружно договорились приложить усилия к поиску Черныша, а разговор постепенно перешел в обмен опытом и налаживание контактов.

Макс отзвонился только вечером, когда Александр показывал Кате упражнения для растяжки пальцев. Выслушал его просьбу, буркнул: «Подожди». И ответил через несколько минут:

– Я не могу сейчас пройти в Пески, Данилыч. Не удержу. Там сильнейшие стихийные возмущения, Зеркало сминает, как тряпку. Вряд ли попасть туда сейчас вообще под силу человеку...

Глава 2

Вне времени

Ангелина

Тишина. Не слышно ни дыхания, ни стука собственного сердца. Да и тела нет – горстка огненных искр, опускающихся на пол золотистого круглого зала. Он похож на ракушку: одна стена начинается по центру и уходит спиралью по кругу, расширяясь; вторая закрывает его снаружи от вечности, пронизанной нитями чужих жизней, и зыбкий, похожий на дымку пол едва заметно движется по этой спирали так, будто под туманом несет свои воды мощная река.

Стены сотканы из солнечных и голубовато-холодных лунных лучей, словно обретающих плотность, и в сплетениях сияющей лозы то тут, то там проглядывают синие окошки-зеркала, выпуклые, будто кисти винограда. Все стены усыпаны этими зеркалами, как дерево плодами или одуванчиковые поля озерами.

Искорки обретают плоть, и у выхода из «ракушки», в самом начале – или конце? – зала, там, где туманная река завершает свой ход и изливается в чернеющую вечность, встает худенькая женщина с очень светлыми волосами. Оглядывается, невольно ежится от черноты и бесконечности за ее спиной. И идет поперек движения пола, туда, где стена подернута темным кружевом, похожим на морозные узоры на стекле.

Женщина не отражается в зеркалах: совсем другие лица, пусть и похожие на ее собственное, смотрят оттуда, и мелькают в осколках времени тени предков, приветствуя осмелившуюся прийти к ним.

Черное кружево тонкой вязью бежит по стене – и Ангелина идет за ним, и каждый шаг все труднее, все невозможнее, словно на ее плечи ложится вся тяжесть жизней, прожитых родом Рудлог. В синих озерах памяти появляется и движется параллельно с ней прекрасная женщина с чуть вьющимися льняными волосами.

«Мама!»

«Не задерживайся, доченька. Иди дальше».

«Поговори со мной. Побудь со мной».

«Я и так всегда с тобой, родная».

Прикосновение ладони к изломанной фигуре за стеной жизни – и теплый поцелуй в лоб, и объятия, теплые, успокаивающие. Ани идет вдоль стены – и Ани стоит, прижимаясь к той, кого ей дали увидеть, и плачет.

«Не нужно. Ты у меня самая сильная девочка. Я так горжусь тобой, Ангелина».

«Я не защитила тебя, мама. Но я стараюсь защитить девочек. Хоть так простить себя».

Горький вздох и крепче объятия.

«Не все в наших силах, доченька. Иногда нужно просто смириться. Иди. Не останавливайся. Не оборачивайся».

Последнее прикосновение – и Ани остается одна. И все тяжелее поднимать ноги: невозможно шагать против времени, невозможно одной вынести груз чужих лет.

Но она – Ангелина Рудлог. Для нее нет невозможного.

Снова движение в стеклах-оконцах. И перехватывает дыхание от того, кого она там видит. И, как в далеком детстве, начинает болеть сердце и сжиматься горло.

«Отец».

Светловолосый мужчина за пятьдесят, с голубыми глазами и уверенными чертами лица. И опять Ани идет дальше, против ровного движения пола, хватаясь пальцами за ускользающие стены, чтобы не отшатнуться, – и одновременно стоит, вглядываясь в забытые черты.

«Мне жаль, что я не увидел, как ты растешь, дочь».

«И мне. Я так скучаю, папа. Я очень хотела, чтобы вы с мамой жили вместе и всегда».
«Прости. Я сделал много ошибок».

Воспоминания. Теплые и сильные руки, прижимающие к плечу, на котором так безопасно спать. Пальцы, почесывающие спинку. Приглушенный голос.

«До-чень-ка. Любовь моя. Красавица».

У папы щетина и обожаемый нос, который можно обнюхивать, потянуть пальцами. Папа щекочет и смеется вместе с тобой. Гладит по голове. Исполняет все капризы – стоит только зареветь или просто нахмуриться и засопеть.

«Избалуеть ее», – смеется мама. Сама еще совсем девчонка, чуть старше Алинки.

«И пусть. Кто еще ее побалует?»

Детям, маленьким, не объяснили, куда внезапно пропал отец из дворца и почему они больше его не видели. Василина была совсем малявкой и не реагировала так, как Ани; а для старшей принцессы рухнул привычный и безопасный мир. Именно тогда закончилось для нее детство и началась жизнь Ангелины-наследницы.

Уже потом, когда Ангелине исполнилось двенадцать, мама прямо и спокойно рассказала, что случилось у нее с первым мужем. Но старшая Рудлог уже умела держать лицо и отреагировала так же спокойно. Только сны из детства на некоторое время возобновились да подушка по утрам отчего-то оказывалась мокрой.

Принцесса уже далеко от места, где видела отца, – а в глазах соленая дымка, и Ани скользит пальцами по неровной черной вязи проклятия, считая шаги. Ноги будто схвачены страшной судорогой и вплавлены в гору, и непонятно, как у нее получается переставлять их. До места, где начинается вязь, совсем немного. Двадцать шагов? Тридцать? Целая вечность.

Из осколков-зеркал, покрытых черными трещинами, начинает сочиться кровь – и стены полыхают от огненных капель, скатывающихся по сплетению света, словно слезы. Ангелина уже не смотрит туда – склонила голову и идет вперед, и кажется, что еще шаг – и она упадет и будет отнесена рекой времени назад, в самое начало.

Но она дошла. Не могла не дойти.

Наконец перед ней – последнее треснувшее зеркало. Мутное, ничего не разглядеть, но именно от него идут побеги тьмы, прошивая все последующие оконца на огненном древе ее рода.

И принцесса прикладывает к нему руку – и снова рассыпается роем жгучих искр, впитывающихся в стекло времени.

Огненная искорка вылетела из камина, поднялась в воздух в старом замке Рудлог, слилась с трепещущей свечой на столе. Не было здесь еще ни пышного убранства, ни знакомой облицовки стен – все серое, монументальное, закрытое гобеленами, и только узкие окна позволили догадаться, что это малый салатный зал в центре нынешнего дворца, бывший ранее королевскими покоями.

В комнате при свете свечей разговаривали двое мужчин, очень похожих друг на друга. Отец и сын. Оба с длинными льняными волосами, с очень светлыми глазами, широкие в плечах, невысокие. Лица резкие: упрямые подбородки, фамильные скулы, поджатые губы, – и голоса громкие, рокошующие, агрессивные, хотя разговор мирный. И одеты они похоже: темные вышитые туники с длинными рукавами, широкие штаны, вправленные в сапоги, теплые плащи. За окном холодно, и в замке, видимо, тоже.

– Полетишь в драконью страну, – говорил старший, – с посольством. Мы их ласково встречали, сейчас они нас зовут, на спинах своих понесут вас. В полете на Рудлог сверху смотри да карту черти: пригодится. Прилетишь в Лонкару – себя показывай хорошо, вокруг гляди да

запоминай, как что устроено, с Владыками общайся как с равными, норв свой держи в узде. Пески – страна богатая, многими чудесами полна, нам нужна как добрый сосед.

– Воля твоя, батюшка, но я бы пригодился и здесь, – отвечал второй. – На Севере неспокойно, окорот нужен.

– Ты славный воин, Седрик, но и у меня рука пока сильна, – усмехнулся первый, – меч удержит. Пробудешь там год, может, два – сколько понадобится, чтобы объехать все города Владык и понять их уклад. А будешь в Тафии, пойдешь в их университет: давно хочу наш сделать таким же славным, как у драконов, вот и разузнаешь для меня, как что там устроено.

Искорка в свече на искусно сделанном столе из черного дерева беспокойно шевельнулась, свеча вспыхнула, осветив два лица. Еще юное – нет, наверное, и восемнадцати лет – Седрика-Иоанна Рудлога. И тяжелое, заматеревшее – отца его, Вельгина.

– За тобой пушу корабли по океану, пройдут по реке Неру и будут ждать сколько нужно в Тафийском порту; на них и вернешься, когда увидишь все, что нужно. Это оговорено.

– Да, отец, – Седрик едва заметно склонил голову в знак покорности, хотя лицо его было мрачным и сердитым.

– С тобой полетит широкое посольство, бери и гвардию свою – негоже королевскому сыну без свиты. Довольно они пили твою кровь; теперь запечатлены и в чужой стране прикроют, если понадобится. До конца жизни не будет вернее у тебя людей.

И опять Седрик склонил голову.

– Да, отец.

Взметнулось пламя костра – то во дворе огромного дворца в Лонкаре жарили мясо, встречая высоких гостей. Полетели искры, и среди них одна – живая, маленькая. Высоко взлетела: все видно с небес, все слышно.

Владыка Владык, Тери Вайлертин, устроил пир, чествуя посольство из Рудлога, и юный Седрик, сидя за столом по правую руку от огромного красноволосого дракона, пил вино и поглядывал на окружающую роскошь.

Были здесь и Владыки других городов, и прекрасные драконицы, смелые, не склоняющие голов – в отличие от женщин Рудлога, – и видели они силу сына Красного, и взгляды их горячили кровь.

Жарко было этой ночью в Песках, и всю били фонтаны, и ворочалась на горизонте далекая гроза, и пахло зелению и близким морем. Прекрасны и свежи были Пески, и сердце королевского сына, привыкшего к битвам и стали, смягчалось – не мог он не любоваться окружающим великолепием.

Обилен и шумен был пир – а Седрик и Тери вели неспешные разговоры, как равный с равным, и благосклонно слушали они песни сладкоголосого барда Мири, и с азартом наблюдали, как гвардейцы и драконы меряются силой, испытывая друг друга в поединках.

Сильны были пришедшие из Рудлога, но не уступали им и драконьи бойцы. А в конце встал из-за стола высокий дракон-воин, перебросил красную косу через плечо и крикнул:

– А кто против меня осмелится встать? Кого поучить сейчас, на славном пиру?

Замолчали и люди, и драконы. Слава Четери, Мастера клинков, гремела по всей Туре, и не было бесчестьем проиграть ему – ибо никто до сих пор не мог его победить.

Один за другим стали выступать вперед воины из рудложской гвардии – и драконы тоже кланялись, просили дать им бой. И под короткий мотивчик, наигрываемый Мири, великий Мастер, быстрый, как молния, и такой же смертоносный, сразился с каждым – и никто не продержался против него до окончания мелодии. Кроме Нории Валлерудиана.

Искорка в небе задрожала, спустилась вниз звездочкой, засияла радостью и тоской.

Такой же, как сейчас, только в зеленых глазах нет смертной печали, воспоминаний о боли. Такой же – но выглядящий куда младше, беззаботнее и веселее, хотя и чувствовались от него знакомые прохладные волны силы, и виднелась в глазах мудрость.

– Мой сын, – с затаенной гордостью сказал Терии Седрику. – Владыка Истаила. Он и его брат будут сопровождать тебя по Пескам. Придет время, и он станет Владыкой Владык; и как вам нужно узнать нас, так и ему будет полезно узнать вас за время твоего пребывания здесь.

Славным был этот поединок, но и Нории упал, обливаясь кровью, – со смехом помог ему подняться Мастер клинков, похлопал по плечу. И зарычал, оглядывая всех безумными глазами:

– Неужели никого не осталось? Неужели больше никто не порадует Владыку и Седрика?

И тогда выступил вперед долговязый юноша, и снова затрепетала искорка, но уже от печали – это был Марк Лаурас, убитый Четом в ее страшном сне. Он поклонился с почтением, поднял слишком большой для него меч – и начался бой.

И преобразился нескладный паренёк. Зажглись глаза его тем же вдохновением, что сверкало во взгляде Четери. И был поединок так красив, так совершенен и длился по сравнению с другими почти вечность, что замолчала давно музыка и стихли разговоры, а сталь все звенела, и юный гвардеец все стоял против Мастера. Но не выдюжил – упал, пропустив удар, – и Четери сам залечил его раны, поднес ему чашу с вином и подошел к столу, где сидели Седрик и Терии.

– Сын огненного бога, – сказал дракон, улыбаясь шальной улыбкой, – нашел я сегодня себе ученика. Отдай его мне в обучение. Отпущу, как только научу всему, чему могу.

Седрик посмотрел на Лаураса, самого юного среди его гвардии, – и кивнул. И просветлел лицом Мастер. А огненную искорку подхватило ветром и снова понесло куда-то сквозь время, останавливая на мгновения и опять увлекая вперед.

Вот дворец Истаила; Ангелина мгновенно узнала его. Тлели в золотой курительнице благовония, и потрескивали искрами, сгорая, драгоценные масла. А вокруг были покои Владыки, хорошо знакомые ей. Неподалеку от курительницы, в просторном холле, Нории учил Седрика играть в шахматы, и повзрослевший сын Рудлога старался не горячиться, продумывать ловушки, выдерживать характер.

Как все привычно. Даже шахматный столик стоит на том же месте, где она видела его в последний раз. Где играли они с Норией.

Тут же и Энтери: расположился на софе, наблюдая за игрой. Мужчины пили вино и разговаривали. И тон разговора был шуточный и дружеский.

– Ваши женщины, конечно, хороши, – жарко и со знанием дела говорил Седрик, – но, простите меня, друзья, очень уж своевольны и свободны. Я люблю наших дев, теплых и мягких, мужчинам не перечащих; мять такую – одно удовольствие.

– Все мужчины любят тихих, – рокочуще согласился Нории, – поэтому у нас многие остаются неженатыми до конца дней своих. Одно дело – брачный полет, другое – жить вместе.

– И ты не собираешься брать жену? – удивился Седрик.

– У меня полсотни нани-шар, друг, – ответил Нории с улыбкой, и искорка сердито затрепала, запылала в ароматном табаке, – нежных, как пух, так зачем мне приводить в дом колючку?

Мужчины захохотали, и огненная искорка беззвучно смеялась вместе с ними.

Дальше была Тафия. Самый большой на Туре город, бело-лазурный, как все драконьи города, заполненный народом. Несла мимо белых стен свои воды широкая река Неру, и порт ее был полон огромных кораблей, торговцев и моряков. Стоял посреди Города-на-реке величественный дворец Владыки, а неподалеку, на холме, возвышался старейший университет в мире.

Ани видела мгновения из жизни далекого предка, вспыхивающие перед ней картинками и обрывками разговоров, но нигде не задерживалась, не останавливалась – река времени несла ее к ответу на заданный вопрос.

Седрик провел в Тафии год после поездки по Пескам, проживая в роскошном доме недалеко от дворца Владыки. Был он принят и там как дорогой гость, и Владыка Теонии с супругой, невероятно красивой Огни, и с их детьми – подростками на несколько лет младше самого Седрика – часто приглашали его разделить с ними обед или ужин. Прилетали навестить друга Нории с Энтери, и славные у них были пирушки, да и Седрик то и дело наведывался в Истаил. Писал отцу подробные отчеты о том, что да как здесь устроено, и не без ревности признавал, что Пески и богаче, чем Рудлог, и люди здесь живут лучше, и маги сильнее, и даже чудо-университет, собирающий под сводами научных людей со всей Туры, вряд ли получится повторить в Иоаннесбурге. Видно было, что драконы понимают свою силу и именно поэтому так радушны: кто решит ссориться с богатым и крепким соседом?

Прощался королевский сын с драконьей страной нехотя. Но за Милокардерами ждали наследника престола его страна и отец, и нужно было возвращаться.

Увозил он с собой не только знания о Песках и богатые дары. Накануне отъезда последний раз обедал Седрик у Владыки Тафии и с замиранием сердца смотрел на прекрасную Инити, младшую сестру Огни. Ему, молодому, яростному, непривычно тепло делалось от ее улыбок и лукавых зеленых глаз.

Сын Красного бога за два года в Песках сполна вкусил горячей любви свободолюбивых и гордых дракониц. Наблюдал он и брачные полеты: от гортанного рева поддавшихся инстинкту драконов ему самому хотелось обернуться и полететь вместе с ними, вслед за ускользающими крылатыми девами. Но только одной он готов был простить и свободу, и высокомерие, ибо хотел видеть ее своею женой в своей стране. Седрик писал отцу просьбы посвататься к Инити, объясняя это государственной необходимостью: будет крепче союз между двумя странами, будет сильнее и сам Рудлог. Никто из правителей Туры не имел еще в супругах дочь Белого и Синей, и кто, как не он, Седрик, достоин и достаточно силен, чтобы стать первым?

Оставила искорка предка, потянуло ее сквозь мутную пелену времен – и снова выбросило в родном дворце. Горели факелы и свечи, и множество людей сидели за широкими столами, кричали здравицы, и текла рекой хмельная брага. То король Рудлога, Вельгин-Иоанн, встречал сына своего, Седрика, наконец-то вернувшегося домой. Пьян был король и радостен, а в глазах молодого наследника стыла трезвая тоска, и холод шел от него, выбивая облачка пара из ртов близсидящих людей. Схватил он золотую чашу с вином, выпил, заскрипел зубами, сминая драгоценный металл, – и потекло расплавленное золото меж его пальцев.

– Значит, не хорош я им! – рявкнул он наконец. – Отказали! Чем же я не хорош? Разве не честь для любой женщины стать моей женой?

– Отказали, да в утешение богатые дары прислали, – сурово отрезал король, хлопнув сына по плечу. – Дольше живут они, чем мы, для них что ты, что Инити – дети еще. Ей двадцать пять, по-нашему – перестарок, а у них до тридцати пяти женщина не рождает, лунные дни не наступают – на кой тебе жена, что десять лет наследника не принесет да на пять лет старше? И будешь ты уже стариком, а она все еще молодой да юной.

– Люба она мне, – мрачно проговорил Седрик. – Никого не хочу, кроме нее.

– Ой, ой, – захохотал король. – Знаю, сын, я тоже кроме матери твоей видеть никого не мог; как увидел ее – решил: моя будет. Но у них свой обычай, у нас – свой; не в обиду они отказали, а по уму. А жениться тебе надо, да. Присмотрел я тебе жену...

Длился и веселился пир, а за стенами замка всю ночь метался в обличье красного волка наследник короны – ушел в лес гнать оленей и рвать острыми зубами живую плоть, пить кровь и выть от тоски. А через месяц женился он на светлокосой да голубоглазой Ольге, дочери сильного герцога – тем крепче страна, тем вернее люди, – и ушел воевать с очередным непокорным

племенем. Уже через девять месяцев родила супруга ему первенца, и, хоть не был Седрик с женой ни ласков, ни жесток, за сына одарил ее вниманием сполна.

Но привычка уходить в лес волком и охотиться осталась с ним на долгие годы.

Опять понесло искорку дальше. Бой, снег, грязь, кровь. Седрик славу свою и отцовскую увеличивает, страну расширяет: не приведены еще к покорности ни Север, ни Юг, есть еще племена, не склонившиеся перед Рудлогами, есть еще куда Стену двигать. Не юноша уже – мужчина: рубит врагов, жжет их пламенем, и в глазах его ярость, и расступаются перед ним противники – так ужасен его лик. Знают враги: когда входит будущий король в боевой раж, оборачивается он огненным вепрем – и тогда не остановить его, и горе тем, кто попадет под его клыки.

Один из противников со спины подобрался, замахнулся – и упал, сраженный клинком матерого зеленоглазого воина в доспехах с гербом старой династии Гёттенхольд. Кивнул благодариец союзнику – и снова разошлись их дороги в этом бою. Потом, после победы, поделят они по чести завоеванные земли, и встанут Стены друг напротив друга, оставив тонкую нейтральную полосу между ними.

Вот и картинки мирной жизни. Разросся Иоаннесбург, много жителей пришло в него, привлеченных силой Рудлогов, – а все равно не сравниться ему с драконьими городами. Здание МагУниверситета в столице выросло, взял его король под свое покровительство, выделил много золота на развитие. Собрали в него волшебников со всей страны, дали им учеников, в которых талант к волшебю замечен был. А через некоторое время старенький профессор продемонстрировал во дворце королю и его сыну переход-Зеркало.

– Это как дверь, что можно открыть в любое место, – тонким голосом вещал старик, – к любому человеку. Давно мы над этим бились, и наконец получилось. Только должен открывающий знать человека, к которому идет, или место, куда хочет попасть.

– А далеко-то пройти можно? – спросил заинтересованный Седрик. В глазах его снова видно было что-то юношеское, как тогда, когда он взирал на чудеса Песков.

– Зависит от силы мага, мой господин, – горделиво ответил старый волшебник, – кто-то – на сто шагов, а кто-то – и на дневной лошадиный переход. Никто так не может, даже в драконьем университете только чаши порталные придумали, а до переходов не дошли.

– А к супруге моей сейчас открыть можешь? – поинтересовался Седрик. – Ты же ее видел.

– Могу, – величаво кивнул старик и начал шевелить пальцами. Открылось с тонким звоном Зеркало, профессор поманил королевского наследника за собой – и вышли они в покоях будущей королевы. Та побледнела, закричала и лишилась чувств, а старший сын Седрика, даром что всего семь лет ему, нож схватил и над матерью встал: защитить, как положено мужчине. Отдохотался буйный сын Красного, жену по щекам похлопал, к груди прижал, сына похвалил да велел старику отмерить золота мешок за труды.

Седрик-Иоанн Рудлог

Прилетали к Седрику драконы, встречал он и Нории, и Энтери как самых дорогих братьев. Ни словом, ни жестом обиды своей не показывал – наоборот, радушием их окатывал, словно стыдясь злости, что внутри жила, никуда не делась. И смотрел на него Нории задумчиво: ощущал он, как терзает что-то друга, которого полюбил всем сердцем, а Седрику казалось, что не спокойствие, а высокомерие светится в глазах гостей, что относятся они к нему как к мальчишке. Не менялись совсем дети Песков, хоть Нории родился еще при прадеде Седрика. У наследника трона уже и первые морщины у глаз пошли, а драконы все так же были молоды. И ни разу не спросил Седрик про Инити, не излил обиду, не дал зажить нарыву. Так бы поругались да помирились по-мужски, за дракой и вином, – но нет. Гордость не позволила, что всем Рудлогам в довесок к огненному нраву дана.

Огненную искорку снова подхватило ветром времени и выбросило из чадящего факела в темной пещере. Посреди пещеры стоял странный камень, похожий на широкую мраморную чашу с двумя ручками-рогами. Полумесяцем поднимались высоко вверх эти острые и тонкие вершинки, похожие на клинки, и по ним текла кровь из ладоней бородатого черноволосого мужчины с сияющими зелеными глазами – того самого, что помог в битве Седрику Рудлогу. Только что он сам положил на острия руки и нажал – и застонал сквозь зубы, когда камни проббили ладони.

Кровь собиралась в углублении между «рогами» и впитывалась в камень, и очень это все напоминало ритуал, который проводила королева Ирина на глазах у старшей дочери.

Долго текла кровь, пока наконец чаша не полыхнула чернотой и не втянулись в нее клинки-острия. Лишь тогда мужчина, бледный, почти обескровленный, опустился на пол без сил. И тут же со всех сторон из темноты пещеры полетели к нему летучие мыши – прикасались, отчаянно пища, и сыпались, сыпались на землю, мгновенно иссыхая.

Через несколько минут человек пошевелился. Разгреб гору летучих мышей и пошел к выходу. Глаза его приобрели обычный зеленый цвет.

Вышел он из пещеры у подножия горы, где ждали его верные люди. Поклонились ему, накинули на плечи мантию черного и серебряного цветов – цветов старой династии Гёттенхольд, – подали меч и подвели коня, и он, зычно рыкнув что-то, понесся вниз по склону к густому лесу, что покрывал землю до самого горизонта.

Искорка пометалась на ветру – и вдруг оказалась в другом месте, в богато украшенном зале. Стоял у стены трон, а на троне сидел тот самый, зеленоглазый. Король блакорийский. За его спиной висел на стене большой щит с гербом старой Блакории: черным вороном на фоне двух изогнутых клинков на серебряном поле. Рядом с королем расположились еще несколько людей – все пожилые, матерые, как он сам.

– В этот раз еще хуже, – скупко роняя слова, говорил король Блакории. – Алтарь-камень много взял. Слабеет наша сила, слабеет Стена; сколько пройдет, пока падет она и станем мы легкой добычей для соседей? А если, как и предсказано, род наш иссякнет и кровь ослабнет без влияния господина нашего Черного Жреца?

– Мой король, Виланд, – басовито вступил один из сидящих, – говорил я тебе: нужно было выкрасть дочь Вельгина, стала бы она тебе женой, смог бы позвать Жреца из небытия. Раз уж Рудлог отказал тебе, когда ты честь по чести ее руку просил.

– Вельгин против бога своего не пошел, – невесело усмехнулся блакорийский монарх, – а сейчас поздно по покрытой кобыле сокрушаться, Герман. Рудлог хитер: прознал, что нужна она мне, но не стал дразнить, выдал Саину замуж. Ждать, пока у Рудлога еще дочери родятся, некогда, так что нужен нам Рубин.

– Рубин сейчас на Маль-Серене, – угрюмо напомнил еще один из советников. – Бабы стерегут его пуще, чем свою царицу, да и никто из соседей нам его добровольно не отдаст.

– Запрещено, – кивнул Виланд Черный. – Но следующий в очереди – Рудлог, за ним – Пески, и что нельзя сделать силой, можно сделать хитростью. Если выйдет все, как я задумал, то и Рубин у нас будет, и трон Рудлога пустым останется. Не простят драконы оскорбления. Их ослабим – а там, глядишь, и пророчество сбудется. Полно нам ждать, пока боги решат, пора и самим дело делать...

Искорка хотела послушать еще, но снова сменилась перед ней картинка. Похороны. Ярко горели костры на старом кладбище, провожая могучего короля Вельгина в последний путь. Король Седрик стоял рядом с супругой – тонкой, молчаливой. По правую руку от нее – старший сын, уже юноша, лицо один в один с молодым королем; по левую – младший, вот-вот стукнет ему десять годков.

Над саркофагом с телом мужа раненой птицей плакала мать Седрика, любимая жена Вельгина, и вой ее леденил души стоящих тут же воинов. И силен ее муж был, и хорош, и править бы ему еще и править, греть ее постель и душу своей любовью. Не было ему соперника ни в бою, ни на охоте, медведей голыми руками ломал, а умер не в честной схватке, а от чужого вероломства: устроили ему засаду на крутом речном берегу, сдвинули сверху огромные камни, обвалом короля в воду снесло – не выбраться, будь ты трижды потомок бога.

Хоронили короля, горели костры, плясала между ними искорка, жадно слушая разговоры, – а за спиной Седрика стоял король Виланд, прибывший проводить в последний путь великого правителя, и глаза его были темнее тучи, и лицо жестокое.

И опять показали искорке-принцессе замок Рудлогов. Огромный воин с тяжелым мечом подошел к трону короля. Преклонил колени, положил перед собой меч.

– Закончил я свое обучение, мой господин. Позволь снова встать в твою гвардию, прикрывать твою спину, службу свою кровную нести.

– Долго же ты, Марк, – удивленно произнес Седрик-Иоанн.

– Ученичество длится всю жизнь, – гулким басом ответил воин, – но тянуло меня сюда, повелитель, с каждым днем все труднее было там оставаться, кровь твоя меня звала. Многому я научился, смогу и твоих воинов поучить. Окажи милость, прими меня обратно.

Меньше чем через год стал Марк Лаурас во главе королевской гвардии – и про силу его и умения долго еще ходили легенды среди воинов и простого народа.

Шли годы, воевал Седрик, и, казалось, ярость его и жажда крови не иссякнут никогда. Часто приходил на помощь ему Виланд Гёттенхольд. За прошедшие годы стали они не просто друзьями – верными союзниками. И первым с королем Блакории поделился Седрик открытием своих магов, и часто навещали они друг друга через Зеркала: любо было рудложскому королю, что принимал его Виланд как равного, хоть был старше на двадцать лет. До того доверял Седрик блакорийцу, что стоворился: если Ольга разрешится от нынешней беременности дочерью, то отдаст он ее в жены сыну Виланда – вопреки воле господина своего, Красного Воина. Но Ольга родила третьего сына: крепко было семя Красного, не ослабло еще, чтобы девочек зачинать.

И в очередной раз вынырнула из небытия искорка. Завертелась, закрутилась: вокруг был храм, и стояли статуи богов, и в чаше у изножья Красного Воина горел красными и фиолетовыми всполохами маленький камень, похожий на свернувшуюся кровь.

– Подарил ты мне сегодня радость, друг, – глухо говорил Виланд Гёттенхольд. – Знаю, что не ладят мой бог и твой, и тем больше тебе благодарен.

– Боги тоже ошибаются, – бесстрашно ответил Седрик прямо перед лицом Красного Воина. – Сколько раз мы с тобой на врага вместе ходили, сколько ты мне спину прикрывал? Была бы моя воля – устроил бы так, чтобы и Блакория не была обделена Рубином; но никогда

на это не пойдут ни желтый тигр, ни дракон, ни медведь. А уж о бешеной царице и говорить нечего.

– Я не печалюсь, – хохотнул Виланд и хлопнул Рудлога по плечу, – Блакория и без него богата. Хотя драконам Рубин тогда и вовсе не нужен: и земли у них много, и богатств неслышанно. И живут втрое дольше, чем мы.

– Да, – помрачнел Седрик.

– Невольно станешь свысока к нам, жалким червякам, относиться, – словно в шутку продолжил Виланд. Но искорка видела и еще кое-что: как льется от него фиолетовый ментальный поток, не встречая сопротивления, ибо глубоко доверие ее предка к черному королю.

Задумался Седрик, а блакориец хмыкнул удовлетворенно, глаза его полыхнули – и зашептал мысленно: «Оскорбили тебя, обидели, прилетают, другом зовут, а одной женщины пожалели. Что с того, что хлеб с ними разделял, если они на тебя как на зверушку диковинную, мало живущую, глядят? Лукавы драконы и хитры, а ты силен, всех победил – вот и летают к тебе, задабривают».

Не первый раз он так шептал – и ничего не замечал яростный и гневливый Рудлог, потому как на благодатную почву упали зерна лжи. Слишком горд был Седрик, дабы понять, что поддался внушению. Все же он был лишь вторым сыном – как ни могуч, как ни закален в боях, а только Виланд, старший сын своего отца, опытнее и сильнее.

– Да, – совсем тяжело ответил Седрик, развернулся и ушел. А Виланд, прежде чем последовать за ним, жадно посмотрел последний раз на Рубин и втянул в себя воздух.

– Какая мощь, – проговорил он, – какая мощь!

Глаза его снова начали светиться, и он через силу заставил себя сделать шаг назад.

И вновь замок Рудлогов. Опустились перед ним белые драконы, перекинулись – прилетели в гости к другу Нории и Энтери, и с ними сам Владыка Владык, Тери Вайлертин. Вышел им навстречу Седрик, обнял как братьев. Счастлив он был в этот момент, действительно счастлив. И встретил их пиром, и королева сама обносила гостей вином, и дорогую утварь выставили перед ними, и в самом богатом зале приняли, и лучшие покои отвели.

Отшумел пир, пришло время поговорить о делах. Собрались мужчины в покоях Седрика; королева тихо удалилась в свои комнаты, детей увела. Мужской разговор предстоял, не нужно отвлекать.

– Не только погостить мы к тебе прилетели, – говорил Нории, а волшебная искорка притаилась у него в волосах и замерла в предчувствии беды, – но и за помощью. Знаешь ты, наверное, что пришла в Пески невиданная засуха. Не было у нас никогда такой. Хоть и держим мы землю, а неладно что-то в мире, раз равновесие нарушилось. Большая часть урожая засохла на корню, реки обмелели, начался падеж скота, люди страдают от голода.

– Чем могу я помочь вам? – спросил Седрик, глядя на сильнейших, что прилетели к нему с просьбой.

Ответил Владыка Тери.

– Просим мы тебя отдать нам Рубин на год раньше. Не хватает даже нашей силы сейчас, чтобы призвать дожди, трудная пора наступила для Песков. Не как друга прошу – как короля сильного Рудлога: обдумай, скажи нам свое решение. Если откажешься – пойдем, справимся, но с Рубином куда проще нам будет.

Задумался Седрик. Терпеливо ждали ответа красного короля драконы, не сомневаясь в его согласии. Ибо в памяти их он был не только правителем великой страны, но и юношей с горящим взглядом и честным сердцем. Но удивил их старый друг.

– Знайте, – произнес он наконец, – что, не будь у меня короны, я бы ни минуты не сомневался. Но в следующий раз Рубин будет в Рудлоге только через тридцать лет. Имею ли я право забирать целый год процветания своей страны?

– Ты отказываешь нам? – спокойно и терпеливо уточнил Терии.

– Нет, – раздраженно отозвался Седрик. В сердце его вина и торжество оттого, что просят его помощи, смешались со злостью: он тоже просил, но ему не пошли навстречу. – Но мне, как вы и сказали, нужно время, чтобы обдумать вашу просьбу и принять разумное решение. И я очень надеюсь, что в любом случае оно не повлияет на наши отношения. А пока, прошу, будьте моими гостями.

Через некоторое время в своих покоях тихо беседовали драконы. И слушали их соглядатаи, чтобы каждое слово передать своему королю. Но были там и люди, что работали не только на Рудлог.

– Что будем делать, если Седрик откажет? – спросил Нории, стоя у распахнутых ставень и любуясь на пышную зелень, омываемую налетевшей к ночи грозой.

– Постараемся убедить его, – ровно ответил Владыка Терии. – А если не получится, придется принимать другие меры. Нам нужен Рубин, некуда деваться. Надеяться на внезапные дожди бесполезно, слишком долго мы их ждали.

– Он согласится, – с уверенностью сказал Энтери. – Разве может он оставить нас в беде?

С печальными улыбками посмотрели на него Терии и Нории. Энтери повезло не быть правителем, и не знал он, что дружба – это одно, а политика – совершенно другое. Там, где дружба и симпатия заставляют отдать последнее, политика велит воткнуть нож в спину и повернуть, чтобы урона больше нанести.

За окном запылали молнии, и уже все три дракона зачарованно обратили свои взоры на потоки дождя, барабаниющие по подоконнику, проникающие в комнату.

– Матушка разгулялась, – с почтением проговорил Нории, вытянул руки за окно, набрал в ладони воды, умылся. – Красный свой сезон празднует, супругу встречает.

– Полетать бы, – мечтательно выдохнул Энтери. – Давно я под дождем не летал.

– И я бы слетал, – глухо пророкотал Нории. – Заглянул бы в храм, поклонился Красному, попросил бы помощи – чтобы смягчил Седрика.

– Полетайте, – согласился Владыка Терии. – А я спать. Завтра нелегкий день.

Ани-искорка нырнула в темноту. И не должно болеть сердце у крошечной точки – а болит; не должно сжиматься от будущего горя – а будто задыхается она. Куда сейчас выкинет ее колодец памяти? Нужна ли ей такая страшная память?

Нужна.

И понеслись видения, забрасывая ее то в прошлое, то в будущее, смешиваясь, – и все страшнее были они, все неотвратимее.

Зазвенели на ветру тонкие бамбуковые палочки и серебряные трубочки. Вставал рассвет над вишневыми садами, пока в Рудлог спускалась ночь. И в эту рань в маленьком павильоне неподалеку от императорского дворца уже горели свечи. Там кипела работа, там слушал срочный доклад своего соглядатая глава императорской тайной службы. Выслушал, хищно глаза его блеснули: любят желтые вмешиваться в политические узелки, свои нити вплетать.

Наградил шпиона, подождал, пока закроется Зеркало, по которому маг отправил своего человека обратно в Рудлог, и поспешил на встречу со старым императором.

Тей Ши, ослепший на оба глаза, но видящий больше иных зрячих, сидел на скамье, пока супруга его, стоя на коленях перед мужем, расчесывала его длинную бороду. Стар был йеллоувиньский тигр, но зубы его оставались крепки, и хитер он был так, как другим монархам и не снилось. Договорил глава тайной службы, замолчал. А старик кивнул величественно.

– Мудра природа, Хин Ву, не терпит дисгармонии. Слишком возвысились Пески, а в союзе с Рудлогом и вовсе непобедимы стали. Если переступит через себя мальчишка Рудлог,

то уйдет драконья страна вперед так, что и вовсе не догнать ее будет, а с такой мощью рано или поздно захотят они расширить свои владения. Хорошо, если на Эмираты пойдут, а если на Йеллоувинь?

– Что прикажешь делать, великий? – с поклоном спросил Хин Ву.

– Заберите камень. Даже если стерпит это Седрик, засуха в Песках пойдет нам на пользу: будут драконы закупать у нас зерно и фрукты, за счет них усилимся. А если не стерпит – тем лучше. Сразу два сильнейших будут истощены войной, а наш благословенный край тем временем станет первым, и поклонятся нам другие страны. Спрячь Рубин, чтобы не знал никто, где он, а через год, как придет время, подкинем обратно. Так и порядок вещей не нарушим, и мальчишку от неверного решения убережем.

Не успела возмутиться искорка-принцесса, как перед нею – новая картинка. Мечется по покоям блакорийский король: передали ему шпионы, зачем прилетели драконы с утра в Иоаннесбург. Тихо наблюдали за ним верные советники, ближе которых нет у него.

– Сколько лет, – рычал блакориец, – сколько лет впустию! Еще немного – и сам бы отдал мне камень, но прилетели эти твари; не откажет он им, не сможет. Когда еще возможность такая представится?

– Что прикажешь делать? – спросил один из советников – ровно так, как в далеком Йеллоувине спрашивал своего господина глава тайной службы.

Виланд Черный остановился, устало рухнул в кресло.

– Сейчас хороший момент забрать его, Герман. Только нужно поспешить. И сделать так, чтобы никого из наших людей не заметили.

Той же ночью в охраняемый храм всех богов в Иоаннесбурге проникли воры. Проскользнули черными ловкими тенями мимо охраны, как невидимые. Подхватили камень в шкатулку, выбрались – и ушли в Зеркало.

Только наутро священники обнаружили, что свершилось святотатство: опустела чаша в изножье статуи Красного Воина.

А королю Седрику о краже сообщили как раз тогда, когда собирался он завтракать с дорогими гостями. Много он думал этой ночью и так и не принял решения. Донесли ему также, что Нории и Энтери вернулись под утро, и запыхал он гневом, ворвался в покои гостей. Обернулись ему навстречу драконы, нахмурились – вслед за королем стража вошла, окружила их, замерла.

– Что это значит, Седрик? – поинтересовался Нории. – Что случилось?

– Сегодня ночью, – рыкнул красный король, едва сдерживаясь, – пока вы летали, пропал из храма Рубин, который вам так нужен. И я спрашиваю у вас: не вы ли его взяли? Вы были в храме, видели вас!

Почернел Владыка Владык Терии. Но попросил терпеливо:

– Остынь; не ведаешь ты, что говоришь. Прилетели мы к тебе как к другу, за помощью; уж не думал я, что получу оскорбления. Один раз скажу только из уважения к твоему гневу и нашей дружбе: никто из нас не трогал камень. Веришь ли мне?

Седрик повел красными глазами, выдохнул и заревел, срываясь в бешенство:

– Некому больше, никому он не нужен более! Сейчас обыщут ваши покои; если нет его и поклянетесь вы на крови, что не брали, не спрятали куда-то, то извинюсь перед вами.

Виланд Гёттенхольд

Закружилась вокруг лютая выюга, снося мебель и гобелены со стен, – и тут же выставил Нории круглый щит, а Энтери зажег в ладонях две сферы.

– Да в своем ли ты уме? – резко ответил Терии. – Или не видишь, с кем говоришь? Я кто тебе, вассал твой, чтобы ты слову моему не верил, а кровную клятву требовал? Гнев застил тебе разум, Седрик Рудлог. Обыскивай покои. Но знай: если ты это сделаешь, сюда мы больше не вернемся.

Еще больше разъярился король, что его как мальчишку отчитывают. Махнул стражникам, рассыпались те по комнатам. И опустил голову Нории, отвернулся от бывшего друга. Знал он, что перегорит тот, пожалеет, но есть поступки, которые не прощаются.

Ничего не нашла стража в покоях драконов. Ни слова не сказав хозяину, ушли красно-волосые гости из дворца, и горе было бы тому, кто посмел бы их задержать. Поднялись дети Синей и Белого в воздух и улетели.

Остыл к вечеру Седрик. Стало совестно ему, что друзей обидел. А повиниться гордость не давала. Да и Рубина не было больше в храмовой чаше.

И пошел он с горя пить, вином заливаясь, и думать, как дело поправить, – и метался от самых черных подозрений к горькому самопорицанию.

Затаились все во дворце, только великан Лаурас бесстрашно сносил гнев короля, заламывал его, когда крушить все начинал да на слуг руку поднимать. И сыновей своих Седрик не трогал с супругой. Но не имела тихая Ольга достаточно власти над его сердцем, чтобы утешить и утихомирить буйного мужа, поэтому хоронилась в своих покоях да терпеливо сносила, когда приходил он к ней в постель ярость свою плотской любовью приглушить.

В те дни понесла она четвертого ребенка, и так и назвали его потом – Ярин Рудлог.

А на третий день после отлета драконов решил Седрик навеститься к союзнику своему, Виланду Черному. И застал его пьяным и мрачным: встретились два горя, смешались, вспенились, и снова под влиянием темного начали в душе красного короля крепнуть подозрения.

А на четвертый день донесли ему, что в Песках впервые за долгое время пошли дожди.

Недолго думал король Рудлога, прежде чем принять решение. Ярость его не знала границ, и начал собирать он войска, отправляя их на нейтральную территорию между Рудлогом и Песками. В драконью страну же направил он с послом письмо, в котором было всего два предложения: «Верните Рубин в храм до окончания этого месяца. Ежели это не будет исполнено, я приду за ним сам».

Послу не ответили, но после тот рассказывал, как потемнело от гнева лицо Владыки Владык, как налились красным его глаза, когда он прочитал послание. Но выдохнул дракон, успокоил себя. Все же он был старше большинства живущих на Туре. И мудрее был, понимал, что нет ничего хуже войны.

Полетели от него к Седрику послы в последней попытке достучаться до короля, затуманенного гневом от нанесенного оскорбления и предательства друзей. Понесли письма примирительные с предложениями приехать в Пески, самому убедиться, что нет у драконов Рубина.

Но все сильнее становилось влияние Виланда Черного. Мучился он оттого, что упустил камень, способный спасти род и страну и вызволить их божественного повелителя. Так сильна оказалась власть блакорийца, что шептал он уже и на расстоянии, показывал Седрику картины сладкой мести и славных будущих побед. Оставалась у Черного теперь одна надежда – перемолоть в боях всех драконов, чтобы пала Стена, дойти до нынешней столицы Песков и забрать Рубин втайне от Седрика.

Драконьих послов король Рудлога принял оскорбительно, на пороге дворца, не дав им даже войти, не предложив по чести воды, хлеба и отдыха. Выслушал, махнул в раздражении рукой и велел улетать, пока их пушками не поприветствовали.

«Пока нет войны, – прорычал он, – я отпускаю вас. Но не прилетайте боле; только если с Рубином».

Стягивались на границу войска; плыли к берегам Песков, туда, где была полоса, не защищенная Стеной, корабли из Рудлога и Блакории с оружием, лошадьми и солдатами. Из Песков

же драконьи Владыки выслали всех рудложских торговцев и чиновников, поставили на дороги посты. Застыли две страны в напряжении – и ровно через месяц Седрик лично возглавил первый удар на ближайший к морю гарнизон драконов. И так зол он был, так распалился от битвы и запаха крови, что не было пленных в том бою – всех вырезали, до единого.

И понеслись перед искоркой-принцессой картины кровавых битв, побед и поражений, и видела она умирающих – и простых солдат, и магов, и драконов, – и слышала их крики, и чувствовала удушающий запах смерти и паленой плоти, когда срывался Седрик в ипостась огненного вепря. И хотела бы закрыть глаза, зажать уши, да не могла, и хотелось кричать и плакать от ужаса, да нечем было.

Долго длилась война на границе, бесславная, немилосердная, ухмыляющаяся то осками трупов, припорошенных песком, то ржавеющим под летним солнцем железом, воющая тысячами голосов матерей, жен и детей, стонущая агонией раненых и звенящая сталью. Через много битв получил ранение Седрик – на руках вынес его верный Марк Лаурас из боя, и повезли короля лечить в Рудлог, и оставил он великана за себя, отдав приказ не отступать, вырвать победу из драконьих лап... Но слишком сильны были драконы, и считал король это лишним подтверждением, что Рубин у них; таяли войска Красного и Черного, но и повелителям Песков приходилось несладко.

И снова видела огненная искорка страшный бой Мастера клинков с его учеником... и обагряла парные клинки красная кровь... и рыл одинокий раненый дракон могилу тому, кого воспитал и выучил... и сжималась от горя рядом с ним принцесса – потому что плакал непобедимый боец Четери, и слезы его были горче полыни.

Ушли после памятного боя остатки двух армий из Песков. Принесли раненому королю тяжелые вести, и сто раз проклял Седрик в гневе Лаураса, забыв о том, что за него сложил великий воин голову и уберег его от позорной капитуляции и полного разгрома, а то и от потери страны, решив итог войны честным поединком. Не стал он думать и о том, что сам виноват в проигранной войне.

Но слово было дано, слово было подтверждено Отцом-Огнем – и едва оправившийся от ран Седрик послал в страну драконов послов. С письмом, в котором просил мира и предлагал подписать договор.

Так ломало, так корчило его от поражения, что начались у него приступы эпилепсии и бешенства, и в один из них избил он свою супругу, тишайшую Ольгу, которая закрыла собой старшего сына, вызвавшего чем-то монаршье неудовольствие, – и наследник первый раз пошел на родителя, отбил-таки мать у озверевшего отца. Даром что еще и двадцати принцу не было – и в ужасе бежали придворные из дворца от трескавшихся от жара камней: боялись, что два Рудлога разворотят его бурей и огнем – и себя там похоронят, и других.

Чудом не убил Седрик сына – услышал он плач младшего, Ярина, которого нянька пыталась вынести из покоев королевы. Услышал, осознал, что делает, увидел окровавленного старшего сына, стеной вставшего против отца, рывкнул, вцепился себе в волосы, зубами руку до крови прокусил, бешенство останавливая.

На коленях потом вымаливал он у жены прощение. И гордость не позволяла, а только есть что-то превыше гордости – ужас его пробирал от содеянного, когда смотрел Седрик на изуродованное лицо скромной и верной супруги, что столько лет его нрав выносила, слова поперек не сказала, и почитаемой народом королевой была, а сама любила мужа, и ласкала робко, насколько он позволял, и четырех мальчишек ему родила. Вон старший, названный в честь бывшего друга Норинном, какой вымахал: хорошо отцу намял бока, сильно в нем пламя Красного. Оставлял Седрик его в Рудлоге хранить границы от других соседей, пока отец на войне, – и не посрамил его первенец. Заматерел, вырос.

– Спасибо, что остановил, – сказал он сыну потом. Повинился, хоть и стоило это ему немалых сил.

Жена слабенькая стала после побоев: ходила сгорбившись, хромая, вздрагивала от его появления – и грызла Седрика изнутри горькая вина, и корил он себя, и последними словами ругал, и подаривал ее подарками, а она глаз не поднимала, только кивала: «Да, муж мой, да, господин мой».

Не выдержал он однажды, сорвал со стены плеть, нож острый, упал перед ней на колени:
– Избей меня, убей, Олюшка, не могу я так больше; чудовище я, что поднял руку не на врага на поле брани, а на тебя, на женщину, на супругу свою верную. Не делала ты мне зла, а только отплатил я тебе яростью своей.

А королева первый раз на него взгляд подняла и сказала тихо:

– Да что же я, зверь, чтобы бить и убивать?

И зарыдал король от слов этих, зарычал, как волк, согнулся, ноги ее обнял. А только робко коснулась его волос женская рука и тут же отдернута была испуганно.

Золотое сердце было у королевы Ольги. Говорили потом, святостью своей она половину грехов мужа отмолила да потомков отбелела. С этой поры Седрик-Иоанн с супругой разговаривал только тихо, почти шепотом, и называл ее не иначе как «сердечко мое». А если вдруг затмевала его сознание ярость – достаточно было появиться хромающей королеве, чтобы успокоился он, пришел в себя. Воцарилась во дворце Красных тишина. А вне его готовились две страны к примирению. Решено было, что подпишут договор мирный все аристократические роды со стороны Рудлога и все драконы со стороны Песков – чтобы не было кровной мести, чтобы никогда больше между двумя Стенами не было страшных битв.

И хоть тих стал Седрик среди родных, злость его от поражения не уменьшилась. Уверен он был, что ему, не знавшему проигрышей, выиграть войну только Рубин в драконьих руках помешал. И предложил королю тогда Виланд Черный, высохший, потемневший – только глаза одни остались ядовитые, зеленые, – хитрость последнюю.

«Испытаем еще раз драконов. Нашлю я на них проклятье смертельное, если дашь мне силой твоей подпитаться, кровью поделишься. Отобьются они только, если Рубин у них, – тут-то все и откроется, а свидетелями станут все аристократы и послы иноземные. От нас-то они отбились, а если всем миром на них насядут? Не выдюжат».

Мучился Седрик, просил у отца своего совета, спускался в зал, где лежал первопредок их, Иоанн, да только молчал огненный бог, как не слышал его.

И вот настали дни подписания мирного договора. Прибыл Красный двор в долину в Милокардерах, на нейтральную территорию; разбили лагерь, стали ждать драконов. Вскоре побелело небо от крыльев, раздался шум великий и трубный рев – то враги их летели, старые и малые, мужчины и женщины. Кто сам лететь не мог, того на спинах несли.

Так был важен для драконьего народа этот день, так была тяжела для них война, что никто не хотел пропустить полную капитуляцию Рудлога, по которой Милокардеры переходили им в вечное пользование. А заклятый враг, встав перед лицом Тери Вайлертину, должен был произнести слова о том, что признает свое поражение и клянется больше меч в сторону Песков не поднимать.

– Летят, – прошелестел Черный король. – Твари самодовольные, красуются.

Как белые листья в прекрасном танце, опускались на другой конец долины драконы. И чудилось Седрику в их реве оскорбление, а в медлительности их – насмешка. И шепот в его голове твердил: «Не мир они прилетели заключать, а опозорить тебя, силу свою показать еще раз; и Рубин у них, и победа – неужто спустишь?»

И нарушил Красный король важнейшую заповедь кодекса воинов, данного отцом его, Огнем Изначальным: соблюдать законы войны, что победу, что проигрыш принимать по чести. Положил руку на плечо Виланду и сказал сквозь зубы:

– Моя сила – твоя.

Оскалился Черный, выставил вперед руки, застонал, всасывая в чудовищную воронку хаоса мощь огненную, – и сорвалось с его пальцев смертельное проклятье. Мигом почернело небо в долине, и люди, соратники, стоявшие перед ними, стали падать замертво, обугливаясь как головешки, и полетела огромная сеть в приземляющихся врагов.

И вдруг вытолкнуло искорку в те сферы, куда человеку путь заказан: узрела она богов, всю суть их стихийную и внимание их, к долине прикованное. Узнала, что ушли Красный и Синяя в человеческие тела, ибо последней каплей, переполнившей чашу весов, было их участие в поединке Четери и Марка Лаураса – а Белый уж давно доживал жизнь слепым калекой, родившимся без рук и без ног, но почитаемым как святой в далеких Эмиратах, и вот-вот должен был вернуться в небесные чертоги.

Увидела она, как распростерся Желтый, удерживая Туру в равновесии, а Зеленый, не успевая, возрастил вокруг драконов камень, чтобы уберечь их от проклятия, которое убило бы их наверняка, – и тут же сам ушел в десятки перерождений, ибо грубо вмешался в жизнь человеческую. Остался на Туре один Желтый, приняв на себя всю ее тяжесть.

А два короля с изумлением смотрели, как на месте, где кружили драконы, появляется высокая гора и сеть проклятия стекает по ее склонам, истаявая и развеиваясь.

Закашлялся Виланд Черный, начал харкать кровью, согнулся – и повалился замертво. Надорвался.

А над долиной воцарилась тишина.

И в тишине этой начал трезветь Седрик. Посмотрел на руки свои, на гору, сжал кулаки – и снова себе в предплечье зубами вцепился, до крови прокусил. Заревел от стыда, от осознания, что поступил он подло, что всю жизнь его и потомков его будут называть Рудлоги Подлые, Рудлоги Бесчестные. Шел он к горе, тяжело переставляя ноги, – и разбегались от него люди, и не было рядом верного Марка, чтобы скрутить короля, не дать навредить ни себе, ни другим.

Несколько недель бился Красный у горы: жег ее пламенем, бил молниями, льдом сковывал – но что человек против миллионов тонн камня? Приказал он собрать магов, но и те ничего не смогли сделать.

Вернулся он во дворец поседевшим, глаза от сыновей прячущим. Отдал сыну корону и державу, взял нож и направил его в сердце – да только с криком кинулась на него жена, выбила оружие, запричитала, обхватила дурную гордую голову мужа, заплакала: не оставляй меня, не надо, молю, за тобой пойду, так и знай!

И остался Седрик для нее жить. Живым себя истязать. Явился к нему через десять лет Красный Воин. Наказал его страшно: три дня и три ночи не выходил король из подземного святилища, а когда вышел, глаза его белыми от мук стали.

– Нет тебе прощения, – проревел первопродок на прощание, когда снял Седрика со стены, измученного, истерзанного. – Дал я тебе пойти в эту войну, чтобы Белому и Синей, против меня пошедшим, отомстить. Имеет война всегда две стороны, победу и поражение, и тяжело поражение, но и его нужно принимать честно. Опозорил ты меня. Но пережил наказание с достоинством – проси чего хочешь, сын.

– Ничего не хочу, – просипел король, – только разрушь гору, выпусти драконов.

– Да разве я б разговаривал с тобой, если бы это можно было! – зарычал Красный и снова наотмашь сына ударил, так что упал тот, кровью заливаясь. – Если я эту гору разрушу, в воздаяние придется мне за вмешательство много жизней на Туре проживать – не один там дракон, несколько тысяч! Я тебя на десять лет без присмотра оставил – ты вот что натворил, а как мне на сотни поколений уйти? Опозорил меня, род свой опозорил! Послушал наветы черной твари, слаб оказался мой сын, позволил в мозг свой потомку Черного влезть! Хорошо хоть брат земной не дал убить их на месте, дал нам всем надежду! Хоть не люблю я драконов, а только без них на Туре совсем жизни не будет.

– Скажи тогда, что делать, – упрямо попросил Седрик.

– Ничего не делать, – произнес странным голосом бог, и глаза его огненные словно смотрели сквозь время, а в словах слышалось... смирение? – Неведомо нам будущее, однако иногда дается возможность увидеть связь времен. Вижу я сейчас, что уже пошло воздаяние. Падет гора через много лет, а за деяние твое по проклятию драконьему будет род твой платить, пока не расплатится. И не снять его, пока цела гора, и не сгладить. Слушай же меня; за тебя и мне отвечать придется. Придется мне, Красному, просить своих братьев и сестру об услуге; не бывало такого, да, видимо, всему время приходит. Прикажут они – уберут люди все упоминания о войне, уберут записи, чтобы не было нам позора до конца веков, скроется память об этом через несколько поколений. И ты убери, чтобы не росли мои дети под гнетом позора; придет нужное время – все раскроется. Но нам за это платить, мне за это братьям моим и сестре обещания давать. Эх, сын, сын...

Замолк вдруг Огненный бог, на искорку, все эти три дня в усыпальнице парящую и тысячу раз умиравшую от жестокости предка своего, прародителя, вдруг посмотрел прямо, руку протянул. Погладил пальцем – словно сил придал – и шепнул ласково:

– Лети. И сделай правильный выбор.

Успела увидеть она, как предок ее, Седрик, записи свои о войне из сундука достает. Что-то сжигает, что-то оставляет. Тяжела его дума: имеет ли он право от потомков скрыть свои поступки, скрыть, за что на них проклятие наложено?

Последний раз ослушался он своего бога. Сложил записи тонкой стопкой и сунул их в тайник в доске своей шахматной, любимой. Хоть сто лет бейся, а не поймешь, что там скрыто. И велел Седрик везде оставить шахматные знаки, чтобы догадались потомки: шахматы в Рудлог из Песков пришли, шахматы с ним, Седриком, связаны; авось не глупее его будут будущие поколения, догадаются. И оставил он памятник на площади перед дворцом, ему, Змееборцу, поставленный слишком ретивыми подданными, – как напоминание себе и еще один знак потомкам.

Все это промелькнуло за мгновение – и оказалась Ангелина в горе. И там, отупевшая от шока и горя, прожила с драконами их заключение и смерти. Слышала она плач детей и металась, пытаясь спасти их, – немая, бессильная. И проклятия на свой род и род Черного слышала, страшные, через века способные дотянуться. Чувствовала волны силы, приходящие к драконам, когда умирал кто-то из Владык, целовала крылья застывшего Нории, видела Чета, глядящего безумными глазами сквозь камень, ощущала тишину и тонкие песни Богини-Воды, умолявшей детей своих дотерпеть, дожидаться спасения.

Много она видела. Слишком много. Вряд ли это смог бы вынести кто-то другой. Только Ангелина Рудлог.

И понеслись вспышками смерти ее предков, подтверждая догадки о проклятии. Рудлоги спивались, сходили с ума, погибали в результате несчастных случаев и в битвах, сгорали от своего огня, пытаясь потушить его алкоголем, охотой, войнами, любовниками, – и чем дальше, тем меньше они жили, тем меньше родовых знаний передавали детям. Пролетела перед глазами смерть деда Константина, опять пришлось пережить гибель матери – и Ани, вымотанную, выпитую увиденным до дна, снова выбросило в родовой зал, прямо в туманную реку времени.

Глава 3

Вне времени

Ангелина

Принцесса выпала спиной вниз из зеркала и затихла, сглатывая и пытаясь перевернуться. Раскинутые руки не слушались, и ее очень медленно несло к краю спирального зала, туда, где извергалась в черное ничто дымчатая река.

Туман поднялся вокруг Ангелины стеной, повторяя очертания фигуры, – и над ней появилось золотистое лицо ее близнеца из колодца.

– Ты спросила, было ли на вашей семье проклятье, – прошелестел голос. Он был одновременно бесплотным и трубным как рев, вибрирующим на низких нотах и пробирающим все тело. – Ты получила ответ.

– Я также спросила, как мне его снять, – прошептала Ани. Губы не хотели двигаться, и звуки, которые она издавала, были похожи на хрип.

– На этот вопрос нет ответа, – равнодушно произнес золотистый двойник и спустился еще ниже: жутковатые и пустые глаза оказались прямо перед ее глазами, заворачивая и пугая, мерзлые губы касались губ принцессы – как будто холодным электричеством пробивало.

Ани скрипнула зубами и оскалилась от злости. Сжала кулаки и с усилием подтянула их к себе, пытаясь схватить существо-из-Колодца. Но пальцы смыкались на пустоте.

– Есть. Скажи мне как. Я согласилась заплатить. За три вопроса!

– Нет ответа, – как заведенный, повторил двойник. – Нет проклятия. За вас уже заплатили.

– Кто? – прохрипела старшая Рудлог. – Как?

Существо вдруг отпрянуло – и она смогла сесть. Краем глаза увидела, как быстро-быстро истаивает черная паутина на зеркалах ее рода, как очищаются стены из солнечной лозы. А лицо двойника переплавлялось. Длинные волосы, широкие скулы, орлиный нос, чуть насмешливые губы. И глаза – спокойные, мудрые. Нории поднялся во весь рост, повернулся – скользнул ключ по широкой спине – и сказал невидимому собеседнику:

– Пришло время. Нет возможности больше ждать.

Она распахнула глаза – и задохнулась, потому что зал сжался в точку – и снова выкинуло ее огненной искрой во дворце Истаила, в покои Нории.

– Моих сил не хватает больше. Ты и сам чувствуешь, – говорил Владыка Истаила, стоя у окна. Он был страшно исхудавший, и только глаза горели багряным огнем. Рядом с ним расположился мрачный Чет, с глухим стуком раз за разом вгоняя в резной подоконник острый нож. – Уже две недели сокращается зеленая полоса. Город остался почти без воды, животные умирают, скоро придет черед и людей. Песчаники обезумели. Сколько моего народа умрет, прежде чем в попытке найти воду дойдет до наполняющегося Белого моря? Что-то надломилось в мире, Четери. Будто пробоина образовалась в первых числах января. Жизнь уходит как в бездонную дыру, и я на пределе. Да и ты тоже, я же вижу. Я либо исполню свое предназначение, либо истеку до капли и умру бесполезной смертью.

– Красная! – прорычал Четери и метнул нож в дерево: далеко улетело лезвие, воткнулось, срезав ветвь с розовыми цветами. – Ты обещал ее ждать до первого дня весны!

«Обещал!»

Заметалась искорка, закружилась по комнате: и зло ей было, и страшно, и хотелось орать от бессилия. Зашипели магические светильники, начали потрескивать, да только никто не обратил на это внимания.

– Забудь, – ровно произнес Владыка. – Я позвал ее, и попрощался, и получил ответ. Невольно ее я не буду. А еще две недели я не продержусь. Мой народ, мой долг, Четери.

Он вздохнул, перевел взгляд на клумбу с алыми розами – еще цвели они, помнящие руки красной принцессы. И он помнил.

– Не зря все так случилось. Мать ведь давно дала мне знак, сделав тебя Владыкой. Есть кому держать возрожденные Пески, есть кому править. Не нужно было мне медлить.

Чет, стоя рядом с ним – друг глядел в темнеющий сад, – примерился к шее. Там есть точка. Нажать – и проспит Нории несколько дней. И можно пока слетать в Рудлог, найти упрямейшую на Туре деву с душой воина и похитить ее еще раз. А здесь запереть их в покоях, пока не поговорят.

– Не стоит, Владыка Четерии, – не глядя на него, сказал Нории. И улыбнулся. От него веяло смертью. – Я запрещаю тебе мешать мне.

Четери взвыл, вцепился крепкими пальцами в подоконник и выломал его от злости и бессилия.

– Глупец! – рявкнул он, отряхивая руки от древесной крошки.

– Девять Владык не пожалели своих жизней, чтобы мы могли жить, – укоризненно проговорил Нории, – а я не успел, но теперь пришло время. Ты знаешь, что так нужно.

– Послушай, – резко позвал его Чет, схватил за плечо, повернул к себе. – Нори-эн. Я старше тебя, моей жизни осталось меньше. Дай мне заменить тебя.

Нории покачал головой.

– У тебя Светлана, сын и ученики, – объяснил он мягко. – Твои корни для жизни. У меня – никого, кроме Энтери, но у него уже есть своя семья. Прости, брат, но платить не только твоей, но и судьбами твоих близких я не буду. Это только мой долг. Я не зря все это время учил тебя тому, что знаю сам. Я оставил дела Ветери – он сможет управлять городом до появления новых Владык. Ты честен, и принципиален, и достаточно жесток, чтобы править Песками. Отпусти меня, Чети-эн. Отпусти. Не нужно затягивать. Слишком много слов; еще немного, и это будет похоже на жалобы. Хватит разговоров. Мне и так... страшно. Не говори пока Энтери. И не сопровождай меня. Не уверен, что ты не попытаешься остановить обряд.

Чет криво усмехнулся, до боли сжал его плечо, шагнул навстречу. Что мог сейчас сказать он – воин, привыкший не бояться смерти и идти ей навстречу? Нории был в своем праве, и Мастер не мог не уважать и не понимать его выбор. Двое красноволосых мужчин обнялись – крепко, сдержанно, – и Владыка Истаила отступил, развернулся и вышел. А через несколько минут поднялся в небо огромным белым драконом.

В опустевших покоех выругался сквозь зубы Мастер Четери, смахнул со стола кувшин с вином и зарычал от горя. И замерцала, угасая, растерянная и ошеломленная искорка, которую

уже утягивало вперед, в будущее – или настоящее? В уже произошедшее – или туда, где все должно было еще произойти?

Ангелина сверкнула звездочкой над Белым морем, пронеслась выше, к пустынным террасам на границе с Йеллоувином – здесь, по рассказам Нории, раньше расстились благоухающие цветочные поля. Опустилась на бархан как раз тогда, когда белый дракон обернулся человеком. Босые ноги его утопали в песке, и двигался он так, будто сил оставалось лишь капли. Красные глаза становились все ярче, он принимался, поворачивал голову из стороны в сторону, и орнамент на его теле в лучах уходящего солнца светился ослепительно-белым, и казался он существом из другого мира с нечеловеческим хищным лицом.

Нории двигался молча, и скрип песка под его ногами резал душу. Долго он ходил-кружил, склонял голову, прислушивался и наконец остановился. Поднял руки и что-то прошептал едва слышно.

Заволновался песок, зашелестел, зашумел – и начал двигаться, стенами уходя в стороны. Будто гигантский булыжник кинули сверху на пустыню – и понеслись от Владыки круги-волны. С рокотом, вызванным трением мириад песчинок, поднимались от одиноко стоящего в центре дракона сыпучие цунами и уносились за горизонт, открывая волнистый серый камень, лежащий прямо у ног Нории, и огромную каменистую равнину вокруг.

Вот и последние песчинки с шорохом утекли в стороны, обнажив на круглой плите рисунок, похожий на растительный орнамент. Из бороздок рисунка поднимались вверх едва заметные белесоватые стеклянные иголки. Тоненькие, маленькие, как остренькая, только-только начавшая пробиваться по весне трава.

Нории покачнулся. Опустил голову, переступил с ноги на ногу, поджимая пальцы. Красные волосы закрыли лицо.

«Мой народ, – пророкотал его Зов. – Я ухожу, чтобы дать вам жить. Кровь свою отдаю Пескам, кровью своей смываю все долги. Словом своим и кровью своей снимаю проклятие с рода Рудлог – ради будущего Туры. Не дело женщинам и детям платить так, как должны отвечать мужчины. Вот мое слово: живите в мире, забудьте о мести. Запрещаю вам мешать мне. Прощайте, братья и сестры».

Несколько секунд как затих Зов – и содрогнулась пустыня от тоскливого рева сотен поднявшихся в воздух драконов. Спешили они к алтарному месту, спешили отдать последние почести приносящему себя в жертву.

– Душа моя чиста и разум спокоен, – прошептал Нории едва слышно, – всего отдаю себя. Примите мою силу, Отец мой, Матушка-Вода, напоите мою землю, молю.

Затих, помедлил мгновение – и шагнул в орнамент. Пронзили его ноги травинки-иголки, и застонал он, стиснув кулаки, и заплакала, закричала с ним огненная искорка – а под ступнями дракона расплывалась кровь, впитывалась в камень. Полыхнул алтарь раз, другой, становясь прозрачным, – а потом загорелся белым светом, и рванулись вверх, прошивая ступни, стеклянные нити-побеги, карабкаясь выше. Вонзились в кожу острыми шипами: потекли вниз от проколов крупные капли крови – и начал краснеть чудовищный терновник, высасывая жизнь из добровольной жертвы, поднимаясь по живой, подрагивающей плоти.

Искорка рванулась к Нории, но ее отшвырнуло неведомой силой.

Как он устоял на ногах? Как вообще можно это выдержать? Боги! Да что же это?! Что же это такое!!!

Вокруг Нории то тут, то там на каменной равнине трескалась, взрывалась земля, выбрасывая толстые хрустальные побеги ввысь – и ложились они на землю, и тоже тянулись тонкими усиками к дракону. Скоро вся равнина была покрыта сверкающим терновником – и шипы уже поднялись к поясу живой еще жертвы, и на ближайших ветвях начали раскрываться круглые цветы-лотосы, источающие белый свет.

Село солнце.

Темнела ночь, содрогался мужчина в объятьях пьющего кровь терновника – и сияли цветы, освещая его бледное лицо, сжатые кулаки. И звучал над равниной едва слышный, непрекращающийся хрип-стон, бесконечный, жуткий...

Он открыл глаза, смотрящие уже за грань жизни, и взглянул прямо на Ани. И обескровленными губами прошептал:

– Не плачь... обо мне...

Она прорывалась к нему что было сил, убиваясь о призрачную стену, – и ничего не могла сделать. Внутри маленькой искорки росло дикое пламя; в очередной раз она рванулась к Нории – и закричала от ярости и бессилия, потому что снова выпала в спиральном зале, в туманную реку. Тело весило сотни тонн – но она поднялась; ноги не двигались – но она шагнула вперед, к застывшему бесстрастному двойнику, и зашипела, давясь схваченным судорогой горлом:

– Ты... ты! Мне нужно туда!

Руки ее запылали – и на лице золотистого идола впервые проскользнуло что-то похожее на удивление.

– Ты! – громыхала Ани, истекая огнем, – и зал зашумел, встала стеной река времени, заволновалась, погнала воды обратно, от взбесившейся принцессы. Начали трескаться зеркала прошлого, и почернела солнечная лоза от гневного пламени. – Немедленно! Отправь меня к нему! Как мне попасть туда?!!

– У тебя остался один вопрос. – Золотистый двойник растекся дымкой – и снова собрался. В улыбающуюся Пол, затягивающую волосы в хвост.

– Сестренка! – крикнула она недоуменно. – Неужели ты оставишь меня?

Ангелина со свистом втянула воздух и бессильно опустила руки. Погасло пламя, а в душе словно нож провернули: закровоточила, начала расти дыра на месте сердца.

Золотистая Пол недоуменно и удивленно подняла брови, закрыла лицо руками и заплакала. Как в детстве – навзрыд, с судорожными всхлипами. Задрожала – пронеслись перед Ангелиной видения о последнем дне сестры, увидела она и Солнечный мост, и взгляд Полины на пробуждающегося Демьяна, – а сестренка опустилась на четвереньки, оборачиваясь в медведицу. Зарычала, посмотрела на Ани пустым звериным взглядом и бросилась вперед – Ангелина упала; щелкнули челюсти, вгрызаясь в шею, впились когти в грудь.

– Оставишь? – прорычала медведица, облизывая окровавленную пасть.

Ани всхлипнула и обняла ее, уткнулась носом в шерсть.

– Не заставляй меня делать выбор, – прошептала старшая Рудлог, почти теряя сознание. – Только не так. Прошу.

– Один вопрос, – прошелестела медведица – и рассыпалась, поднявшись ввысь тысячами семян одуванчиков. – Я жду.

Ангелина помедлила всего мгновение – оно понадобилось ей, чтобы снова взять себя в руки и включить разум. И опустила голову, смиряясь.

На самом деле ведь нет никакого выбора.

И она заговорила, четко озвучивая свое желание.

Воскресенье, 15 января, Пески

Четери

Во дворце Тафии, Города-на-реке, стояло грозное молчание, прерываемое коротким гулом периодически сотрясающейся земли. Было светло, как очень ранним утром. Теплая южная ночь уже накрыла Пески плотным бархатным покрывалом, но под черным куполом накатывались со стороны границы с Йеллоувином трепещущие, переливающиеся перламутром

тонкие стихийные волны. Вздрагивала почва – и в то же мгновение шире разливалось небесное море, и еще одна перламутровая волна закрывала звезды и немного откатывалась обратно.

Тихо было не только во дворце. В Тафии, как и во всех Песках, люди смотрели на небо и молились.

А во дворе, перед шумящим фонтаном, сидел Владыка Четерии ипил терпкое, отдающее горечью вино.

Четери улетел из Истаила вскоре после Нории. В Тафии ждала Светлана – но не мог он появиться перед ней сейчас, сжатый как скала, почти ослепший от горя.

Поэтому Мастер опустил на песок, не долетев до зеленой зоны своего города. Выхватил из воздуха клинок, распорол себе предплечье, щедро полив кровью пустыню – и первых поднявшихся из-под земли песчаников встретил почти с облегчением и злой жаждой.

Он дрался, убивал, рвал их – а духи мертвой земли будто чувствовали близкий конец, и ревели, и поднимали песок до небес, пытаясь уничтожить красноволосяю смерть с сияющими клинками. В небесах проявлялись первые тусклые звезды, провожая уходящее за горизонт солнце, и все новые и новые духи вставали из барханов, бросались на лезвия. И чудилось Чету в этом какое-то отчаяние, будто они желали погибнуть в бою, а не просто раствориться, смытые волной чуждой им стихии.

Горечь после боя никуда не ушла, только стала острее. И Зов уходящего Владыки Четери выслушал, стоя обнаженным на остывающем песке; в последних лучах заходящего солнца все еще оседала желтоватая пыль, уносимая едва заметным ветерком.

Выслушал, опустил голову, чувствуя, как по разгоряченному плечу скользит холодный Ключ. Все правильно. Последний Владыка старых Песков уходил, закрывая свои и чужие долги. Защищая и свой народ, и своих друзей, и свою женщину, которую он выбрал, – ну и что с того, что она не выбрала его?

Все правильно. Но все равно больно.

Боль не утихла и во время охоты, когда Четери, рыча, догонял и рвал челюстями испуганных антилоп, – горячая кровь лишь усилила восприимчивость, и первую волну силы, исходящую от умирающего друга, Чет почувствовал гораздо раньше, чем она прокатилась по небу.

Скоро стихия, оплаченная кровью сына Синей и Белого, разольется над всеми Песками. И с последним вздохом Владыки Истаила опустится на пустыню, возвращая ее к жизни.

Четери вернулся в Тафию и во внутреннем дворе, на резной скамье, обнаружил уснувшую жену. Здесь она ждала его, здесь встречала каждый раз, улыбаясь и подходя, чтобы обнять. А сейчас не дождалась, уснула.

Чет не стал ее будить. Подхватил на руки, отнес в спальню, аккуратно уложил на кровать. Вернулся обратно и потребовал вина. Кислого, сухого, терпкого.

Завтра будет новый день, в котором не будет Нории, и он, Чет, станет единственным Владыкой возрожденных Песков.

– Почему? – прошептал он, глядя в перламутровое море небес.

Мать-богиня не ответила, и он взял кувшин и начал пить. Бодро плескал фонтанчик в широкой чаше, и вода в нем редко подрагивала в такт земле. Птицы испуганно молчали. На Пески опустилась тишина.

Чет отбросил опустевший кувшин, переждал очередной толчок и потянулся за полным сосудом. И замер, первый раз в жизни остолбенев от изумления.

Вода в фонтане встала столбом и выплеснулась во все стороны, добежав до ног дракона. А в чаше из кипящей жидкости и золотистого тумана соткалась обнаженная беловолосая женщина. Выгнулась, упираясь затылком в дно фонтана, забила руками по поверхности воды,

закричала от боли, как раненая чайка, – и Четери бросился к ней, выдернул из воды, сжал: так ее корчило, что могли порваться связки. Она кричала и кричала, пока не охрипла.

– Х-х-холодно, – сипела Ангелина Рудлог, цепляясь за дракона скрюченными пальцами и сотрясаясь от крупной дрожи. – Че-е-е-ет! А-а-а-а-а-а!

Кричала принцесса жутким шепотом, и радужка стремительно белела, и сама Ангелина была белая в синеву. Снова выгнулась в судороге, и Мастер в несколько шагов преодолел расстояние до скамьи, зафиксировал старшей Рудлог голову, с трудом разжал зубы и начал вливать в нее вино: большая часть проливалась на тело, но она пила, жадно глотая, стуча зубами по краю кувшина. Ноги ее не держали. Четери стянул рубаху одной рукой, натянул на правнучку Седрика, прижал к себе и вздохнул, наполняя Ангелину витой. Принцесса, не соображающая от боли, царапала его до крови и силилась сделать вдох.

Земля под их ногами вздрогнула.

– Как ты появилась здесь, безумная женщина? – спросил дракон, когда Ани перестала выгибаться и обмякла в его руках. Весила она еще меньше, чем он помнил.

– Попросила, – прошептала она с трудом. – Мне сказали, тут вода, сюда меня могут перенести, тут ты, ты поможешь. Помоги мне, Четери, – она подняла белые от мук глаза. – Отнеси меня к нему.

– Ты опоздала, – без злости проговорил Мастер. – Он скоро умрет. Он и так оказался слишком силен.

От нее полыхнуло таким жаром, что потрескались пустые кувшины и ветви на цветущих кустах жасмина обуглились. Ани снова вцепилась ногтями в драконье плечо. Потекла кровь.

– Нет, – прорычала она вибрирующе, – не умрет. Помоги мне! Ну же! Прошу, Четери. Прошу тебя!

Он восхищенно, почти благоговейно цокнул языком и отступил. Потому что теперь окончательно слетели вся шелуха и все предубеждения, и он увидел ее такой, какая она есть: величайший воинский дух, сильнейшая кровь буйного Красного, заключенная в слабое тело. Как жаль, что она не родилась мужчиной. Как горд бы он был иметь такого ученика.

Снова вздрогнула земля – и плеснула над их головами еще одна перламутровая волна. Ангелина посмотрела вверх.

– Что это? – спросила она неверяще.

Землю снова тряхнуло.

Тук-тук. Пауза.

В глазах принцессы появился ужас, смешанный с пониманием.

– Это его сердце, – глухо проговорил Четери. – Бьется все медленней.

– Да что же ты стоишь, глупый дракон! – крикнула она зло, мгновенно приходя в неистовство. – Оборачивайся немедленно!

И Мастер клинков, словно покорный слуга, отошел подальше и сделал так, как она велела.

– Успею, – твердила Ангелина, глядя вперед, туда, где на горизонте разливалось белое сияние. Руки, сжатые вокруг красного шипа на гребне Чета, немели от напряжения и холода. – Успею, – шипела она ледяным потокам ветра, выводящим песнь смерти. Смерть смотрела на маленькую женщину чуть насмешливо и снисходительно, дразнила ее, то даря надежду, то погружая в отчаяние все замедлявшимся ритмом сияющих волн, колола едва заметными искрами звезд: «Ну куда ты торопишься, Красная, зачем? Никто еще не ушел от меня, и он не уйдет, и ты не успеешь...» – Успею!

«Отец мой, помоги. Не просила тебя никогда и ни о чем; сейчас прошу, заклинаю: услышь меня, помоги!»

Ветер стал жарким, напоил ее силой, огладил ласковыми ладонями. Дракон фыркнул, затрубил благодарно, понесся еще быстрее.

«Не в моих силах сейчас помочь тебе, дочь моя. Но все, что нужно, у тебя от меня есть. Благословляю».

Четери снижался, а Ани кричала ему: «Быстрее!» Перед ними в небеса редкими толчками изливался гигантский фонтан силы, растекаясь по небу. Выглядело это так, будто на каменной равнине стояла огромная прозрачная переполняющаяся чаша, на узком дне которой цвел сверкающий терновник, шагов пятьдесят в поперечнике. Спутанный, переплетенный, как хрустальные жилы с огоньками-цветами.

Вокруг этой чаши, опустив головы, сидели сотни драконов. Было страшно тихо – только с очередным всплеском изредка гулко вздрагивала земля.

Четери опустился на песок, вытянул крыло – и Ангелина сбежала по нему, даже не оглянувшись на сдержанный рев, раздавшийся при ее появлении. Вгляделась в хрустальные заросли.

В сердце разливался страх. Терновник цвел чудесными белыми цветами, которые пахли сладким молоком и ванилью – и она сразу возненавидела этот запах. Запах насмешливой, снисходительной смерти.

Нории она не видела. Но он был там. В центре. Где стихия Жизни была плотной, как молоко, и сворачивалась перламутровыми жгутами, яростно выбрасывающимися в небо.

– Я не могу пройти дальше, женщина, – раздался позади неживой голос Мастера клинков. – Никто из нас не может сейчас коснуться терновника.

– Дай мне свое оружие, – попросила Ангелина сипло и вытерла вспотевшие ладони о рубаху.

Четери выдернул из воздуха светящийся клинок и протянул ей. Никогда еще его оружия не касалась женская рука.

– Пусть боги помогут тебе, – тихо сказал он. И покачал головой от очередного изумления, когда она с трудом, но ухватила клинок – слишком тяжелый для хрупкой Рудлог, – и побрела вперед, волоча его по песку.

Драконы гудели, раздраженно царапая камень равнины когтями, стучали хвостами. Пронзительно, плачуще закричала одна из дракониц – Огни, – и вслед за ней завывали остальные.

Красная принцесса не дрогнула и не обернулась.

«Замолчите», – приказал соплеменникам Четери, и над пустыней снова стало оглушительно тихо. Он опустился на песок, скрестил ноги и закрыл глаза. Потянулся сознанием к умирающему: Нории был глух от боли и не откликался. Свеча его жизни мерцала уже едва заметно. И Чет, чувствуя, как пронзают его невидимые иглы, вдыхая и выдыхая воздух и сжимая кулаки, ушел в транс – и открылся, делясь своей силой с другом, разделяя с ним его боль.

Раньше было бы милосердием дать Нории умереть. Но не сейчас. Сейчас он, Четери, ничем не может помочь слишком долго принимавшей решение женщине. Только подарить ей немного времени. Насколько его – ставшего Владыкой смешные недели назад – хватит.

Молчащие драконы видели, как приблизилась красная принцесса к терновнику – слишком маленькая, слишком слабая на фоне зарослей и бьющей в небеса стихии. Засветились тревожно белые цветы, замерцали в ночной тиши – а она неумело, неуклюже подняла клинок и обрушила его на заросли.

Раздался звон, и полетели вниз осколки. И она ступила дальше, прямо на них, раня ноги, снова размахнулась и ударила.

От крови ее плавилось стекло, растекаясь раскаленными лужицами, – а Ангелина рубила, не обращая внимания на боль в плечах, на летящие осколки, режущие ее руки и тело.

Медленно, как же медленно. И как много еще рубить.

Она вся была как напряженная струна. Отстранилась от боли и только считала шаги.

Пять. Шесть.

Сколько нужно сделать до центра? Двадцать пять? Тридцать?

Толстые стебли, острые шипы. Цветы глядели на нее тысячами глаз и пахли ванильной смертью.

Семь. И восемь.

Рукою скользила в израненных руках, по лицу текла кровь. И долго, слишком долго не слышно было очередного удара сердца Нории.

Девять.

Страх шептал: «Все, конец». Страх делал руки слабыми, страх говорил ей: «Нет, не успеешь».

«Я успею. Я Ангелина Рудлог!»

Страх поднимался перед ней толстыми хрустальными стеблями. Принцесса, слизывая с губ текущую по лицу кровь, снова размахнулась и обрушила удар на ствол, но он не разбился – только щербина осталась. И она с криком била еще и еще, пока не заорала от ярости – вывихнула запястье, а стебель был иссечен всего наполовину.

Под ногами едва заметно дрогнула земля.

Ани отбросила оружие, расставила руки – и обернулась огромной чайкой. И поднялась в воздух.

Нории был в самом центре – до плеч оплетенный страшной лозой, поднятый над землей, с раскинутыми руками, с безвольно запрокинутой головой, будто его торжественно несли прямо в небесные чертоги. По шее поднималась тонкая плеть, впивалась иглами, и все ближайшие побеги были красными от крови, и цветы на них светились так ярко, что видно было хрустальное переплетение глубоко под телом – живое, змеящееся, оскалившееся тысячами игл.

Чайка зло закричала-заплакала, обернулась прямо в воздухе и рухнула в ванильную сладкую смерть. К нему, на него, обхватывая его руками и чувствуя, как пронзают тело шипы. Потекла красная кровь, смешиваясь с его кровью и слезами, и зашипели, обугливаясь, побеги терновника, расступились, откинув ее на обнажившийся камень. Не отпускал дракона терновник – а вокруг Ангелины, которая пыталась подняться на ноги, расцветали новые цветы, освещали маленькую женщину, скользкую израненными ладонями по булыжникам. И она снова поднялась, шагнула к Нории и принялась голыми руками ломать ветви, отдирая их от тела. Но она ломала – а побеги снова бежали вверх, впиваясь в дракона, на котором уже места живого не было; она билась – а все пышнее цвел сладкий цветок.

И Ани в ярости остановилась, оглянулась – на равнодушные цветы, на поднимающиеся выше ее головы заросли. Внутри заворочался дикий огонь, и она зашипела от невозможности выдержать его жар.

– Отпусти! – заорала она и полыхнула огнем в стороны: пламя текло с ее рук, выжигая хрусталь, и страшных сил стоило удерживать его, чтобы не коснулось оно Нории. – Отпусти!

Две стихии столкнулись – равные, не уступающие друг другу: там, где оседали пеплом побеги, поднимались новые, пытались подобраться к дракону.

– Нет! – кричала она в исступлении. – Не дам! Отпусти!

Бушевал над пустыней огненный столб, и пламя выплескивалось из чаши с ревом, и драконы один за другим вставали вокруг не подходящего в себя Четери, накрывали его щитами. А Ани слабела – от потерянной крови, от усталости, – но не сдавался божественный терновник.

Она упала. Иссякла.

И снова зазмеились по почве хрустальные побеги, подбираясь к дракону. И насмешливо, приторно запахло ванилью, пробивающейся сквозь гарь.

– Нет, – прошептала принцесса упрямо и подползла к Нории. Прислонила к его ногам, вцепилась скользкими ладонями. – Не отдам!

Застонал у края чаши Четери, и изо рта его потекла кровь. Он сделал булькающий вздох, уперся ладонями в землю и замер, не открывая глаз. И земля содрогнулась ударом сердца.

– Меня, меня возьмите, – почти теряя сознание, шептала принцесса окружающим ее и дракона, нависающим вокруг цветам. Они расплывались то ли от слабости ее, то ли от слез. – Добровольно отдаю кровь свою... сильную... не навредит вам боле... слово даю... отцом своим клянусь...

Глаза ее белели, и губы, покрытые запекшейся кровью, цветом сравнялись с лицом.

– Только отпустите... отпустите... берите меня...

И закричала от боли, когда первый из побегов коснулся ее ступни, впился шипами и полез вверх. И ринулись за ним другие, поверив в уязвимость почти уничтожившей их женщины. Прошили тонкую кожу, подняли Ани ввысь и назад, далеко от дракона, и замерцали, поглощая огненную кровь.

Четери рухнул набок, заскреб пальцами по земле, сиюсь вбить в истончающуюся нить жизни как можно больше силы.

Где-то далеко, в Тафии, проснулась от страха его жена, Светлана.

Дрогнула земля.

Начали осыпаться побеги вокруг Нории, опуская его на землю.

И он открыл глаза. Багровые, пламенеющие, дикие. Зарычал, опускаясь на землю, и обернулся в дракона, и страшной пастью своей и лапами начал крушить, топтать терновник вокруг себя, пробираясь к принцессе.

«Успела».

Ангелина всхлипнула, чувствуя, как шипы подбираются под сердце, и потеряла сознание.

И не видела, как тонкой красной нитью струящаяся внутри побегов ее кровь вдруг полыхнула и выжгла все вокруг, опалив Нории перья и оскаленную морду.

Как он перекинулся обратно в человека, и, шатающийся, покрытый ожогами, поднял принцессу из пепла, и побрел к краю выжженной чаши, прочь от обугленного алтарного камня.

Как очнувшийся Четери, ругаясь, словно выдавший виды солдафон, чуть не сломал их обоих, обнимая. Рыкнул, отсылая часть драконов за дичью – срочно нужна была свежая кровь, – а сам схватил за плечо Нории, не выпускающего покрытую гарью и кровью Ангелину, и начал делиться с ним остатками силы.

Один за другим присоединялись к нему драконы, и исчезали ожоги с тела Нории, а Владыка прижимал к груди принцессу, баюкал ее на руках с усталой, бесконечной нежностью – и светились линии его ауры, отдавая Ани виту.

А Чет смотрел на них и часто моргал, думая о том, что стареет и становится сентиментальным и слезливым. И вспоминал, что когда-то сказал ему учитель.

«Мы все пленники судьбы. Но иногда наступают эпохи, великие эпохи, когда меняется мир. Смотри внимательно, и ты увидишь знаки. Увидишь, как люди вырастают над судьбами, и даже боги склоняются перед их силой, перед добровольными и безоглядными жертвами во имя другого. Как борьба идет до последней капли крови, до последнего вздоха и смерти вопреки – и отступает рок, и ломается предначертание. Никогда такое не бывает случайно. Смотри. Наблюдай. Помни. Такое случается только тогда, когда мир уже треснул и нужны те, кто сошьет его вновь».

Четери вернулся к Светлане под утро, вымотавшийся, как сотня тягловых жеребцов. Он лечил, он нес двух упрямец в Истаил – Энтери и другие драконы летели слишком медленно, а пострадавшим нужен был покой.

Ни охота, ни кровь не восстановили его достаточно, и, чтобы не шуметь в покоях и не тревожить жену, Владыка Тафии долго обмывался во внутреннем дворе, потом из чистой прихоти залез в окно, нырнул к Светлане под бок, обнял ее, положил большую ладонь на живот. Она шевельнулась и расслабилась.

– Не спишь, – пробормотал он, коснулся ее плеча губами и пожаловался: – Как же я устал, Светка...

Все напряжение этой ночи осталось за пределами их спальни, и Четери вздохнул, окунаясь в тепло и уют их маленького мирка. Сонная, льнущая к нему жена, ее запах, биение ее сердца.

– Что случилось? – шепотом спросила Света, притискиваясь поближе. Он довольно засопел – упругая и пышная попа прижималась куда надо, и возвращались силы. От Светланы шла прохлада родственной стихии – Воды, и Чет окончательно расслабился, впитывая ласковую энергию.

– Завтра расскажу, – дракон поерзал, поднял руку супруге на грудь и задумчиво, прикидывая свои возможности, погладил. В принципе, не так уж он и устал...

– Я испугалась, – поделилась она тихо.

– Чего? – удивился он, аккуратно сгибая ее ногу в колене и подтягивая вверх.

– Остаться без тебя, – продолжила Светлана и замерла, послушно повернув голову для поцелуя. От нее сразу запахло желанием – всегда, всегда она готова была принять его. – Это все беременность, – прошептала она с нежностью, когда Чет оторвался от ее губ, скользнул к шее. – Плохой сон приснился.

– Непорядок, – смешливо проговорил он. – Придется утешать. Да, Света?

– Дааа...

Глава 4

18 января, среда, Истаил

Ангелина

Ангелина Рудлог вынырнула из дремы. Еще не совсем проснувшись, пошевелила пальцами ног, потянулась сладко, долго, с удивившим ее саму почти мурлыканьем. Телу и голове было легко и приятно, будто она наконец-то за очень долгое время выпалась и отдохнула.

И на душе был покой. Словно гору с плеч сбросила. Даже воспоминания о боли не нарушали этого тягучего, непривычного расслабления. И принцесса очень долго нежилась в кровати, не открывая глаз, поглаживая прохладный шелк простыней и вдыхая непривычно сильный и свежий запах роз и травы. И даже не глядя, она могла точно сказать, что находится в Истаиле, во дворце Нории. Дворец знакомо, на грани слуха, шумел, за окнами где-то далеко переговаривались садовники, радостно пели местные птицы, и слышен был тихий плеск фонтанчика в холле ее покоев.

Ани открыла глаза, приподнялась на локтях, осмотрелась. Точно, ее покои на мужской половине дворца. За открытыми окнами – рассвет, наполняющий сад туманной розовой дымкой. Принцесса во все том же расслабленном состоянии встала, накинула на себя легкую, почти прозрачную сорочку, лежащую на столике, и пошла в сверкающую золотом и мрамором купальню. Организм требовал посетить уборную и освежиться.

Интересно, сколько она спала?

Ангелину кольнула тревога. Нужно сообщить родным, что с ней все в порядке.

И где Нории?

В покоех было пусто и тихо. И привычно. Все на своих местах. Принцесса шагнула в купальню – там все так же стелился по мрамору парок из горячих бассейнов, стояли на бортиках баночки с травяными мылами и маслами. С теми, что нравились ей. За аркой, ведущей в сад, видна была синяя, заполненная водой чаша большого бассейна, в котором она так любила плавать, и на месте были окружающие его разноцветные, радостные, чуть колышущиеся от ветерка занавески.

Здесь ее ждали.

И зеркало было на месте. Ангелина стянула сорочку, придирчиво посмотрела на себя – исхудавшую, больше похожую на неоформившегося подростка со спутанными волосами и острыми скулами, – покачала головой и отправилась мыться.

Она уже заканчивала, когда в купальню заглянула Суреца.

– Ой, госпожа! – воскликнула служанка дрожащим голосом и сцепила пальцы у груди. – Как хорошо, что вы проснулись! – Женщина выглянула обратно за дверь и ворчливо крикнула: – Сафаиита нашлась! Накрывайте стол, да поживее!

И снова вернулась, прижала руки к щекам, всхлипнула:

– Да позвольте же, я за вами поухаживаю! Да как же я рада, что вы вернулись!

– И я рада тебя видеть, Суреца, – мягко сказала Ани и нырнула, смывая с волос остатки пены. Вынырнула, подставила голову под поток воды из широкой бадьи, которую быстро подхватила малита, и встала, поднялась по ступенькам из ванны. Подождала, пока служанка оботрет ее тело, накинёт легкий халат, и села в кресло, вытирая волосы. – Сколько я спала? –

лениво спросила принцесса чуть позже, когда малита, шепча свой заговор, расчесывала ее перед зеркалом. – И какой сегодня день?

– Сегодня восемнадцатое января, госпожа. Почти три дня проспали.

Ангелина задумалась: сколько же она была в колодце? Получается, больше недели?

Суреца помялась, понизила голос:

– Владыка только вчера проснулся, госпожа.

И выжидательно посмотрела на Ани через зеркало. Принцесса едва заметно усмехнулась и ничего не сказала. Ей стало совсем легко, и в то же время внутри заворчалось недовольство.

Суреца укоризненно поглядывала на Ангелину, на ее прическу, хотела что-то сказать, но вздохнула, опустила глаза и снова принялась водить гребнем по волосам.

– Что, Суреца?

Дочь Песков снова вздохнула и не выдержала.

– Какие косы обрезали! – заворчала она. – Да зачем же, сафаиита?

– Тяжело мне было, Суреца, – вздохнула Ани.

– Чтоб оно не было тяжело-то, – продолжала ворчать служанка, расхрабрившись. – Тяжесть – она не на голове, а в душе, госпожа! А жених что на свадьбе резать будет? Этак вы вообще без волос останетесь!

– Отрастут, Суреца, – Ани не стала спорить, закрыла глаза и улыбнулась – малита продолжала ворчать. Очень по-доброму. Что в этом Рудлоге принцесс, похоже, и не кормят, что виданое ли дело, когда женщина мужчину спасать лезет, – видимо, уже и до слуг дошли рассказы о произошедшем в зарослях терновника. И что деток надо побольше и поскорее, тогда и бегать от такого богатого, красивого и доброго Владыки не захочется.

Еще влажные волосы заплели в короткую толстую косу и повели госпожу завтракать. Стоило только увидеть накрытый стол, ощутить пряные запахи мяса и рыбы, приправленных травами, и тонкий сладкий аромат лепешек, как внутри проснулся зверский голод. И жажда – до слез захотелось пить. И Ангелина, разлегшись на софе, отпивалась чаем, ела мало – не хватало еще после стольких дней без пищи заболеть от несдержанности, – наблюдала, как хлопочет Суреца, показывая новые наряды, – ей неинтересно было, но она кивала, не желая обижать всхлипывающую от радости служанку. И ждала.

И когда скрипнула дверь, а Суреца охнула и тихой мышкой выскользнула из покоев, Ангелина Рудлог лишь немного помедлила, чтобы утихомирить буйство эмоций, и встала навстречу Нории. Расправила плечи, подняла подбородок.

В спальне воцарилось молчание. Нории смотрел на принцессу, чуть склонив голову набок; она разглядывала его.

Владыка казался крепче, чем когда она видела его в последний раз, но все равно выглядел изможденным. И в красных волосах появилась седая прядь. Горло свело, когда Ани попыталась сказать «здравствуй», и она отстраненно подумала, что все произошедшее превратило ее в истеричку. И что глупо и неправильно сейчас вести светские беседы.

Принцесса шагнула к нему, с нежностью погладила по плечу, волосам, провела пальцами по щеке – и, размахнувшись, вlepила дракону пощечину. Нории мягко перехватил горящую от удара ладонь, снова прижал к щеке, потерся об нее, зажмурившись, и улыбнулся. От этого простого жеста и от улыбки остатки спокойствия разлетелись вдребезги.

– Как ты посмел не дожидаться меня?! – крикнула Ангелина ему в лицо. Глаза защипало. – Как посмел, Нории? Не рассказать о проклятии! О том, что будешь делать, если я не согласюсь?!!

Дракон притянул ее к себе, обнял так крепко, что принцесса зашипела, прижимаясь губами к его груди и вдыхая его запах.

– Сердишься, – пророкотал он понятиливо ей в макушку и провел ладонями по спине – от них шло покалывание.

– Очень, – прошептала она. Негодование так и полыхало, и Ани мотнула головой, перевела дыхание, пытаясь успокоиться. Нории поднял ее голову за подбородок и поцеловал – и принцесса снова взорвалась от гнева, вцепилась ногтями в широкие плечи, поднимаясь на цыпочки, впиваясь в его губы и кусая их до крови. Он не отстранялся, только зарычал чуть слышно, рокочуще, и руки стали смелее: сжали ее ягодицы, проскользили по бокам, коснулись затылка, груди. И Ангелина забыла о злости, расслабилась от этого рычания, окунаясь в мужские, бесконечные терпение и нежность.

Замерла, когда Нории чуть отодвинулся, слизнул свою кровь. Коснулась его губ и вновь погладила по щеке. Отошла к окну, встала спиной к дракону, оперлась руками о знакомую резьбу подоконника – нужно было собраться с мыслями. И сказать то, что нужно сказать.

– Мне было бы трудно жить, если бы в мире не было тебя, – проговорила Ангелина через силу. – Поэтому я очень, очень злюсь, Нории.

Он подошел, обхватил ее рукой, мягко поцеловал в макушку – и Ани откинулась ему на грудь, закрыла глаза. Как же хорошо. Как легко.

– Разве я мог сказать тебе о проклятии? – проговорил Нории тихо. – Разве мог сказать о терновнике? Ты бы посчитала, что я не оставляю тебе выбора. Поначалу в этом не было необходимости, а затем я понял, что ты возненавидела бы меня еще сильнее. И не было бы нам с тобой жизни, Ани. Мы бы воевали в браке.

– Да какая разница, – Ангелина с раздражением царапнула его ноготками по руке, – как бы я была с тобой? Я не дура, Нории, потом бы разобралась. Это мое дело.

– Нет, – сказал он убежденно, – не твое.

Она все раздумывала над его словами – и признавала его правоту. Расскажи он все во время ее пленения – и она бы прочно связала драконов со всеми несчастьями своей семьи и ожесточилась бы. И слова о терновнике восприняла бы как шантаж. Да и разве мог Нории требовать, чтобы она спасла его собой? Не стала бы она презирать его после этого?

– Я не мог ждать, Ани, – проговорил он тихо.

– Как-нибудь продержался бы до конца месяца, – ответила Ангелина сердито, не замечая, как вместо царапанья поглаживает его пальцы. – Мог бы сказать мне в Йеллоувине. Как ты вообще там оказался?

Он усмехнулся; широкая грудь вздрогнула. Не обвинил, не высказался о своей уверенности в том, что она не придет к нему. Да она и сама разве была уверена?

– Хань Ши передал через моего представителя в Пьентане, что ты будешь гостить у него.

– Старый интриган, – буркнула Ангелина. За окном удивительно яркими красками шелестел просыпающийся сад. Розовое сияние сменялось на желтоватое, праздничное – поднявшееся солнце поило зелень светом. Ани втянула носом воздух.

– Дождь был? – изумленно спросила она.

– Скорее, морозящий туман, – гулко проговорил дракон. – Моя сила рассеялась небольшим дождиком. Обряд был не закончен.

– Чудовищный обряд. – В голосе ее звучали страх и злость.

– Это наша плата за жизнь для нашей земли, – спокойно ответил Нории. – У вас ведь тоже есть алтарный камень.

Принцесса повернула голову, посмотрела на него.

– Он совсем другой.

– Но тоже питается кровью, как и все артефакты, оставленные нам первопредками. Только вам нужно чаще делиться с ним небольшим количеством крови, а у нас терновник забирает все, но и землю оживляет на сотни лет.

– А Колодец в Пьентане – это что?

– Тоже алтарь, Ангелина. Алтарь равновесия. Просто в другой форме. Постой, – рука его сжалась, – ты что, была в Колодце?

– Да, – ровно ответила она.

– Безрассудная женщина! – рыкнул дракон. – Почему, стоит тебе уйти от меня, ты сразу рискуешь собой? Стихийные духи алтарных мест – существа древние и опасные. Они часть божественной энергии, за много веков ставшие почти разумными. С ними не стоит связываться тем, кто не несет крови их создателей.

Она покачала головой, вспоминая, как озвучила в Колодце требование перенести ее к Нории, а золотистый двойник ответил: «Это не вопрос. Ты оплачивала ответы, а не действия».

Тогда Ангелина призвала легко откликнувшийся огонь и пообещала выжечь все вокруг. «Ты сама погибнешь», – смеялся ее близнец, не веря в угрозы.

И она ударила. Разлетелся зал памяти, и принцесса зависла в пустоте, превращаясь в чистое, беснующееся пламя – вокруг пошло все радужными пятнами и замерцало, – и дух испугался и пообещал отправить ее туда, где ей смогут помочь.

«Я не могу отправить тебя напрямую, но я нашел того, кто поможет. Он сейчас рядом с водой. А вода – идеальный проводник для других стихий. Но ты можешь погибнуть».

«Согласна!» – крикнула она. После был болезненный бросок через ледяную бесконечность, распылившую ее на атомы и собравшую снова во дворце Чета. И затихающее позади золотистое сияние.

Вот что это такое, оказывается.

– И терновник разумен? Он слышал меня.

– Насколько это доступно стихийным духам, Ани.

– Он согласился взять мою кровь.

– Пожадничал, за что и поплатился. В нем не хватило силы переработать твоё пламя. Удержал сколько мог – и сгорел.

Ани передернула плечами.

– Я обещала, что кровь не причинит ему вреда.

– Знаю, – гулко сказал Нории и сжал ее сильнее. – Мне все рассказали, моя смелая Ани. Не вини себя: ни ты, ни твой бог не могут менять суть вещей. Но откуда стихийному духу это знать? Он велик, но в развитии своем – как малое дитя, и ему недоступны понятия «жестокость» или «опасность». Как ребенок может без надзора выпить сладко пахнущее крепкое вино, так и ты для него была заманчива, но опасна. Восстанет – корни его глубоко по всем Пескам – осторожнее будет.

В саду, прямо под окном, запела какая-то птичка – и так старался маленький певец, такие волшебные трели выводил, что они оба заслушались, мирно прижавшись друг к другу у высокого окна.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила она тихо.

– Не печалься об этом. – В голосе его почти не была заметна горечь. – Я не стану больше принуждать тебя. Ты не несешь ответственности за мою страну и за мой выбор.

Принцесса повернулась в его объятьях, посмотрела в зеленые глаза.

– А ты – за мой, – сказала Ангелина твердо. – Спроси меня, Нории.

– Пожалела меня? – дракон склонил голову. – Не нужно, Ани.

– Я что, должна тебя уговаривать? – мгновенно вспыхнула она. Оттолкнула его в сердцах, сжала кулаки. – Знай же, что я и так собиралась согласиться на брак! Еще до того, как все узнала! При чем тут жалость? Мне плохо без тебя, Нории!

Он засмеялся, глядя в негодующее лицо.

– Ты станешь моей женой, принцесса?

– Нет! – мстительно процедила она. – Я вернусь в Рудлог и думать забуду о тебе, проклятый дракон!

– Сегодня, – продолжил он, улыбаясь.

– Я сказала: нет!

Он склонился, чтобы поцеловать ее.

– Боги, – проговорил Нории ей в губы, и в голосе его были отчаяние, ярость и счастье, – как же я люблю тебя, упрямая женщина. Тебе принесут одеяние для свадьбы, Ани.

– Я помолвлена, Нории.

– Ты выберешь, в чем выйти к гостям. Либо моей невестой, либо гостьей. Я приму твой выбор, Ани-эна, и никто не осудит тебя. До захода солнца у тебя есть время подумать. Стань моей без всяких условий, принцесса.

– Я не могу так. Нужно оповестить родных, решить, как объяснить это прессе, чтобы минимизировать слухи и ущерб для семьи...

– Без условий, – повторил Нории рокочуще, сжимая ее в своих крепких руках – и Ани не могла не смотреть на него почти заворуженно, запрокинув голову. – Не как Владыка и дочь Красного, а как мужчина и женщина. Родных, да и весь мир, можно пригласить на шестой день, на церемонию принесения даров Богине. А сегодня у тебя еще есть время подумать, действительно ли ты хочешь отдать себя мне. Если да, то остальное неважно.

«Неважно?»

Нории погладил ее по шее, коснулся губами губ и вышел. А Ангелина Рудлог, побродив в задумчивости по покоям, села допивать чай – но руки дрожали, хотя ей казалось, что она спокойна и холодна, и она расплескала напиток из чайника и в раздражении отшвырнула чашку.

Дворец будто затих, ожидая, что решит шеен-шари Владыки, – а принцесса, чувствуя, как эмоции становятся неуправляемыми, отправилась туда, где привыкла за время пленения приводить мысли и чувства в порядок.

К своим розам.

Она снова стояла на коленях, согнувшись, рыхля землю и удаляя сорняки (так много их было, будто ее ждали и здесь), а из окон дворца выглядывали люди и драконы – и отступали, когда принцесса поворачивалась к ним лицом.

Но она и так бы их не заметила. Рос ворох вырванной травы у края клумбы, а Ани, дрожащими руками дергая выюнки, шепотом проговаривала свои страхи и мысли, выстраивая их в строгий порядок, – и легче становилось ей, будто она входила в транс, отстраняясь от эмоций.

– Ты ведь уже приняла решение, – бормотала старшая Рудлог, вдыхая нежный розовый запах, от которого растворялся навязчивый, холодящий страх. – Неужели смутишься, отступишься?

Солнце слишком быстро двигалось по небосклону, гладило теплыми лучами ровные плечи и льняные волосы красной принцессы. Кто бы понял, глядя на ее прямую спину, какие эмоции бушуют внутри, как предвкушение сменяется страхом, и виной, и злостью, и уколами ужаса, когда представлялось Ангелине, что она не успела, и горячим, захлестывающим ее с головой желанием присвоить себе мужчину, которого она полюбила. Полюбила с той же страстью и мощностью, с которой делала все остальное: слишком много в ней было пламенного духа, чтобы чувствовать вполсилы. И она больше не врала себе, что сможет без него, и шептала свои молитвы, свои уговоры.

– ... Ведь хотела сделать все правильно: закончить с помолвкой, убедить Нории выждать нужное время...

Особо упрямый выюнок запутался между стеблей роз, и Ани с жесткостью дернула его, не оставляя сорняку ни шанса, дунула на выпавшую на лицо прядь.

– ... Обговорить условия брака, выторговать преференции для Рудлога... планировала, да...

Она рассмеялась, подставляя лицо солнцу, – шип царапнул ладонь, и принцесса лизнула ранку, чувствуя вкус земли и травы. И усилием воли заставила сжавшееся тело расслабиться.

– Так было бы правильно. – В голосе явно пробивались панические нотки, и она фыркнула, как лошадь, мгновенно переходя в состояние злости на себя. Кто эта испуганная девочка?

Старшая дочь Красного воина? – ... А что ты ждала – что все пройдет в идеальных условиях? Не бывает так. Не бывает.

Ее нервной энергии сейчас хватило бы, чтобы перепахать сотню клумб.

– ... Тем более что проблема Песков не решена, а если отбросить эмоции, то времени нет. Все решится, все... Все равно будет так, как захочу. Пресса взбесится, конечно, но с журналистами можно сделать по-умному... подкажу Василине... Луциус утешится, если проследить, чтобы Дармоншир и Марина поженились... только бы не наделали глупостей...

Она не была бы Ангелиной Рудлог, если бы действовала иначе.

– ... Полина.

Ани выпрямилась, потеряла рукой грудь – там, где разнылось сердце, – и выдохнула. Она не оставит попытки помочь сестре, но у Поли есть еще Демьян. Сильный, любящий ее муж. И он обещал сделать все, чтобы вернуть сестру.

Ангелина снова склонилась над цветами, закусив губу, вздохнула, пытаясь принять непривычное чувство смирения, и некоторое время молча, отчаянно рвала сорняки. Была еще Каролишка, которую она не могла оторвать от себя, были теплые вечера с родными, была страна, служить и властвовать которой ее учили... Пядь за пядью освобождалась земля от мелких вьюнков, крепко цеплявшихся корнями и не желающих уходить. И пядь за пядью очищала принцесса разум и шептала себе, убеждала себя, не замечая, как то хмурится, то улыбается недоверчиво, изумленно, счастливо, словно не веря, что все это говорит она, что все это происходит с ней:

– Все решается, все...

И когда она закончила, в душе воцарился мир. А может, она просто оцепенела и оглохла от волнения?

Старшая Рудлог, отряхнув исколотые ладони, в том же состоянии совершенной отстраненности пошла в купальню, а там отдалась в руки служанок и массажисток, и долго плавала потом в своем бассейне, любуясь на яркие пятна занавесок, которые растекались в воде подрагивающей палитрой. Вернулась в покои, мельком бросив взгляд на разложенный на кровати свадебный наряд, на ларцы с драгоценностями, и села писать письма. Василине. Каролинке. Министру иностранных дел. Валентине и ее матери. Герцогу Лукасу Дармонширу. Марине. Алинке. Отцу.

И рука ее на этот раз была тверда.

День перевалил за половину, когда она позвала Сурезу с сестрой, встала перед зеркалом в спальне и приказала:

– Делайте, что нужно.

Через некоторое время забурился дворец, оживая от быстро передающейся из уст в уста новости. Служанки вызвали на помощь целую толпу женщин, которые быстро и тихо разожгли тонкие ароматические палочки с ровным и успокаивающим мятным запахом. Застелили спальню яркими синими и белыми полотнами, занавесили ими же окна: началось таинство, и тонкий шелк колыхался от ветерка, и казалось, что вокруг – теплое и ласковое море.

По ткани на пол рассыпали зерна, морскую соль и пахнущие сладостью, солнцем и пылью сушеные фрукты. Принесли тонкие струнные инструменты, четыре девушки уселись по углам – и полилась по покоям восточная мелодия, успокаивающая душу. И песня – бесконечная, радостная, с пожеланиями долгой и счастливой жизни, плодовитости и покровительства Богини.

А остальные, боясь сказать хоть слово, чтобы госпожа, не дай боги, не передумала, подождали, пока Ангелина снимет одежду, и начали покрывать ее тело и лицо тонким узором из золотистой пасты, красить ладони и ступни. Ани молчала, только иногда по телу пробегала нервная дрожь, и тогда принцесса начинала размеренно вдыхать и выдыхать свежий мятный воздух. Были бы здесь сестры – Вася с ее мягкостью, Марина с острым язычком, смешливая

Поля, сосредоточенная Алинка, Каролина, которая тут же принялась бы ее рисовать, – и не было бы так страшно. Остро накатило одиночество и тоска: что же она делает здесь, среди чужих людей? Куда же она без родных? Как?

Захотелось бежать – но Ани осталась на месте; захотелось плакать – но она вздернула подбородок и сильнее сжала зубы.

Решила – иди до конца.

По покоям вдруг прошла теплая медвяная волна радости, и заскрипели плиты пола, выпуская из стыков цветы и травы, запылали магические светильники, взметнулись лазурные занавески, впуская порыв теплого разноцветного ветра, – он принес с собой тысячи цветочных лепестков, осыпал ими принцессу, огладил крепкими руками, сладким поцелуем коснулся губ, пощекотал затылок, разметал волосы.

Она изумленно посмотрела на все это и тряхнула головой, пытаясь сбросить застрявшие в волосах лепестки. Нории сообщили?

Служанки, уже не таясь, улыбались. С нанесением орнамента закончили, Суреца выскользнула за дверь и вернулась через некоторое время с блюдом, полным горячих медовых лепешек. За ней шла девушка, осторожно несущая прозрачный сосуд со странным розоватым напитком.

– Это традиционные невестины сладости. Чтобы были силы на ночь, госпожа, – с робкой улыбкой сказала Суреца, протягивая Ангелине лепешку и наполненный кубок. – И динара. Пейте, сафаита. Ее делают из лепестков роз, фруктов и семи трав. И пьют ее один день в жизни, перед свадьбой. Она обостряет чувства и показывает богине правду. Пейте, шеен-шари.

«Силы на ночь?»

Опять стало страшно и жарко, и губы пересохли; женщины захлопали, засмеялись, подбадривая, – а Ангелина одним махом осушила кубок, пошатнулась. Ее поддержали – напиток был сладкоислый, травяной, без алкоголя, но в голове пронесся ураганом, и обострились чувства и запахи, и начало отступать страшнейшее напряжение.

Орнамент на теле подсыхал, принцесса подкреплялась изумительно вкусными медовыми лепешками, а служанки, поначалу осторожно, а затем, видя, как улыбается шеен-шари, уже весело начали подпевать девушкам с инструментами. На языке Песков, почти скороговоркой. Насколько она могла разобрать, то были шуточные советы молодой жене, как вести себя с мужем в первую брачную ночь и в дальнейшей жизни.

Паста высохла, ее смыли мягким освежающим маслом, и на белой коже остался цветочный орнамент, неожиданно яркий.

– Зачем это делается? – любопытствовала Ани, разглядывая узоры.

Она была сама на себя не похожа: голубые глаза казались больше и – Ангелина нахмурилась – испуганней, волосы – еще белее, губы – ярче. И тело выглядело словно статуэтка из светлого дерева, покрытая резной вязью. Диковатый вид.

Взгляд ее почти неприлично блестел.

– Старая традиция, чтобы обмануть злых духов, – охотно объяснила Суреца, с некоторой опаской открывая один ларец с жемчугами и второй с золотом. – Чтобы не узнали вас и не помешали свадьбе. Какое вы выберете, госпожа?

Ангелина усмехнулась: цветочный ветер, смех и невестин напиток прогнали страх прочь, – повернулась, переступая по пробившимся из пола цветам, придирчиво взглянула на драгоценности. Кто способен ей помешать, если она все уже решила? Только она сама. Выпила еще динары, подняла руки – и на нее надели тончайшую короткую сорочку с пышными рукавами, схваченными чуть ниже локтей золотыми браслетами, с золотыми же цветочными застежками на плечах, и одно за другим начали крепить к этим застежкам бесчисленные яркие цветные покрывала свадебного наряда. Надели под грудь драгоценный пояс – тяжелый, сжав-

ший ее тело, – украсили запястья и щиколотки позвякивающими браслетами с многочисленными висюльками.

А Ангелине казалось, будто она слышит, как ходит Нории в соседних покоях – и звучат там мужские голоса, – и различает, как звенят посудой в огромной кухне, и шумят крылья приземляющихся драконов. А еще на грани слышимости то возникал, то пропадал странный гул: был в нем топот множества ног, и песни, и смех, и крики.

– Что это? – спросила она недоуменно.

Суреца понимающе посмотрела на нее.

– Город готовится к свадьбе, сафаиита. Вы сами всё увидите.

В спальне темнело – там, за синими занавесками, садилось солнце. Зажглись магические светильники, сильнее запахло мятой и цветами. Комната купалась в лазури. Волосы невесты увили жемчугом, накрыли голову синим вышитым шелком, спустившимся до пола, и надели сверху изящный золотой обруч, украшенный сапфирами и тонкими цепочками со вставками, стелющимися по вискам и затылку.

Женщины молчали, с шуршанием ступая по ткани, устилающей пол, – теперь нельзя было говорить с невестой, пока не станет она уже женой, – и в тишине этой гулко билось ее сердце, и принцесса выпрямлялась, каменела, необычайно остро чувствуя скользкий шелк на теле. Как быстро прошел день. Как скоро изменится ее жизнь.

Распахнулись двери спальни, открыли в холле двери покоев – там стоял и ждал ее Нории.

Великолепный: верхняя часть волос собрана на затылке в узел, остальные рассыпаны по плечам – одетый в синюю длинную рубаху до пят, и поверх нее – такой же длинный белый шавран, расшитый золотом. Увидел Ангелину, склонил голову, улыбнулся с облегчением – и она шагнула вперед. К нему.

Прибывшая в Истаил с Четом, вернее, на Чете, Светлана стояла у выхода из дворца рядом с мужем и знакомой ей Тасей. Много здесь было драконов и дракониц, много людей, и все беспокойно ждали молодоженов. Пахло травой, ярко светили магические фонари, затмевая звезды, и Света немного стеснялась любопытствующих взглядов и отступала за мужа.

Ей самой было любопытно, потому что она много слышала об Ангелине Рудлог, и от мужа в том числе, много читала сама во время розысков в Иоаннесбургской библиотеке, но никогда не видела ее вживую – только по телевизору. У супруги Энтери глаза тоже светились интересом.

– На месте жениха и невесты я бы сбежала через черный ход, – прошептала Тася Свете, кивая на обилие народа, и Светлана вздохнула понимающе. Каково будет невесте под всеми этими взглядами? Со стороны Чета раздался совсем не торжественный смех – он переговаривался с братом Владыки, – Света сжала его руку и улыбнулась сама, прислушавшись.

– Не откажет, – говорил он громогласно, – не в этот раз, Энти-эн. Красные – собственники, она уже заплатила за него кровью; теперь точно не отпустит от себя.

Энтери мягко улыбался. Светлане он очень нравился – добрый и теплый. Они с женой были неуловимо похожи и обладали той уютной притягательностью, которая отличает гостеприимных людей.

– Поверю, когда увижу на ней брачный браслет, – ответил он шутливо и вдруг прислушался, прижал палец ко рту и повернул голову в сторону широких дверей дворца.

Все затихли. Распахнулись створки, и рука об руку вышли из дворца удивительно маленькая женщина с покрытым узорами лицом и сверкающими ледяными глазами и Нории. Он выглядел очень необычно – но невеста! Света даже выступила вперед, чтобы разглядеть лучше, потому что телевидение не передавало и сотой доли впечатления. Несмотря на небольшой рост, Ангелина Рудлог приковывала все взгляды и принимала их с абсолютным спокойствием,

с величием даже. Дракон рядом с ней смотрелся просто огромным – наверное, ее макушка едва достигала его груди.

Чет позади Светы усмехнулся; она повернулась и увидела, как он подмигивает невесте, и та едва заметно улыбается в ответ.

Свету кольнула ревность: она остро почувствовала, что уже очень большая и беременная, а изяществом и в лучшие времена не сравнилась бы с тонкой, как тростиночка, Ангелиной. Тут же подступили слезы, и Чет словно почувствовал это – подгреб ее к себе и куснул за ухо. Мол, что за глупости, Света?

Потом, когда скроется за воротами удивительная пара, она поворчит на него и пожалуется, а Чет, с удовольствием воспринимающий все ее собственнические порывы, расхохочется и заявит:

– Эти двое столько крови из меня выпили, что я чувствую себя их отцом, не меньше. Волновалась она очень, вот я и помог. Эх, жена!

Вот как его не ревновать?

Света улыбалась, прижавшись к своему дракону, но на всякий случай все же загадала, чтобы никто и ничто не помешало свадьбе.

Город не спал, светя синим и белым, город, накрытый звездной ночью, купался в голубоватом лунном свете, город был украшен лентами и огнями, как невеста, и сладко, волнуяще пах южными цветами. И от запаха этого кровь становилась горячее, а рука крепче сжимала руку. Жители Истаила устелили путь от дворца до храма Синей тканями, усыпали лепестками, а сами скрылись в домах, наблюдая сквозь прорези ставень, как ступает по тихой улице Владыка, ведя за руку волшебную свою невесту, великую колдунью. Они пройдут к храму, проведут обряд и вернуться обратно – и, как только ступят за ворота дворца, жители вынесут на улицы столы, накроют их всем, что есть в доме, и будут пировать всю ночь и еще три дня после.

А пока – тихо! – нельзя! Не спугнуть бы удачу, не навлечь бы преждевременной радостью беду на эту пару. Жених с невестой молчат, и вокруг все должно молчать.

Город шуршал нетерпеливым дыханием тысяч людей и ветром, бросал жениху с невестой под ноги лепестки и водяную пыль с фонтанов. Совсем близко был храм. Ани, замороженная окружающей красотой, и не заметила, как они дошли. Перед ними открылись двери: женщины в одеяниях служительниц Синей подождали, пока пройдут они внутрь, в сумрак, – и захлопнули створки за их спинами.

Величественная богиня любви с чайчыми крыльями за спиной, поднимающаяся из слюдяного моря, смотрела на пару ласково и внимательно, и мозаичный лик ее светился, переливался голубоватыми и перламутровыми отблесками. Тих был храм, устеленный коврами, и только лазурная дымка от глубокого колодца у ног Богини струилась по полу да поблескивал нож на маленьком столике. Пахло цветами и морем из чаши, стоявшей рядом, и усиливающийся ветер пел свои песни в высоких окнах, и огонь в светильниках разгорался все ярче, трещал все яростнее. И глухо, бешено стучало сердце красной принцессы.

Нории подвел ее к алтарю, наклонился, целуя в губы, – в полумраке его лицо, покрытое вязью, казалось совсем чужим – и Ани жадно и отчаянно подалась навстречу, вцепилась ему в запястья, но Владыка высвободил руки и нажал ей на плечи, заставляя опуститься на колени. Лишь вздох слетел с ее губ – она покорилась. И дракон, взглянув на нее сверху, опустился рядом.

Двое у алтаря, поклоняющиеся друг другу среди замершего в ожидании города.

Блеснул нож, разрезая мужскую ладонь, и в чашу закапала драконья кровь. Еще одно движение над протянутой тонкой рукой – и ни звука, ни стопа, только рваное дыхание. Смешалась кровь в пахнущей летом чаше; первым выпил из нее Нории и протянул своей невесте.

Сладкое вино.

Зашумело в голове, заиграло в теле – скоро, скоро ночь, жди мужа своего, красная дева, готовься к его силе, познаешь ее сполна. Подставляй лицо под его пальцы – мажут лоб, щеки и губы горячей кровью, а тебе хочется целовать их, и ты облизываешься, и от солоноватого вкуса еще больше обостряются чувства, хищно чувствуешь себя, дико, и едва не рычишь ты, скалясь. И сама протягиваешь руку и касаешься мужского лба, щек и губ – и он тоже слизывает кровь, и глаза его багровеют.

Усилился ветер, начал трепать красные волосы, позвякивать украшениями, взметнул до высокого свода пламя из светильников.

– Благословляю, – шепнула лазурная дымка, и темная вода двумя змеями поползла от колодца. Нории, не отводя от Ани глаз, протянул в ту сторону руку, принцесса отзеркалила его жест – и проскользил холодок по раненым ладоням, исцеляя, сомкнулся на запястьях драгоценными синими браслетами.

– Перед ликом Матери-Воды и под взором Отца-Воздуха беру тебя в жены, Ангелина Рудлог, – пророкотал Нории. – Ты моя, а я твой.

Снова сжал дракон нож, протянул руку, взял невесту за волосы – и отрезал их вместе с накидкой по самый затылок. Застучал падающий жемчуг, скользнули светлые пряди по шелку, рассыпались вокруг – а Владыка поцеловал ее, вложил в руку тяжелую рукоять и опустил голову, почти коснувшись лбом ее колен.

– Перед ликом Матери-Воды и под взглядом Отца-Огня беру тебя в мужа, Нории Валлерудиан, – эхом откликнулась принцесса. – Я твоя. А ты – мой.

И, собрав его красные пряди, тоже обрезала их острым лезвием. Погладила по шее, прижалась губами к макушке, чувствуя, как улыбается он ей в колени. Тихо стало в храме. Но полыхнул огонь, заревел, освещая храм так, что больно стало глазам. Владыка мгновенно вскочил на ноги, схватил Ани, сжал, напрягся – и захотело божественное пламя, зарычало:

– Достоин. Доказал! Благословляю! Другую дочь прочил я тебе в жены, желая оставить старшую на троне, но что уже сделаешь! Береги ее, дракон!

Потяжелели браслеты на запястьях, нагрелись, и проступили в лазури огненные рубиновые жилы.

– Обещаю, – проговорил Нории, и пламя омыло его, метнулось к Ани, поцеловало в лоб родственным жаром и отхлынуло, ласково и почти извиняющеся скользнув по лику строго улыбающейся богини.

– Благословляю, – зашумел серебристыми потоками ветер, обнимая их за плечи, и рядом с рубиновыми жилками на браслетах проявились белые, прозрачные. Хлынула из колодца вода, разлилась вокруг новобрачных, закрутилась водоворотами, не тронув их, – и унесла жертву в колодец, оставив их оглушенными, жмущимися один к другому.

Долго они касались друг друга в плотном сумраке храма, скользили ладонями по одеж-дам, перебирали короткие волосы, и пьяны были от вина и божественной силы, разлитой в воздухе, и целовались ожесточенно, буйно, задыхаясь от желания. Но их ждали во дворце – и они едва оторвались друг от друга. Поспешили на пир, мимо тихих окон и светлых стен, под сияющей луной к белому дворцу – не выдержал Нории, подхватил свою Владычицу на руки и быстрее понес к высоким воротам.

Плохо помнила Ани, как встречали их здравицами и смехом, как осыпали золотом и зерном, как усаживали за длинные столы. Праздновал дворец, веселился Истаил – а она ела мало, полная тревожного предвкушения, и задыхалась от гостей и жары, и хотелось ей на воздух. Словно не слышала она поздравлений, улыбалась тем, кому нужно было улыбаться, вставала, когда нужно было вставать. И когда желание бежать стало невыносимым, со стуком поставила на стол чашу, поднялась и скользнула к выходу, оглянувшись у самой двери на мужа, посмотрев ему в глаза.

Острым был тот взгляд, и были в нем вызов и огонь. Поймаешь ли ты меня, муж мой? Хватит ли у тебя сил?

Затихли гости. Владыка улыбнулся, глядя только на нее, допил не спеша вино, давая ей уйти, и только сидящие рядом Четери и Энтери видели, как до белизны сжались на чаше его пальцы. Встал, втянул ноздрями воздух и вышел за принцессой в украшенный золотом и резьбой коридор.

Ани была там, уже далеко. Оглянулась еще раз – манящим был ее взгляд – и пошла дальше, быстро переступая босыми ножками, позванивая браслетами, одно за другим скидывая с себя драгоценности и мешающие убежать покрывала. Они разноцветными пятнами ложились на пол, прохладно и скользяще касаясь ступней Нории, идущего следом.

Он заставлял себя не спешить, медленно двигаясь по коридору, а попадавшиеся навстречу слуги и гости вжимались в стены за резными тонкими колоннами и опускали головы, стараясь казаться невидимыми. Все, видевшие дракона на этом пути, понимали: свадьба творится не в зале, полном празднующих людей, и не в ликующем городе. Свадьба творится здесь и сейчас. И если тебе дорога жизнь, будь ты слуга, гость или брат, не вставай на пути Владыки в эту ночь.

Жаркая спираль начала раскручиваться внутри, ноздри раздувались, вдыхая тонкий женский запах. Предвкушение, желание, страх, упрямство, немного усталости. Огромный мужчина проходил мимо застывших в молчании людей, и пламя круглых плоских свечей, выставленных на полу вдоль колонн, колебалось и потрескивало в сумраке от движения его мощного тела и расцветивало желтоватым перламутром его одежды. Нории снял шевран, бросил его на пол. Невеста его далеко впереди вышла во двор и растворилась в теплой южной ночи, но он ощущал ее, видел высокий костер красной ауры, и волосы на затылке вставали дыбом, и внутри рождался рык, когда он представлял, как нагонит ее.

Владыка неслышно вышел в дворцовый сад. И лишь затем зашевелились застигнутые таинственной силой люди, оставшиеся в коридоре. К дверям, за которыми скрылся господин, поспешили стражники, готовясь закрыть и охранять все выходы. Этой ночью ни боги, ни люди не должны были помешать свадьбе.

Ангелина сбросила последнее покрывало, мягким шелком скользнувшее на траву. Она слышала и чувствовала Нории, идущего по ее следу, и бежала вперед, подставляя тело ветерку.

Догони меня еще раз, дракон. Я так хочу.

Напиток из лепестков роз и хмельное крепкое вино сделали ее свободной, и растопили лед горячие поцелуи в тихом храме. Ани забралась в самую чашу, туда, где даже садовники бывали только несколько раз в год, где в некошенной траве светились огоньки светлячков, а вокруг пруда стояли плакучие ивы. Пробралась к деревьям, прислонилась спиной к шершавой коре, закрыла глаза, выравнивая дыхание. И открыла их как раз тогда, когда Нории вышел на поляну перед прудом.

Он, уже обнаженный, шел по колышущейся траве, и на переливающейся перламутром коже его светились линии ауры. Без одежды он выглядел еще огромнее, и она смотрела, ждала и не могла отвести взгляда.

Красноволосый гигант остановился, потянул носом воздух. Хищно улыбнулся заострившимся лицом.

– Прячься, моя Ани, – прорычал он, обходя по широкой дуге поляну. От голоса его она затрепетала. – Это хорошо. Беги, моя принцесса. Беги.

Ангелина не выдержала – быстрой птахой метнулась к темнеющей чаще. Он настиг ее у кромки деревьев, поймав за короткие волосы, разорвал сорочку, повалил животом на мягкую траву, прижавшись сверху, опаливая кожу горячим дыханием, дрожа всем телом. Какая же она маленькая, обманчиво хрупкая, крепкая как сталь.

Ани тяжело дышала – сознание куда-то уплывало, обостря инстинкты, – и чувствовала, как тяжелый мужчина вжимает ее в землю, с силой вдыхает ее запах, и едва не застонала, когда он пошевелился, подсунув ладонь ей под щеку, коснувшись пальцами губ, лизнул шею и вдруг прикусил кожу.

Ей и не нужна сейчас была ласка – и она вцепилась зубами в его руку и выгнулась всем телом навстречу. И застонала требовательно, яростно, и потерялась об него ягодицами, жмурясь от предвкушения, щедро замешанного на страхе.

Я уже твоя. Уже покорна тебе, насколько может быть покорен огонь, – возьми его, но смотри не обожгись, дракон. Справишься ли со мной?

Зарычал Нории, и жестче стали его руки.

От Ани пахло возбуждающе и терпко, и губы были сладки как мед – и он, ужасаясь силе поднявшегося желания, все еще пытался остановить себя, быть нежнее, осторожнее. Но ревел в нем дракон, догнавший свою женщину, – а она охотно изгибалась под ним, подставляя губы, поворачивала голову и отвечала на поцелуи, опаливая его своим огнем. И столько силы было в ее теле, что Нории приходилось умирять ее ласками, обуздывать прикосновениями, – и как отзывчива она оказалась, как легко подходила к краю удовольствия!

Сколько же в ней страсти. Сколько необузданной ярости.

Напрягалось, сопротивлялось вторжению ее тело, и кричала она, прокусывая его ладонь до крови, и стонала от слишком большого мужчины – а дракон поглощал ее пламя и рокошущим шепотом утешал ее, срываясь в рык, приподнимаясь над ней и опускаясь.

Сладкая, горячая. Зовущая. Принявшая его. Не боящая боли. Вскрикивающая, вздрагивающая. Он заставил ее охрипнуть от крика – а она заставляла его двигаться быстрее, пока сознание не сжалось в крошечную точку, тело – в тугой узел, такой невыносимый, что Нории впился зубами в плечо жены и взорвался, изливаясь в нее.

Медленно они приходили в себя среди измятых трав и шелестящих ив. Судорожно вздохнула Ани – и муж ее втянул воздух, приподнялся, почуяв запах крови и слез... и испугался, испугался так, как никогда в жизни.

– Прости, прости меня, – тревожно зашептал Нории, покрывая поцелуями, зализывая ее искусанные плечи и холодея от молчания. – Прости, Ани-эна, не трону тебя больше, если не пожелаешь... больше не повторится...

Она потянулась, по-новому ощущая свое тело, и тихо ответила, заставив его улыбаться от облегчения:

– Повторится.

Чуть позже он на руках отнес ее в резной кружевной павильон с круглым отверстием в куполе, через которое было видно звездное южное небо с крупными, как бриллианты, звездами. Где-то на горизонте уже ворчал гром и сверкали зарницы, и снаружи веяло свежестью.

Внутри павильона бил теплый источник, собирая воду в ступенчатую чашу, а вокруг были постелены мягкие ткани, ковры и подушки, поставлены плоские свечи, кувшины с напитками и сладости.

Они долго отдыхали в чаше источника, чувствуя на коже ласковые струи воды, медленно лаская друг друга. Нории лечил ее – а Ани лежала спиной на его груди, в полудреме наблюдая, как его рука расслабленно гладит ее грудь. Мысли путались, болело тело, но все было правильно, и в душе царил покой. Так она и заснула на драконе, осторожно прижавшем жену к себе.

В эту волшебную ночь из городов пустыни, бывших вотчин погибших Владык, ушел песок. Забили фонтаны, вода наполнила колодцы и каналы. Над пустыней грохотала гроза и шел дождь, питая иссохшую землю, умывая неспящих ликующих людей. И поднималась ввысь, расплескивалась до границ Песков зеленая живая волна из трав, деревьев и цветов, открывались голубыми очами бесчисленные озера – а могучая река Неру наконец-то наполнилась водой, бурной волной прошедшей от истока до устья.

Спала на груди своего Владыки измученная Ангелина Рудлог, не слыша ни шума грозы, ни крупного, взбивающего землю ливня, и спокойным и счастливым был ее сон. Нории гладил ее по тонкой спине, прислушиваясь к себе, к невиданной силе, истекающей из него и откликающейся очередными грозowymi тучами, бушующим морем далеко на юго-западе и свежим запахом ожившей земли.

Свадьба состоялась. Свадьба была угодна богам.

Глава 5

В воздушном дворце Белого Целителя цвели подснежники и носились туда-сюда хитрые змейки-ветерки. Стоял посреди пахнувшего ранней весной зала с высокими арками в стенах огромный стол, сотканный из льда и туманных вихрей, и в мягких травяных креслах сидели четыре бога, пили вино из березового сока. Праздновали.

– Хороша свадьба, – довольно проговорил Белый, поглядывая вниз – туда, где крутились под их ногами и громыхали грозы. – Крепко силой напоила моего сына твоя дочь, Иоанн. По нраву ли тебе сейчас жених, брат?

– Ничего не скажу, – прогрохотал Красный Воин ворчливо, – неплох. Однако и третья была бы ему в пору.

Белый тонко улыбнулся и промолчал. Но заговорил изящный Ши, любуясь вязью на драгоценной чаше. И голос его был мелодичен и тих, но такой обладал силой, что умиротворял остальные стихии:

– Ошибусь ли, если скажу, что он и от третьей не откажется, раз сама в руки идет?

– Не ошибешься, – подтвердил Целитель, улыбаясь: совсем юным он казался, и глаза его сверкали азартом. – Медведь двух загреб под лапу, чем мои дети хуже?

Воин зарокотал недовольно, поглядел на спокойного, развалившегося в полужверинном обличе Хозяина лесов. Тот лениво махнул лапой, рыкнул.

– Наказал я его. Что вспоминать?

– За мою дочь – мало! – Красный стукнул чашей по ледяному столу, и расплескался напиток, разлетелся в стороны цветочной пылью.

– Помню, помню я Седрика, – отмахнулся Зеленый. – Тебе всегда мало, брат. Мой сын – мне решать.

– Тяжелее вина – суровее взыскание, – перебил его Красный, подождал, пока взлетевшая на стол змейка долетит в чашу вина из кувшина, который она держала хвостом. – Я ему этими тремя днями долгую жизнь выторговал да судьбу обманул, жизнь роду продлил. Успел укрепить страну, успел.

– А девочек-то своих и пальцем не трогаешь, – вмешался Белый с хитрецей. – Разве что не курлычешь вокруг них, вон мужей как ревниво отбираешь.

– Женщины, – пробурчал Красный, и все они, не сговариваясь, оглянулись туда, где на грани видимости вставали высокие обсидиановые стены владений Черного. Там тосковала их сестра и жена. – Не тронешь. Благо наследник растет мужчиной. Старшую не удалось на трон посадить, так хоть тут огонек радует меня.

– Отчего же вторая у тебя нелюбимая? – порывкая, поинтересовался Великий Бер. – Как и не видишь ее. Старшая да старшая, а дочь твоя на троне позабытая, милостью твоей обойденная. Не виновата она, что судьба и Правило поперек твоей воли встали. Не виновата, что натурой мягка, – не видишь, что ли, какой огонь под мягкостью этой пылает? Или не твоя дочь? Или не твоя кровь?

Насупился Красный, закручинился.

– Да, радуется от буйства старшей мое сердце, – признал он ворчливо. – Но неправда твоя, брат, все дети мне дороги.

– Даже пятая? – небрежно поинтересовался Желтый.

Полыхнули ревностью и виной глаза огненного бога. И снова оглянулся он в сторону обсидианового замка. Снова загрохотали снизу молнии – и подняли чаши боги, выпили молча. Крепче мир – меньше им работы. И так не до людских проблем сейчас – держат Туру, ждут, пока пророчество жены их исполнится. Каждый чем-то жертвует: кто жизнью детей, кто тронном. Ко всему готовы, но даже богам тяжело дается ожидание.

– А что же ты, брат, – обратился Белый к Желтому, – присмотрел уже своему трону Красную невесту?

Мрачно зыркнул Воин-Огонь на Ши. А тот перекинул черную косу на плечо и улыбнулся, пожал тонкими плечами.

– Мои дети и так сильны. Куда им огня в равновесие добавлять? Пока приноровятся, снова Туру лихорадить будет. Довольно нашему миру потрясений. Нынешнее бы пережить, Ворона бы дожидаться.

Помрачнел Красный: снова ревность и вина были в его взгляде, и по рукам его побежал огонь, но сдержался он, не дал волю ярости. И остальные затихли, изумленные, молча опустошили кубки. Захлопотали, засуетились вокруг божественных господ змейки-хозяйки, опять полилась пахнувшая скорой весной брага – и под громохание ночных гроз над Песками продолжили Великие Стихии праздновать свадьбу.

19 января, четверг, Пески

Ангелина

Над Песками вставало солнце, с изумлением взирая на изменившуюся пустыню и спеша напоить теплом высокие травы и деревья, высушить лужи в чистых, умытых городах. Дошел черед и до Истаила: торопясь, пока снова не закрыла небо погромохивающая над дальними лугами гроза, рассвет высветил зеленые кроны и лазурные крыши, радужные купола храмов, добрался до тихого дворцового парка, взбежал по стенам дворца и заглянул через открытые ставни в покои Владыки.

Осторожно дотянулись солнечные лучи до постели, на которой спал огромный мужчина, бережно прижимающий к себе маленькую женщину. Заиграли золотом в льняных и красных волосах, спустились на небольшую грудь и покоящуюся под ней широкую ладонь, огладили изящные бедра, высветили узор на мощных, мужских, возвышающихся позади.

Ангелина Рудлог, Владычица Песков, сморщила нос, недовольно повернулась спиной к окнам и проснулась, замерев от непривычной близости мужского тела. Движение кольнуло возбуждением, отдалось томлением и почти неощутимой болью в мышцах. Рука мужа – нужно привыкать называть его так – скользнула по лопаткам, спустилась ниже, притянула к себе. Ани настороженно коснулась прохладной груди Нории губами и замерла, зажмурившись.

Как же непривычно.

«Хорошо?» – спросила она себя, украдкой погладив дракона по бедру и совсем уже смело – по крутому изгибу от ягодичек к спине. Чуть отстранилась, посмотрела на мужа: он спал крепко, и красные волосы с седой прядью падали на украшенное орнаментом лицо, а ключ покоился на шее.

Хорошо. Ты весь мой, дракон. А я – твоя.

Солнце грело плечи и спину, и Ангелина, сонная и тихая, выскользнула из объятий Нории, закрыла ставни, полюбовавшись пахнущим свежестью, сверкающим росой садом. Накинула на плечи шелковый драконий халат и направилась в купальню, стараясь не наступить на длинные полы одеяния и с улыбкой глядя на цветы и траву, пышно разросшиеся в стыках плит пола.

Голова одновременно была очень ясной и чуть заметно кружилась от воспоминаний, а от взгляда, брошенного в зеркало, принцессу кольнуло стыдом и удовольствием. Короткие, до подбородка, волосы, едва заметные под орнаментом синяки на плечах, опухшие губы – и потемневшие глаза той, что стала ночью женщиной.

Боги, что она творила – и что позволяла с собой делать!

– Мой мужчина, – прошептала она твердо. – Муж. Могу делать с ним что захочу. И он со мной.

Ани, посвежевшая и умытая, вернулась в спальню. Нории растянулся на всю постель, сжав вместо нее, Ангелины, подушку, подмяв ее под себя. Принцесса скинула халат, забралась на кровать, прижалась к мужу со спины. Поколебалась и, разозлившись на собственную робость, погладила Нории по руке, скользнула пальцами по груди, услышала, как меняется его дыхание, и куснула за плечо.

Мой муж!

– Шари. – Владыка вздрогнул от очередного укуса, повернулся, навис над ней – вдруг покрасневшейся, опустившей глаза. Усмехнулся, коснулся губами лба. – Ну что же ты, – пророкотал он ей в висок – дыхание его было травяным, совсем не как после сна. Потерся о шею, поцеловал туда же. – Продолжай. Зачем разбудила?

– Нужно дать моей сестре знать о свадьбе, – прошептала Ани, глядя, как спускается он ниже, касается языком соска, захватывает его мягкими губами, щекочет. По телу плеснула томная волна, разгорячила дыхание, заставила запустить пальцы в красные волосы. – Отправить посольство, оповестить Василину. Нужно...

Он покачал головой, щекоча волосами кожу, и рассмеялся в живот; вибрация пошла ниже, мгновенно распалая ее – и зажимая предчувствием боли.

– Вот это моя Ани.

– Нории... нужно передать родным мои письма...

Голос ее был почти умоляющим, и Ангелина уже обеими руками вцепилась ему в волосы, выгнулась, послушно позволяя развести бедра. Какой же он все-таки большой.

– Четери все сделает, – пророкотал дракон, касаясь губами светлого пушка на лобке. Потерся щекой. – Успеешь отдать письма. Я вчера обговорил с ним остальное... не беспокойся пока, моя владычица...

Он лизнул тонкую кожу бедра, застонал рокочуще:

– Как сладок твой запах, шари... как вкусен твой огонь... не бойся, Ани, не бойся... не будет больше крови... привыкнет ко мне твое тело...

Голос Нории понижался, и руки крепко держали ее, не давая сжать колени. И как же нежны были его касания.

– Так сладок...

В огромной спальне не осталось места страху – только расслабленному тягучему удовольствию. Мужскому тяжелому дыханию и стыдливому, все смелеющему шепоту, перешедшему в стоны, заглушаемые шумом набежавшей грозы. Доверию. Дракон изучал ее – а она откликалась, он вел – а она следовала за ним. И на этот раз он взял ее медленно, после долгой любовной игры, почти погрузившей Ани в беспамятство. Наливались вишневым цветом глаза, и движения все еще отзывались в ней тугой болью, но и эта боль расходилась жаром и негой, растворялась в теле – онемевшем, расслабленном от ласк и пережитых вспышек наслаждения, заставляя напрягаться, полыхать, желать большего. Что боль, когда мужчина сдерживается так, что дрожат руки и вены проступают на висках? Что страх – нужно просто забросить ноги ему на бедра, толкнуться навстречу, услышать глухой рык и дернуть за волосы. И пережить, перенести, задыхаясь и крича, его мощь и краткое, жесткое буйство.

Мой муж. Могу делать что захочу. И он – со мной.

* * *

Четери отнес Свету в Тафию, воспользовавшись краткой передышкой между грозами. А обратно уже возвращался под ливнем, играя с молниями, взмывая выше туч, к солнцу, и снова ныряя обратно. Так давно он не летал в грозу, что уже забыл, как наполняет взбесившаяся

стихия тело юной, свежей силой и как хочется от нее дурачиться, будто он малыш, только вставший на крыло.

Чет долетел до Истаила, приземлился под дождем, обернулся, усмехнулся одобрительно. Видать, по вкусу пришлось новой Владычице супружеская жизнь. Пусть льет, пусть питает землю. Пройдет несколько дней – и нормализуется погода в Песках, и пойдет годовой цикл своим чередом.

Четери успел одеться и выпить вина, когда подошедший Зафир, слуга Нории, сообщил, что Владыка ждет его на обед в своих покоях.

Сидели за столом Энтери и Ветери, была там и Ангелина – аура ее светилась алыми всполохами, сплетаясь с аурой Нории, и умиротворенной казалась красная принцесса. Но взгляд ее был так же тверд, как раньше, и спина такая же прямая. И только в движениях появилась едва заметная плавность, да губы раздвигались в улыбке чаще, чем обычно.

С Четом в Рудлог должно было лететь большое посольство, и Ангелина передала письма, перечислила, что нужно сделать; Владыка Тафии слушал ее с любопытством и фыркал про себя. Во-первых, Нории уже все озвучил, во-вторых, разве он не участвовал в сватовстве раньше? Ну и что, что сейчас порядок не тот. Суть-то одна.

Через пару часов драконья стая, возглавляемая Мастером клинков, скрылась за кромкой туч. А Нории подождал, пока жена, с тоской глядящая в сторону Рудлога, расправит плечи и отойдет от окна, чтобы переодеться. И повел представлять ее своему народу.

В заполненном большом зале – пришли сюда и драконы, и главы человеческих племен – Владыка помедлил, пока им обоим кланялись и воцарялась в зале тишина после приветствий. И заговорил:

– Вот жена моя, ваша госпожа и владычица. Ее слово – мое слово, ее желание – мое желание. Почитайте ее, как меня, почитайте больше меня, ибо я почитаю ее.

Ани слушала его рокочущий голос, смотрела на теперь уже свой народ и видела в глазах присутствующих и благоговение, и страх, и смятение, и благодарность. Много предстояло работы. Очень много. Но ее это совсем не пугало. Никогда Ангелина Рудлог не боялась трудностей.

Тот же день, Иоаннесбург

Долгожданный звонок в кабинете начальника Зеленого крыла раздался во второй половине дня, ближе к вечеру. Всю ночь Тандаджи поступали сводки о внезапно развернувшихся над Песками грозах, о том, что территорию соседнего государства вдруг начали видеть спутники, что поутру обнаружилась перед наблюдателями у границы расстилающаяся до горизонта зеленая страна. Разведчики на свой страх и риск выехали за Стену – и не обнаружили там полосы блуждания, только связь прерывалась.

Подняли среди ночи Зигфрида – но все так же ломалось Зеркало, которое маг пытался выстроить к Ангелине Рудлог, и после десятого разлетевшегося перехода Майло отпустил сонного блакорийца, приказав каждый час повторять попытки. Увы, пока они были безуспешными.

Тандаджи собирал информацию и периодически, словно забывшись, недоверчиво качал головой. Сложить два и два – Ангелину Рудлог в Песках и ожившую страну – было нетрудно, но как доложить об этом королеве? Нет, прежде нужно найти чудесным образом попавшую из Йеллоуиня в Пески принцессу, подтвердить догадки. И тидусс терпеливо ждал звонка от агентов.

– Тандаджи, слушаю, – произнес он в трубку ровно.

– Господин полковник, – раздался задыхающийся от волнения голос капитана Рыжова. Майло поморщился: никакой выдержки. – Господин полковник! У приграничного телепорта

опустились драконы из Истаила. Шестнадцать человек! Перешли в Теранови – запрет мы ведь не ставили! Они сейчас отдыхают на территории дипкорпуса. Сообщили сотрудникам, что обязаны встретиться с королевой. Что прилетели по поручению Владыки Нории и ее высочества Ангелины! С ними муж Таисии Михайлис из Теранови, помните, Энтери? И тот, что меня чуть не придушил. – В голосе Рыжова проскользнула обида. – Все разукрашенные, как на свадьбу!

Майло поморщился и тоскливо посмотрел на золотых рыбок. Не доводит до добра проницаемость.

– В каком они настроении?

– В хорошем, господин полковник, – несколько удивленно ответил Василий. – В радостном, можно сказать. Но говорить, что будут обсуждать с ее величеством, не хотят, отвечают, – он понизил голос до заговорщического, – что это дело межгосударственное.

– Следите, Рыжов, – бросил Тандаджи, отключился и поспешил набрать министра иностранных дел, пока тот не пошел с докладом к королеве и не поставил дворец на грань уничтожения. Ее величество за прошедшие дни и так перенервничала. Тут нужен деликатный подход.

Министр Кинкевич, старый лис, вежливо согласился отдать Тандаджи право принять на себя удар, пожелал удачи и положил трубку. А тидусс, поправив мундир, сделал еще один звонок – Байдеку, обеспечив себе прикрытие тылов, и направился к королеве.

Василина приняла его в своем кабинете. Спокойная, только в голубых глазах тревога да лицо бледное. Тандаджи поклонился, как обычно, немного залюбовавшись ее кудряшками.

– У вас хорошие новости, полковник? – Мягкий голос ее величества чуть подрагивал. Скрипнула дверь, и взгляд королевы потеплел. Она нежно улыбнулась вошедшему принцу-консорту. Байдек обменялся с тидуссом рукопожатием, встал рядом с супругой, положив руку ей на плечо, и она заметно расслабилась.

Тандаджи чуть-чуть полегчало.

– Надеюсь, что да, ваше величество, – проговорил он уверенно. – Ваша сестра жива, находится в Истаиле, у Владыки Валлерудиана. К сожалению, пока не смогли установить, как она там оказалась. Если позволите, в Теранови ждут вашего согласия на встречу драконы, которые принесли известия от ее высочества Ангелины...

Воистину, не выбери его судьба для должности начальника разведки, тидусс мог бы стать лучшим из дипломатов.

Василина выслушала новости, нервно сцепив пальцы.

– Почему они еще не здесь, полковник?

– Простите, ваше величество, – с невозмутимым лицом ответил Тандаджи, – но нужно подготовить зал, охрану... обязательно. Понимаю, как вам не терпится узнать про сестру, но мы не можем пренебрегать безопасностью.

Королева подняла сердитый взгляд на мужа, но тот только коротко кивнул. И она вздохнула.

– Я даю вам час, полковник. Прекрасно, если справитесь быстрее.

Василина успела переодеться. Сообщить встревоженному Святославу Федоровичу и младшим сестрам, что прилетели драконы и скоро будут новости об Ани. Каролинка разрыдалась, не в первый уже раз за прошедшие дни, вцепилась королеве в руку и начала умолять взять ее с собой. Она очень скучала по Ангелине.

И Василина, как всегда, распереживалась, обернулась к Байдеку.

– Каролина, подожди, – произнес Мариан, и шестая Рудлог затихла от его серьезности. – Закончится официальная часть, и сможешь сама обо всем расспросить.

Но окончательно успокоила младшенькую Алинка. Оглядела красноносую и шмыгающую сестру с ног до головы и занудно, рассудительно заявила:

– В таком виде тебя к делегации из другой страны просто не пустят, чтобы не позориться. Пойдем приводить тебя в порядок.

Каролина встрепенулась, бросила взгляд в зеркало, подхватила на руки щенка тер-сели, с которым после отъезда старшей сестры не расставалась, и помчалась в свои покои.

Драконы появились из телепорта через час. Встречал их лично принц-консорт. Скользнул взглядом по длинным, расшитым драгоценностями одеждам – нет ли где оружия, – посмотрел на сундуки, которые притащили гости с собой, встретился взглядом с Владыкой Тафии, сдержанно кивнул Энтери.

– Рад приветствовать вас, – сказал он после рукопожатий и представлений, – ее величество, супруга моя, примет вас. Вижу я, что не с пустыми руками вы пришли.

– То дары огненной госпоже от Владыки Владык, – охотно объяснил Четери, – малая их часть. Позволишь ли вручить ей?

– Лучший дар – известие о сестре, – проговорил Мариан настойчиво. – Слуги отнесут ваши дары в зал встречи. Не дело гостям груженными по дворцу идти.

«Отнесут и проверят по пути», – говорил его взгляд.

Чет не стал спорить. У этого крепкого медведя своя задача, у него – своя.

Ее величество появилась в светлом зале приемов через пару минут после того, как провели туда драконов и занесли сундуки. Василину сопровождал Святослав Федорович. Драконы поклонились, она кивнула, улыбнулась мягко и немного настороженно. Четери, до этого развлекавшийся рассматриванием гвардейцев, глядел на нее с умилением. Они уже встречались – в Теранови, на памятном подписании договора о мире и сотрудничестве, и тогда она вызывала то же желание двигаться аккуратнее и говорить тише, чтобы не расстроить. Скромное платье, прямая спина, аккуратная прическа и взволнованное лицо. Огненная аура полыхает, греет – но как же похожа на его Светлану. Настоящая женщина. Повезло ее мужу.

Муж подождал, пока его королева остановится, и занял правильную позицию – сбоку и чуть впереди. Чет едва не кивнул одобрительно: молодец. Если что, успеет закрыть своим телом.

За дверью послышались тихие шаги, шепотки – Байдек тоже что-то уловил, потому что покосился туда, качнул головой. Чет усмехнулся про себя: медведь не видел то, что видел он, – два огонька, один из которых был ему очень знаком.

– Господа, – чуть тревожно произнесла королева, – мне сказали, у вас есть известия о моей сестре. Слушаю вас. Все ли с ней в порядке? Почему она не прилетела с вами?

Чет выступил вперед, отметил, как неуловимо напрягся принц-консорт.

– Радостное известие привезли мы тебе, государыня огненная, – сказал он настолько почтительно, насколько мог, как учил его Ветери, нудно заставляя повторять церемонные речи. – Благодарим, что так скоро приняла нас, и просим выслушать, а потом судить. В сундуках этих – выкуп от Владыки Владык за сестру твою, Ангелину. Вот сапфиры, ясные, как глаза твоей сестры, – двое драконов открыли один из сундуков. – Вот рубины, алые, как губы ее. – И второй сундук был открыт. – Вот белое золото, но не сравнится оно с красотой ее волос... Не заменит золото тебе сестру, не утешит от разлуки с нею, и бесценны красота ее и жизнь, но такова наша традиция...

Он остановился – в голубых глазах королевы плескались настоящий ужас и мольба: не надо долгих речей, скажите, что с сестрой! Лицо ее было спокойным, но аура наливалась мощью и ошутимо холодало в зале. Что себе придумала уже? И Четери, забыв все, о чем бурчал ему Ветери и как учил говорить, бухнул по-солдатски прямо:

– Вчера сестра твоя, Ангелина, стала женой Владыки Нории.

Еле слышно ругнулся позади Ветери, а королева потрясенно замерла – от нее полыхнуло тревогой, гневом, недоверием, и муж ее нахмурился, глядя на Чета с явным желанием придушить. За дверью зала зашуршало.

– Не думай, – продолжил Мастер понятно и спешно, – не принуждали ее, своей волей она приняла решение. Расцвела сегодня наша страна, и поспешили мы к тебе, дабы принести выкуп от Владыки и обговорить все. Принесли мы и письма от твоей сестры. Тебе, твоему отцу и сестрам.

Василина-Иоанна без слов протянула руку, и Ветери с поклоном передал ей стопку писем.

Она быстро перебрала их, нашла свое, отдала одно отцу, остальные – мужу. Развернула и начала читать.

Долго читала. Много написала Ангелина, начиная со своих видений в колодце, – и королева то тревожно сжималась, и веяло от нее холодом, то удивленно поднимала брови, то качала головой. Дошла и до последних строк.

«Василина, сестричка. Понимаю, что новость неожиданная, но, думаю, ты поймешь меня. Если бы существовала разумная альтернатива, я бы не торопилась. Еще раз скажу, что согласие на замужество я дала добровольно. Отстраняясь от личных мотивов, Норши – хорошая партия для меня и отличная для страны. К сожалению, придется разрешать эту ситуацию, дабы купировать скандал. Прежде всего нужно связаться с Дармонширом, передать ему мое письмо. Прочитай его; я уверена, что герцог согласится содействовать. С Луциусом будет сложнее, может затаить обиду, но и это решим. Если Пески восстановятся, прошу, пришли с драконами магов-телепортистов и арку телепорта – чем быстрее наладится сообщение, тем быстрее я смогу с тобой все обсудить лично.

Люблю тебя. Ангелина Рудлог».

Василина закончила читать и передала письмо мужу.

А в коридоре, прижавшись к дверям и ничуть не стесняясь охраны, затаив дыхание, подслушивали две младшие принцессы. Каролина Рудлог опять всхлипывала, пытаясь сдержаться, чтобы не заплакать в голос, Алина шикала на нее. И в этот момент появилась рядом с залом их старшая сестра, Марина. Она только вернулась с работы и узнала, что весь дворец шумит о прибытии драконов. Марина тут же бросилась искать родных. И нашла – младшеньких, нарядных и причесанных, подслушивающих возле дверей. А гвардейцы, охраняющие зал приемов, были с каменными лицами и мученическими глазами.

– Малышня, – сказала Марина таинственно, – ну, что говорят?

– Ани замуж выдали-и-и-и, – громко зарыдала Каролинка, и Алина испуганно зажала ей рот. Третья принцесса изменилась в лице.

– Как выдали?

– В Пески, – шепнула Алина. – Вчера свадьба была.

– Что за бред? – ругнулась Марина, мгновенно зажегшись злостью. Метнулась туда-сюда по коридору, вернулась к двери и решительно нажала на ручку.

В зале стояла оглушительная тишина. Драконы с удивлением уставились на вошедшую девушку и заглядывающих в дверь девочек. Чет и вовсе ухмылялся: вот эта с ее кипучей аурой куда более напоминала Ангелину Рудлог, чем королева.

Василина укоризненно посмотрела на третью принцессу, Мариан оторвался от письма, строго покачал головой.

– Ваше величество, сестра моя, – четко проговорила Марина, – простите за вторжение. Я услышала новости и не могла оставить их без внимания.

Алина застенчиво помахала Чету, и тот, веселясь, кивнул в ответ. И тут же нахмурился, присмотревшись. Под плотным огнем девушки видна была черная сердцевина. Будто замороженная, спрятанная – но не для него. Вот это да.

– Мои сестры, – ровно представила вошедших королева, – Марина, – третья сердито кивнула, – Алина, Каролина. Пожалуйста, заходите.

Младшие шмыгнули к Святославу Федоровичу. Каролина прижалась к отцу, пытаясь не всхлипывать. Марина же остановилась перед королевой, невежливо повернувшись к гостям спиной, что-то начала тихо высказывать ей. Чет прислушался.

– Что происходит? Какая, к чертям, свадьба? Ты же понимаешь, что Ани никогда не поступила бы так? Только не она!

– Марина, – ее величество немного покраснела, – остановись. Я сама потрясена, но нам передали письма от Ангелины, и нет оснований полагать, что она писала их под давлением или не сама. Тем более мы скоро встретимся.

– Верните Ани-и-и! – снова заплакала младшая Рудлог. – Зачем ей му-у-уж?

– Я бы посмотрела на свадьбу, – грустно проговорила Алина. – Как это без меня? По старому обычаю было, да? Можно было бы составить описание...

– Почему так быстро? – злилась третья принцесса. – Что могло ее заставить? Как она вообще оказалась в Песках?

– И-и-и-и-и-и! – рыдала Каролиша.

– Дети! – деликатно пытался успокоить их Святослав.

Драконы восторженно молчали, наблюдая за пламенным хаосом из четырех Рудлог.

Королева начала бледнеть. Глаза ее посветлели.

– Тихо! – как-то рычаще, почти неслышно рявкнула она – и у присутствующих дрожь пошла по телу. В зале воцарилась тишина. Байдек одобрительно и немного удивленно взглянул на жену. Марина тяжело дышала, но молчала.

– Господа, – сдержанно произнесла ее величество. – Предлагаю всем переместиться в столовую, выпить чаю, дождаться ужина и спокойно поговорить. Вам приготовят покои, – она кивнула одному из гвардейцев, и тот вышел передать приказ. – Погостите у нас, пока мы всё не решим. Марина?

Третья Рудлог неохотно повернулась к гостям.

– Приношу извинения за свою несдержанность, – сказала она медленно, и в голосе ее была угроза, а в глазах сверкали молнии. – Мы очень беспокоимся за сестру, а ваши новости... удивительны. Я бы очень хотела, чтобы она сообщила нам их... лично.

– Мы все понимаем, ваше высочество, – примирительно проговорил Ветери. – И понимаем ваше недоверие. Мы надеемся, что скоро будет налажен телепорт и вы сможете пообщаться.

В глазах Марины все еще плескалось недоверие.

– А Зеркало не открыть?

– Пока Зигфрид не может этого сделать, – пояснил Байдек.

– Я могу отнести тебя к ней, принцесса, – предложил Чет. – К ночи уже будешь в Истаиле. Марина задумалась, махнула рукой.

– А давайте!

– И я хочу, – тихонько вмешалась Алина.

– И я! – закивала головой Каролина.

– Никто никуда не полетит, – сурово сказал Байдек, и три принцессы уставились на него с обидой. – Мы подождем, пока установят телепорт.

Чет неслышно хохотал: боги, и он еще печалился из-за одной Рудлог! Вот кому надо молитвы при жизни возносить – здесь ведь целая семья безумных женщин!

Потом было чаепитие, плавно перешедшее в ужин. К этому времени вся семья уже успела прочитать письма и находилась в состоянии разной степени растроганности. Чет, осторожно придерживая тонкую хрупкую фарфоровую чашечку с чаем, окруженный любопытными огненными девами, рассказывал о событиях, свидетелем которых он стал, под просящим мягким взглядом королевы упуская кровавые подробности – нечего пугать младших.

– Четыре дня назад, – говорил он, – ваша сестра появилась во дворе моего дворца будто из Зеркала, только без его помощи. В это время Владыка проводил... ритуал напоения Песков. И Ангелина попросила меня отнести ее к алтарному камню. Там она... отговорила Нории от ритуала. И через три дня они поженились.

– Она ведь счастлива? – спросила Марина, пристально глядя на него.

– Счастлива, – уверенно подтвердил Четери.

– Кто бы мог подумать, – смиряясь, пробормотала третья Рудлог и покачала головой. – Кто бы мог подумать...

– А как проходят у вас свадьбы? – все-таки не выдержала Алина. – Обрядовая часть отличается от нашей? Сильно?

Чет, перед тем как ответить, сделал еще глоток чая. Лучше бы вина, конечно. А то от такого количества он скоро сам станет янтарным и лимонным на вкус. Но, пока дракон пил, рассказ начал Ветери, и Мастер смог немного передохнуть от болтовни. И полюбоваться, с каким жадным интересом зеленоглазая принцесса внимает их сладко поющему дипломату.

Тьма в ней ощущалась застывшей, чуть пульсирующей, спокойной. Семья то ли не в курсе – хотя королева должна же видеть ауры! – то ли знают, но не придают значения. В любом случае это не его дело. Мало ли тайн ему открыто; не уподобляться же глупой сплетнице, не умеющей держать губы сомкнутыми.

Самая младшая Рудлог, Каролина, сидела, угрюмо уткнувшись взглядом в стол. Губы ее периодически обиженно кривились, и тогда она очень печально, душераздирающе вздыхала. Старшая сестра написала ей ласковое письмо, в котором много раз повторила, как любит свою малышку, – и если Каришка захочет, то может хоть каждый день приходить в Истаил по телепорту и гостить на каникулах. А если отец не будет против, то и вовсе переехать в Пески. Но Каролину это не утешало: в голове крутились мысли о том, что скоро у Ани появятся свои дети, и тогда они останутся с папой одни-одинешеньки и никому не будут нужны.

От этой мысли стало совсем плохо, и она едва сдержала слезы. Подняла глаза – и с изумлением уставилась на прозрачный цветок, который протягивал ей красноволосый дракон. Неохотно приняла подарок, но тут же отвлеклась, рассматривая искусно сделанные то ли из стекла, то ли из хрусталя стебель, листики и лепестки – со всеми жилками и просветами. Очень красиво.

– Спасибо, – пробормотала младшая принцесса, стараясь быть вежливой и не гундосить.

Четери, давным-давно освоивший этот нехитрый фокус, усмехнулся. Что пятьсот лет назад, что сейчас он действовал на всех женщин, от младенцев до старушек.

– Когда телепорт сможет заработать? – поинтересовалась королева, одобрительно улыбаясь ему. – Когда улягутся эти стихийные возмущения?

Чет пожал плечами.

– Максимум три дня, – ответил он, – хотя у Нории может быть и быстрее. Когда Владыки принимают Ключ, над их городом стихия кипит сутки. Но это происходит, потому что они молоды и неопытны, не умеют обращаться с силой. Нории же давно прошел совершеннолетие.

– Совсем мало времени, чтобы все организовать, – опечалилась королева.

– Это уже его забота, – невозмутимо откликнулся Чет. – Его и нашей Владычицы. Не только к вам полетят посольства – все государи будут приглашены на церемонию.

Пока в одной части дворца проходили ужин и прием гостей, в другой кипела работа. Тандаджи не мог позволить себе уйти домой, пока не прояснится ситуация. Он выслушал доклады своих людей, присутствовавших на встрече, приказал поставить жучки в покои, приготовленные для гостей, и ждал возможности поговорить с Байдеком.

Жаль, что нельзя заглянуть в письма от ее высочества Ангелины. Но, судя по тому, что драконов пригласили на ужин, и спокойствию королевы после официальной части, сомнений в авторстве писем и версии крылатых гостей не возникло.

Поразительная беспечность. Хотя и королеве, и даже Мариану простительно не знать, каковы бывают методы убеждения и как можно заставить даже самого могущественного человека действовать так, чтобы и близкие ничего не заподозрили.

Тандаджи выжидал. Заглянул к Игорю – тот тоже не ушел домой. Сидел за столом, скинув китель, просматривая бумаги и каким-то хитрым способом раскладывая их вокруг себя. Веер справа, веер слева. Стопка на самом краю, подпирающая несколько чашек со следами кофе. Чашка была и в руке начальника Управления внешней разведки, и он рассеянно подносил ее к губам, что-то черкая на листе, заполненном схемами и стрелками, и поглядывая на очередную бумагу из «веера».

– Занят? – осведомился тидусс, когда Стрелковский поднял на него глаза. Игорь снова поднес к губам чашку, недоуменно посмотрел на нее и отставил: она была пуста.

– Как и ты, – ответил Игорь Иванович с иронией, – как и всегда. Заходи. Отвлечешь меня. Нужно переключиться, потому что я чувствую себя параноиком.

– Паранойя в нашем деле называется интуицией, – тонко улыбнулся тидусс, не признаваясь, что сам зашел, чтобы «переключиться».

– Знаю, – пробурчал Стрелковский, – я тебе сам это сто раз говорил. Садись. Кофе?

Тандаджи, поколебавшись, кивнул, и Игорь Иванович ополоснул чашки, сыпанул туда растворимого порошка и залил кипятком из маленького чайничка, стоящего тут же.

Полковники дружно глотнули горький напиток, почти синхронно поморщились.

– У тебя сегодня насыщенный, должно быть, день, – заметил Игорь. – Сумела ее высочество удивить.

– Или ее заставили нас удивить, – пробурчал Тандаджи, упорно глотающий кофейный кипяток. – Я пока ни в чем не уверен.

– Проверить надо, – согласился хозяин кабинета, поднял руки, потянулся до хруста. – Но, Майло, Ангелина Рудлог куда упрямее своей матери. А Ирину, – взгляд его на мгновение застыл, и Стрелковский опустил голову, потер кулаком висок, – я за время работы изучил достаточно. Нет такой силы, которая заставила бы этих двух сделать что-то против воли. Ирина предпочла бы умереть.

«Она и предпочла», – повисло в воздухе.

Тандаджи не изменил выражения лица.

– Факты, Игорь. Сам понимаешь, мне нужны факты. И я их получу.

– Факты, – Стрелковский вздохнул, раздраженно постучал ладонью по столу. – Мне бы тоже они не помешали.

– Поделишься? – поинтересовался тидусс, чуть сощурившись.

– Аналитики подкинули повод для обдумывания, – Игорь Иванович недовольно махнул рукой на заваленный бумагами стол. – Мы наладили обмен сведениями между службами разведки Туры о том, что касается возможных заговоров, покушений и поиска Черных. Кстати, агенты работают отлично. Хвалю, полковник.

Тандаджи скромно склонил голову.

– В отдел аналитики идет вал информации. Нашей и внешней. Разные события. По отдельности – ничего интересного, а когда начинаешь комбинировать, поневоле напрашиваются неприятные выводы.

Стрелковский потянулся к правому вееру, стал вытаскивать из него листы, сшитые с фотографиями, выкладывая перед собеседником.

– Сам суди. Этот – мастер по радиотехнике из Пьентана, – с фотографии на Тандаджи смотрел пожилой йеллоувинец. – Пропал пять дней назад. Вышел с работы, а домой не дошел. Этот, – на стол лег еще один отчет с фотографией, – химик. Ранее работал на оборонном заводе в Блатории. Пошел за хлебом четыре дня назад. Не нашли. Эти, – еще два отчета опустились на стол, – бывшие военные. Инляндия. И так далее, – стопка шлепнулась о дерево. – Больше десятка человек за два дня. В разных странах, в разных местах. Вышли из дома, с работы – и не вернулись.

Тандаджи хмуρο кивнул, допивая остывший кофе.

– Конечно, мало ли людей пропадает каждый день. И может, их исчезновения не взаимосвязаны, спросил я себя? – с некоторой злостью продолжил Игорь. – Может, один напился и где-то отсыпается, второй сбежал с любовницей, третий и четвертый дезертировали? Возможно, это мелочовка, которая не стоит внимания?

– Вполне может быть, – кивнул Тандаджи.

– И тут из Тидусса, – Стрелковский аккуратно сложил отчеты обратно, – мне докладывают, что у нас два дня назад пропал агент.

Тандаджи опять кивнул.

– Сверчков.

– Совершенно верно. Организую поиск – через сутки его нашли в притоне на окраине, невменяемого, со стертой памятью. Менталисты ничего сделать не могут. Начали рыть, над чем он работал, – оказалось, обмолвился коллеге, что вышел на подпольный цех производства орвекса.

Майло глотнул кофе. Орвекс – взрывчатка. Простая в изготовлении, но мощная. Названа по имени случайно создавшего ее химика.

– Но опять: мало ли этих цехов по Туре? – продолжил Игорь Иванович. – Чем этот конкретный мог Сверчкова заинтересовать? Благо, тидуссы помогли, провели облаву по району, где агента видели последний раз. И вышли на небольшой свеженький цех в подвале заброшенной школы. Все как положено: склад ингредиентов, ящики со взрывателями тут как тут. Полу-пустые. Видно, что в помещении работали. Но взрывчатки мы не нашли.

– Опросили жителей близлежащих домов?

– Естественно. Объявили о вознаграждении, – Игорь поморщился, – пришлось отделять фантазии тех, кто жаждал получить деньги, от реальности. К счастью, нашлись дети, которые накануне играли рядом. Вот они отдельно друг от друга рассказали, что подглядывали в окошко и видели, как какие-то люди таскают через Зеркало тяжелые ящики. Много. Полагаю, не меньше двадцати, насколько получилось выспросить у детей. Они, к сожалению, не все умеют считать. Зато прекрасно помнят лица. И по фотографии узнали одного из пропавших блаторийских военных. Живого и здорового. Еще один пацан клялся, что видел там йеллоувинца, но узнать по фото не смог – сказал, что они все похожи. И тут я, – Игорь достал из папки фото, прикрепленное к нескольким заполненным листам, – вспомнил этого господина. Узнаешь?

Тандаджи взгляделся.

– Из контактов Соболевского?

– Совершенно верно! – хищно процедил Стрелковский. – Примерный семьянин, отец двоих детей, клерк. Пропал после ареста заговорщиков. В молодости служил в армии. Специалист по взрывным работам, Майло. Отослал я фотографию в Тидусс на всякий случай. И что ты думаешь?

– Опустили, – ровно проговорил Тандаджи.

– Опустили! – рявкнул Игорь. – И вот складывается мозаика. С одной стороны – темные, которые уже устраивали покушения и сейчас на основании некоего предсказания хотят ослабить престолы. С другой – неучтенный орвекс в количестве, которое может распылить весь наш дворец. А с третьей – это всё всего лишь мои предположения. Потому что нет никаких доказательств, что этот клерк-взрывник, – Стрелковский постучал по черно-белой фотографии ногтем, – как-то связан с нынешними лидерами темных. Может, он обычный преступник, а не заговорщик. Понимаешь теперь, почему я так взвинчен? – Игорь покосился в сторону пустых чашек. – А еще я поддерживаю связь со Свицерским. Маги тоже ищут темных, но безуспешно. И это меня очень царапает. Не упустил ли я чего, Майло? Не станет ли мое упущение фатальным для королевской семьи и Рудлога? Вот и роюсь в шелухе, – он кивнул на бумаги, – и жду озарения. Завтра с утра совещание глав разведок. Будем делиться информацией. И мне хотелось бы, чтобы я был уверен в том, чем делюсь.

– Понимаю, – ровно ответил Тандаджи. Игорь сейчас напомнил ему Кембриджа, идущего по следу, и тидусс угрюмо подумал о том, что ему в отделе все же не хватает безумца. И Игорю, видимо, тоже. – Сколько раз ты просматривал эти отчеты?

– С десяток точно, – недовольно отозвался Стрелковский.

– Значит, вся информация у тебя в памяти уже есть. Иди домой. Ночью все в голове устаканится, утром найдешь решение.

– Возможно. Но ты бы смог заснуть? – усмехнулся Игорь Иванович.

– На этот случай, – тоном умудренного жизнью мужа и главы семейства сказал Тандаджи, – у тебя есть Люджина.

Лицо Стрелковского чуть прояснилось.

– У меня ощущение, что я общаюсь с самим собой. Сколько раз я тебе говорил это про Таби?

– Вот и послушай умного человека, – пробурчал Майло, взглянул на часы и встал. – Мне пора.

Тандаджи вернулся в кабинет, покормил рыбок и отзвонился жене. Выслушал порцию вечернего ворчания, с невозмутимым лицом произнес пару ласковых уговоров и попросил ложиться спать и греть постель к его приходу. Снова взглянул на часы и направился к выходу. Нужно было действовать.

Игорь все же отсидел за своими отчетами еще часа полтора. И сидел бы и дольше, но позвонила Люджина, сонно попросила привезти шоколада и лимонов, «потому что умру, если не съем, Игорь Иванович!», зевнула в трубку – и он сам через минуту после окончания разговора раззевался. Глаза слипались, голова перестала работать, и Стрелковский поехал домой, завернув по пути в магазин.

Большой дом его незаметно стал совсем уютным. Игорь зацепился взглядом за новый ковер в холле и пошел дальше, к своей комнате. Сменились занавески на окнах, появились цветы на подоконниках. Много цветов. Мебель обзавелась мягкими накидками. Люджина, когда не вязала, поддавалась набиравшему силу инстинкту гнездования – и каждый день в доме появлялась новая деталь, и он становился женским, уютным. Поначалу она тратила на это свои скудные средства, и Игорь, когда узнал – они как раз опять сидели на диване перед камином, тихо прижавшись друг к другу, – поинтересовался со сдержанным удивлением:

– Люджина, что за глупости? Вам быть хозяйкой в этом доме, и делаете вы это не только для себя. Пошадите мою гордость.

– Я не могу просить у вас деньги, Игорь Иванович, – с иронией объяснила Дробжек, глядя на него снизу вверх. – У меня на это не хватает духу. Да и может, вам изменения в обстановке не по душе, а вы молчите, опасаясь расстроить бедную беременную.

– Все мне по душе, – проворчал Стрелковский, немного раздражаясь, как всегда, когда она демонстрировала свою независимость или смущалась. – Табуреткой махать у вас духу хватает. А замуж за меня выйти или обязать оплачивать расходы по дому – нет.

Дробжек только улыбнулась ему в плечо. На следующий день он перевел на ее карточку почти все деньги, что у него были. А на укоризненный взгляд вечером невозмутимо ответил:

– Тратьте их на что заблагорассудится. Это приказ, капитан.

– Да, шеф, – со смешком ответила она и мягко, очень осторожно поцеловала его в щеку. И Игорь еще некоторое время довольно улыбался – потому что Люджина никогда не проявляла инициативу. В постели он обнимал ее – а то и обнаруживал себя жадно целующим и стискивающим ее грудь или снимающим с нее сорочку, – и только потом она начинала отвечать. Целовал по утрам, тянулся к губам вечерами, после работы, привлекал к себе, когда она садилась рядом. Да, Дробжек давала ему свободу и не желала навязываться – но иногда Игорю очень хотелось, чтобы эта корректность дала сбой и Люджина начала проявлять чувства и без напора с его стороны.

Стрелковский переоделся, направился к столовой. Взгляд зацепился за грустного зайца, примостившегося между цветочными горшками. Люджина с недавних пор вязала игрушки – белочек, медвежат, – и все эти животные расплзались по дому, попадаясь то за рамой картины, то на книжной полке.

Появилась и детская. Пока полупустая, но постепенно заполняющаяся вещами. Колыбель и кроватку купил он сам, и теперь, заглядывая в комнату и видя крохотную колыбель, в которой лежал на боку вязанный медведь, закрыв глаза и прижав к щеке сложенные лапы, Игорь все время замирал и подсчитывал, сколько же осталось до родов. Семь с половиной месяцев? Очень долго. А как уже хотелось подержать на руках ребенка.

Люджина ужинала в столовой. Щуря сонные глаза, ковыряла заботливо приготовленную рыбу. Увидела его, улыбнулась.

– Я съела все лимоны в доме. Привезли, Игорь Иванович?

Он пошуршал пакетом и через пару минут сам сел за стол, наблюдая, как Дробжек, нарезав лимоны аккуратными дольками, с выражением безумного счастья в глазах поедает их одну за другой.

– Мне даже смотреть на это кисло, – сказал Стрелковский с усмешкой.

– Не смотрите, – откликнулась Люджина, – все равно не дам. Все мое.

Игорь ужинал и наблюдал за ней, рассеянно пьющей чай, и ему было тепло и хорошо. И если бы ему сказали, что он за это время ни разу не вспомнил о работе, он бы очень удивился.

Люджина безропотно перенесла переселение в его спальню и принесла с собой не только вещи и изменения в обстановке, но и запах теплого хлеба, остающийся на белье после сна, и ту самую атмосферу покоя, которая была ему так нужна. И в этот вечер северянка тихо скользнула к нему под одеяло, подождала, пока обнимет, и потом уже прижалась сама и закрыла глаза, пока Игорь расслабленно гладил ее тело. Она хорошо пополнила за это время, стала мягче, пышнее – хоть и докладывали ему, что она исправно посещает зал. Стрелковский легко поцеловал Люджину в висок и, как много раз до этого, сдвинулся ниже, зарылся лицом в ее грудь, вдохнул хлебный запах – и до утра ему просто не осталось возможности вспоминать о работе.

* * *

Королева с мужем, заглянув к детям – те готовились ко сну, – направились в свои покои. Там Василина устало опустилась в кресло, еще раз перечитала письмо от Ани, достала предназначенное Дармонширу, проглядела и его. Со вздохом откинула голову на спинку кресла. Мариан, уже снявший китель и рубашку, подошел к ней, и супруга обняла его за бедра, прижалась щекой к теплому животу.

– Сестры не перестают меня удивлять, – жалобно призналась она. – Что делать, Мариан? Я с ума сойду, пока наладят телепорт, и я не так наивна, чтобы действовать, пока не получу подтверждение от Ани лично. Сердце мое верит им, и я знаю, что они говорят правду, чувствую. Но ведь разумно дождаться встречи с Ангелиной, да? И еще нужно поговорить с Луциусом и Дармонширом. С Дармонширом! – повторила она возмущенно. – С чего Ани вообще взяла, что он пойдет навстречу, а не начнет нас шантажировать? С него станется потребовать себе Марину за молчание.

– Я поговорю с ним, – Байдек погладил расстроенную жену по волосам, вытащил шпильки. Василина помотала головой, смешно щекоча его живот носом.

– После того как ты вколачивал в него понятие о чести? Упрется.

– Не думаю, – усмехнулся Мариан, запустил пальцы ей в локоны, помассировал голову. Королева застонала от удовольствия.

– Нет... я сама должна. Надо же мне учиться делать неприятные вещи. О-о-о-о... что за день! Как я устала! И что же делать? Точно с ума сойду, пока телепорт будет готов.

– Ложись спать, василек, – предложил Байдек задумчиво, и королева задрала голову, недоуменно посмотрела на него.

– А ты?

И лизнула его в живот. Уцепилась зубами за ремень, потянула, снова глянула мужу в глаза – настроение ее стремительно поднималось, и взгляд был лукавый.

– А я поговорю с Тандаджи, – улыбнувшись, сообщил не поддавшийся на провокацию муж. – Ложись, милая. Мы, скорее всего, допоздна засидимся.

– Я скоро ревновать к нему начну, – вздохнула государыня всяя Рудлога и снова откинулась в кресле. – Отправить его в отпуск, что ли?

– Не разбивай ему сердце, – с усмешкой ответил Байдек. – Решит, что впал в немилость.

– Иди, – проворчала Василина и потянулась. – И возвращайся поскорее.

Но Мариан, вместо того чтобы отправиться в Зеленое крыло, поднялся на второй этаж, к покоям гостей. Постучал в дверь, прислушался – ему показалось, что там разговаривают.

Дверь открыл Владыка Тафии. Усмехнулся, посторонился. В гостиной с невозмутимой миной на лице стоял начальник разведуправления Майло Тандаджи, делая вид, что любит картину на стене.

– За какое время вы сможете отнести меня в Истаил? – ровно поинтересовался Байдек у Чета, входя в покои.

– Нас отнести, – откликнулся Тандаджи непринужденно.

Четери захохотал.

– Кого мне ждать еще? Всех сестричек во главе с королевой?

– Василину не беспокоить, – строго предупредил Мариан. – Хватит с нее на сегодня. Майло, кстати, мы с тобой сейчас общаемся в Управлении.

Тандаджи тоскливо кивнул: опять врать королеве. Чет переводил взгляд с одного на другого, глаза его блестели.

– Не доверяете, – вынес он вердикт и снова хохотнул. – Правильно. Пути два часа от телепорта, что у границы с Песками, но я управлюсь быстрее, если не боитесь холода и дождя. Но подумайте: у них сейчас вторая ночь после свадьбы. Как бы не размазали нас троих от большой радости.

– Ангелина поймет, – с некоторой неловкостью проговорил Мариан.

Чет недоверчиво хмыкнул.

– Не бойтесь, что если мы вас обманываем, то получим еще двух заложников?

– Нет, – спокойно и весомо ответил Байдек. – Я разбираюсь в людях. И если бы посчитал, что вы что-то утаиваете, то не к вам пришел бы, а отправил отряд к Истаилу. Но моя супруга тревожится, и обратиться к вам – самое разумное и быстрое решение.

Мастер одобрительно покачал головой.

– Хорошо, – сказал он насмешливо. – Но я никуда не полечу, пока мне не дадут вина. От вашего чая у меня уже на зубах скрипит. Столько сладкой воды я в жизни не пил. Терпел, думал, потом прополощу горло нормальным напитком, но, – признал он с обезоруживающим простодушием, – ваши слуги отчего-то боятся ко мне заходить.

Вино появилось через пару минут, после разноса, который устроил Мариан ответственному за обеспечение гостей. Кажется, ровный голос принца-консорта напугал слуг больше, чем необходимость заходить в покои к кровожадным драконам. Пил Четери, едва не урча от удовольствия, пили и северянин с тидуссом – но эта стихийная пьянка побила все рекорды быстротечности. Гвардейцы принесли командиру два комплекта теплой военной формы и непромокаемые плащи, и тут же, в покоях, Мариан и Тандаджи оделись, пока Чет с выражением блаженства на лице опустошал последний бокал.

Потом они втроем тихо прошли к телепорту, возле которого мялся Зигфрид, – и через еще пару минут уже поднимались над Песками, направляясь в сторону Истаила.

* * *

Ангелина Рудлог первый раз в жизни столько времени ничего не делала. Точнее, она, конечно, была занята. Мужем. И любовью.

Любовь оказалась очень увлекательным делом. Любовь их изливалась оглушительными грозами и возвращалась через окна запахом свежей зелени, гладила разгоряченные тела влажным ветерком и застывала в сомкнутых руках, в сплетении волос и гулком стуке сердец.

Болезненная обнаженность друг перед другом была почти невыносима, но никаких сил не было отказать от нее. И Ани разрешила себе это время любви. Разрешила и потерялась в ней. День превратился в вечность, в которой кроме них двоих никого не существовало. Иногда Ангелина словно просыпалась, обнаруживая себя то в купальне, где горячая вода и Нории утешали ее ноющее тело, то за столом, уставленным блюдами. Неприлично обнаженной – в тонком халате, накинутом на плечи, не скрывающем ни груди, ни бедер, – и снова терялась и загоралась под взглядом мужа, и не хотелось ни есть, ни пить. Она вставала, подходила к нему, запускала пальцы в красные волосы – и пропадала. И Ани все мало было его горячих и нежных слов, его умелых рук и его тела, отныне и навсегда принадлежащего ей, – и красная принцесса со свирепой жадностью впитывала их и никак не могла насытиться.

Кажется, никто и никогда ее так не любил.

С этой мыслью Ангелина заснула вечером на плече мужа, закинув на него ногу, собственнически обхватив рукой, – а Нории, подождав, пока выровняется ее дыхание, в который раз уже осторожно провел ладонью вдоль спины и ниже, излечивая. Сам он находился в том состоянии сытой удовлетворенности, когда не хочется ни двигаться и говорить, ни спать. Так и лежал, прижимая к себе огненную Рудлог, чей темперамент оказался под стать его собственному.

За окнами утихал дождь, переходя в тонкую морось. Владыка прислушался: показалось ему, или он услышал звук больших крыльев над дворцом?

Не показалось. Через десять минут в голове раздался осторожный шепот: «Нори-эн?»

Владыка выслушал Четери, усмехнулся. Подождал еще немного – жалко было будить Ани. Но все же склонился к ее уху, пророкотал:

– Просыпайся, шари. К тебе прилетели гости.

Гости, продрогшие, промокшие, грелись в покоях горячим вином со специями, переодевшись в сухую местную одежду, пока их собственную унесли сушить скромные девушки-прислужницы. Гостям принесли кушаний, накрыли стол. И Четери присоединился к ним – он был очень голоден.

Когда открылись двери и в покои вошла Ангелина Рудлог, а за ней – Владыка Нории, трое мужчин молча наперегонки уничтожали жаркое.

– Приветствую вас, – гулко проговорил повелитель Песков. – Мы присоединимся к вашей трапезе.

Поднялся Тандаджи, невообразимо серьезный и забавный в традиционной длинной рубахе, поклонился. Встал Мариан, пожал руку Нории, крепко обнял Ани, придирчиво осмотрел ее.

«Все в порядке?» – говорил его взгляд.

Ангелина сжала его руку. И отпустила.

«Да».

Он кивнул и отступил, успокоенный. Верный, надежный Мариан.

– Не думала, что вы сорветесь сюда, – сказала она, присаживаясь за стол. – Господин Тандаджи, какими судьбами?

– Это моя работа, ваше высочество, – ответил тидусс, внимательно глядя на нее.

– Владычица, – поправила она. – Теперь таков мой титул. Мариан, а ты?

– Василина волнуется, Ани.

Она понятливо кивнула. «Василина волнуется» – и Мариан хоть на луну заберется, только чтобы успокоить ее.

– Моя госпожа, – голос Тандаджи был тверд, – позволите ли поговорить с вами наедине?

Нужды в этом не было – он уже отменил подозрения, наблюдая, как расслаблена старшая Рудлог в обществе мужа, как касаются друг друга эти двое, как осторожны движения огромного дракона. Но все нужно доводить до конца.

– Вы можете пройти в соседнюю комнату, – предложил Нории безо всякой тревоги. – А потом вернуться и нормально поесть.

Ани улыбнулась едва заметно и поднялась. За ней двинулись Байдек и Тандаджи. Тидусс появился через несколько минут, невозмутимо сел за стол, потянулся за лепешкой. За дверьми продолжался разговор между родственниками, и, когда они вошли обратно, лица их были спокойны.

– Я приношу свои извинения за то, что мы потревожили вас, – церемонно проговорил Байдек. – Я получил ответы на все вопросы. Мы сейчас отправимся домой.

– Не стоит извиняться, – откликнулся Нории – Ани расположилась рядом с ним, первым делом потянулась к чайнику с чаем под скептическим взглядом Чета. – Все правильно. Мужчины должны беречь своих женщин. Оставайтесь до утра, отдохните – куда вы полетите ночью?

Мариан покачал головой.

– Не сочтите за обиду, Владыка, но там мое место. И те, кто всё еще остаются под моей защитой. Надеюсь, что мы с семьей сможем погостить у вас подольше.

– В любое время, – понимающе ответил Нории. – Мой дом – ваш дом.

Через три часа принц-консорт прошел мимо охраны в гостиную их с Василиной покоев. Тихо снял мокрую одежду, направился в ванную под душ – согреться. Он, несмотря на закалку Севером, очень замерз и устал, и даже горячая вода не прогнала нутряной холод. И Мариан энергично растирался полотенцем, разминал мышцы, поглядывая через приоткрытую дверь на кровать, где под толстым одеялом спала жена.

Завтра он все расскажет ей, и она, конечно, возмутится или даже рассердится, что не предупредил. Но зато он выиграл ей несколько часов спокойного сна и несколько дней без сомнений и нервов. И выполнил свой долг.

– Какой ты холодный, – сонно пробормотала Василина, потерлась о его ноги ступнями, поджала пальцы. Развернулась, почти не просыпаясь, обняла – укутала его своим теплом, даже жаром. И снова ровно задышала.

И Мариан, мгновенно согревшись, прикоснулся губами к ее волосам и тоже провалился в сон.

Глава 6

19 января, вечер, Иоаннесбург

Марина

После ужина с драконами, который вполне можно было бы назвать свадебным, если бы на нем присутствовали жених и невеста, я вернулась в свои покои. Достала телефон, подаренный Люком. Там светилось сообщение.

«На юге Манезии, в эмирате Онвдра сейчас время сияющего океана. Любопытно взглянуть, да?»

«Да, – написала я, улыбаясь. – Удиви меня».

Опять страстно захотелось набрать Кембритча, сказать: да, хочу видеть тебя, сейчас!

Но завтра нужно было на работу. И я отложила трубку, закурив, достала письмо Ани, чтобы перечитать. Старшая сестра писала прямо и четко, безэмоционально, но у меня руки холодели, когда я представляла себе хрустальный терновник, пьющий кровь, – исполнился, исполнился мой сон! – или путешествие в прошлое. А вот последний абзац и вовсе заставлял нервничать.

«Марина, мое решение осознанное, и я надеюсь, что ты примешь такое же осознанное относительно Дармонишира. К сожалению, здесь я оказалась не очень хорошим примером и могу лишь просить выждать некоторое время, пока не уляжется скандал, и не демонстрировать отношения на публике. Верю, что ты понимаешь свое положение и не наделаешь глупостей. Лорд Лукас – авантюрист, пренебрегающий мнением света, но он, безусловно, умный, сила его личности не вызывает сомнений, как и его обаяние. Он много сделал для Рудлога, хоть и имеет своеобразные понятия о верности и чести. Тебе решать, нужен ли он тебе в качестве мужа. И тебе отвечать за свой выбор.

Впрочем, мы еще сможем обсудить все, когда наладят телепорт-сообщение. Очень люблю тебя. Ангелина».

Мой пес, подросший, но упорно пытающийся спать в лапах огромного медведя, лениво твякнул. Открылась дверь, заглянула любопытная Алинка. Из-за ее плеча выглядывала младшенькая.

– Можно?

Я приглашающе махнула рукой, сунула письмо под подушку кресла, затушила сигарету. Поднялась и прикрыла окно – заснеженный парк подмигивал мне голубыми и зеленоватыми огоньками ледяного городка, светил фонариками. Его тоже украшали к первому дню весны.

– Заходите. Что-то случилось?

Вид у них был самый таинственный. Видимо, мои приключения и побеги не прошли даром, и сестрички решили, что если где-то и замышлять авантюру, то только у меня.

Увы, Ани одним замужеством не просто сравняла счет, но вышла далеко вперед. Теперь, чтобы вернуть себе титул самой непредсказуемой, надо по крайней мере забеременеть тройней.

Я вообразила себе огромный живот, детей, цепляющихся за руки и юбку всю оставшуюся жизнь, и поспешно решила, что согласна на второе место.

Каролинка отпустила на пол щенка тер-сели, уселась на ковер, разложив перед собой бумагу, карандаши, какие-то рисунки. Щенок метнулся к подоконнику, прыгнул на него – и за ним бросился Бобби, сел у окна, заскулил: спускайся, мол, играть. Его высокомерно игнорировали.

Каролина шуршала бумагой. Я мельком увидела наброски присутствовавших сегодня на обеде драконов, в очередной раз подивилась таланту младшенькой – все были очень узнаваемы. Алина плюхнулась в кресло, сморщилась от запаха табака.

– Все выучила? – полюбопытствовала я.

Она мотнула косичками.

– Ты же ничего не знаешь! Я вчера сдала предпоследний экзамен. Теперь только на следующей неделе.

– Поздравляю, – со смешком сказала я. Вчера пришлось задержаться в госпитале, и родных я не видела. – Сдашь, и отпразднуем.

Она вздохнула.

– Самый трудный остался. И преподаватель там очень требовательный.

– У меня ведущий хирург тоже требовательный, – поделилась я, поглядывая, как Каролина, сощутив глаза, начинает рисовать меня: короткая стрижка, сигарета в пальцах. – Я его обожаю.

– Ну а я нет, – буркнула Алина, покраснев. – Мариш, мы пришли спросить тебя... Знаешь, Ангелина написала, что в Колодце она видела жизнь нашего прадеда, Седрика. Что Пол искала его записи, а он спрятал их в шахматном столике. Понимаешь, нам ведь не всё рассказывают...

– Не всё, – честно признала я. – Что случилось?

Алина указала глазами на Каролину. И та подняла голову, протянула мне стопку рисунков. Мятых, где-то разорванных и склеенных.

– Я никому не показывала, – жалобно сказала она. – Страшно было. И не рисовать не могла – мне так плохо было, пока не нарисовала, Марин!

Я молча проглядывала рисунки. Злые, с резкими сердитыми штрихами, с пятнами от воды. Или слез?

Ани с лицом, причудливо украшенным каким-то цветочным орнаментом, в накидке, с необычным обручем на волосах. Она же – с тонким мечом, поднимающая его на разросшийся кустарник. В сплетениях ветвей, распятая на них, пронзенная шипами. Ани в руках огромного мужчины с едва обозначенным лицом и длинными волосами.

Я снова вспомнила свой сон и передернула плечами. Взяла следующий лист: этот же мужчина за шахматным столиком, напротив – соперник, совсем юный, с выразительными нашими фамильными чертами, беловолосый. Еще рисунок: столик на витых ножках, раскрытый на манер ракушки, и в нем – тонкая панель с углублением, где лежат бумаги. Мужские руки, грубые, покрытые шрамами, нажимающие на две деревянные завитушки над ножками.

– Полина говорила, Седрик очень уважал шахматы, – напомнила Алинка. – Я думаю, если бы у нее было еще немного времени, она бы обязательно догадалась.

Чем дольше я смотрела на рисунки младшей сестры, тем страшнее мне становилось.

Израненный, окровавленный мужчина на стене, запястья и щиколотки его прихвачены огненными кандалами.

Дракон, застывший в камне, с изогнутой шеей, с вывернутыми крыльями, как мушка в янтаре. Только вот глаза у «мушки» живые и полные страдания.

– Последний посмотри, – попросила Алина.

Там сражались двое. Наш новый знакомый, Владыка Четерии, с двумя клинками – очень напоминающими оружие, которым Ани на рисунке рубила кусты, – и высокий мощный воин, удивительно похожий на друга Алинки, Ситникова.

– Я как этого дракона сегодня увидела, чуть с ума не сошла, – грустно проговорила Каролинка. – А остальное, Марин? Правда?

Она умоляюще посмотрела на меня; губы ее дрожали.

«Боги, ну почему вы ко мне пришли, а не к той же Васе? Она бы нашла слова!»

– Отчасти, – сказала я как можно спокойнее. – Видимо, наша сестричка пережила не лучшие моменты в жизни. Но сейчас ведь все хорошо. Ты сохрани эти рисунки, при встрече покажешь. Чудо ты наше! А контролировать ты свои видения можешь? Вызывать их?

– Нет. – Младшенькая снова черкала карандашом, поглядывая на меня. Успокаивается она так, что ли? – У меня вообще всего несколько раз так было.

– Меня не рисовала? – небрежно поинтересовалась я. Не хватало еще, чтобы этот невинный ребенок увидел нас с Люком.

– Нет, – буркнула она. – Не вертись.

Помолчала и закусила губу.

– Полю рисовала, Мариш. В погребальном одеянии.

Я вытащила сигарету и снова закурила. Алинка поморщилась, пересела на ковер к сестре, погладила ее по голове. Каролина, не поднимая глаз, продолжала наносить тень на мое изображение.

– А что с шахматным столиком? – нарочито бодро и деловито уточнила Алина. – Каролина говорит, она точно такой же видела в музее. Давай сходим, а, Мариш? Вдруг что-то найдём? Покажем Василине...

– Закрыт ведь уже, – попыталась отбиться я. – Завтра, девочки.

– Для нас откроют, – уперто возразила Алина. – И даже отпрашиваться ни у кого не надо, это ведь территория дворцового комплекса. Охранников возьмем, и все.

– Ну пойдем, – заканючила Каролина. – Я туда часто хожу по вечерам, рисую, сторож уже привык. Все равно тебя завтра днем не будет, а без тебя не так интересно.

Гавкнул Бобби, глядя на меня с надеждой. С ним уже гуляли, но когда это для пса прогулка будет лишней? И я со вздохом поднялась.

– Идите, одевайтесь. Тащите вашу старушку-сестру на мороз.

Через несколько минут мы выскользнули из дверей Семейного крыла в парк. Алина, как ледокол, целеустремленно топала вперед, оставив нас позади, следом шагала охрана, вокруг, по заснеженному парку, между украшенных фонариками деревьев, носились Бобби и водяной дух. Тер-сели мухлевал: подпускал моего пса близко, быстро-быстро сыпал задними лапами ему в морду снег и уносился с победным лаем.

Собак мы оставили на улице под присмотром одного из охранников. Сторож музея, пожилой мужчина с интеллигентным лицом, отложил «Культурный вестник», встал, поклонился. Выслушал нашу просьбу, открыл зал и включил свет.

Музей был гулок и пуст. Многочисленные вещи нашей семьи, изображения предков, статуи. Тревожно было здесь, будто за нами следили. Будто мы пришли во время, принадлежащее духам прошлого.

– Вот, – прошептала Алинка, – вот он!

Шахматный столик стоял в экспозиции, посвященной Седрику Победоносцу. Алинка шагнула за ограждение, присела.

– Кариш, иди сюда! Покажи, что там у тебя нарисовано!

Сестры склонились над рисунком, зашушукались. Начали жать на деревянную резьбу по периметру столика.

– Не ломайте от большого усердия, – попросила я, любуясь ими. Сестренки синхронно оглянулись, укоризненно уставились на меня, и Алина упрямо нажала на очередные завитки. Столик как-то очень обыденно щелкнул и раскрылся. Наша студентка взвизгнула, потянулась к лежащим в нем свиткам.

– Стой! – шикнула Каролина возмущенно. – Ты что, не знаешь, что они могут рассыпаться от прикосновения? Здесь нужны реставраторы! Или те, кто сможет их стазисом накрыть!

– Но ведь оставлять так тоже нельзя, – Алинка едва не подпрыгивала от любопытства. – А вдруг кто украдет? А если прочитают? Там же наше, семейное! Мариш! – Я уже стояла рядом, всматриваясь в бледные строчки на свитках. Подтверждение того, что Ангелине показали в Колодце. Не самые славные страницы нашей истории. – Позвони Зигфриду, а?

Бедный, бедный Зигфрид.

Можно было бы позвать Мартина. Но за привлечение постороннего меня по голове не поглядят. А еще я так и не нашла в себе сил встретиться с ним лично. Мы созванивались, болтали, смеялись, договорились встретиться на выходных – и все это время я чувствовала себя предательницей и лгуньей. Как будто я ему изменила. И про Люка никак не могла сказать.

Так что лучше Зигфрид.

Придворный маг появился через три минуты, почему-то в официальной одежде, с трагичными глазами. Посмотрел на меня как на палача, выслушал просьбу сестер, вздохнул и сделал, что просили.

– А пакетика у вас нет? – с надеждой спросила Алинка.

Блакорец снова исчез и вернулся с пакетом, куда и перекочевали свитки.

– Я могу еще чем-то помочь? – поинтересовался таким голосом, будто, если я отвечу «да», он повесится. Кажется, работа у нас ввела его в меланхолию.

– Нет, – я нежно улыбнулась. – Спасибо вам, господин Кляйншвитцер. И спокойной ночи. Мы вас больше не потревожим. Сегодня.

Он кивнул, начал настраивать Зеркало, и тут у него зазвонил телефон.

– Да, господин Тандаджи, – проговорил маг, пытаясь изобразить воодушевление. – Конечно. Через минуту буду у телепорта.

Зигфрид отключился и покосился на нас, едва удерживающихся от того, чтобы не захихикать. И спина его, когда он уходил в Зеркало, выражала крайнюю степень обреченности.

– Завтра отдам их Василине, – воодушевленно рассуждала Алинка, бережно прижимая к груди пакет и шагая по расчищенной дорожке к дворцу. Окна покоев нашей венценосной сестры уже погасли – наверное, легли с Марианом спать. – Пусть решает, кому доверить реставрацию. Эх, почему же Поли с нами нет! Она бы обрадовалась. Столько эти записи искала.

– Еще порадует, – уверенно проговорила я и свистнула, подзывая Бобби. Тер-сели уже устроился на руках у Каролинки и заснул. Она гладила его и вздыхала.

– Думаешь? – тихо проговорила Алина. И посмотрела на меня своими зеленющими глазами, полными совсем еще детской надежды и просьбы не разрушать ее.

– Конечно, – ответила я с немного горьким сарказмом. – Ты не заметила? Мы же неубиваемые, Алиш. Что бы ни происходило, мы выживаем. И с Полей все будет хорошо.

– Дай-то боги, – прошептала она и замолчала.

– Каролин, – позвала я, когда мы уже шли по коридору Семейного крыла. Сестричка остановилась. – Послушай. Прошу тебя, если ты еще что-то такое почувствуешь и нарисуешь – покажи кому-то из нас. Не прячь и не рви. Это важно. Хорошо?

Она кивнула и опустила глаза в пол. Развернулась и пошла дальше.

20 января, пятница, Иоаннесбург

Василина

Королева Василина проснулась с тяжелым сердцем. Сомнения опять одолели ее, а ведь сегодня нужно было распорядиться о телепорте, и драконья делегация должна была улететь.

И Мариана рядом не было. Он вернулся с пробежки, когда она уже умывалась. Зашел в ванную, поцеловал ее величество в плечо, стянул влажную футболку.

– Я вчера ночью летал в Пески, – сказал, продолжая раздеваться. Королева замерла. – С Ангелиной все так, как она написала. Не солгали драконы.

Она проглотила укоризненное «опять не сообщил мне» – слишком велико было облегчение.

– Как она?

Муж прошел в душ, включил воду.

– Необычно умиротворена, василек. Если бы не смущающие обстоятельства, я бы не желал для нее лучшего брака. Ты уже принимала душ?

– Нет, – проговорила она растерянно.

– Иди ко мне.

Королева сняла пеньюар, сорочку. Мысли разбежались.

– Спасибо, – пробормотала она, обнимая мужа под струями горячей воды. Взяла мыло, провела по его груди. – Теперь я хотя бы могу действовать без сомнений. Распоряжусь, чтобы связались с Дармонширом, надо решить этот вопрос. Как ты добрался туда?

– Четери отнес от телепорта на границе, – Байдек тоже потянулся за мылом, за мочалкой. Пробежался ладонью по спине супруги. – Лететь совсем недолго.

– И опасно, – все же не выдержала она. – А если бы тебя похитили?

– Ну что ты, – проговорил он серьезно. – Здесь во дворце брат Владыки и с ним еще четырнадцать драконов. Даже если не принимать во внимание мое чутье, кто бы рисковал ими? Гости очень легко превращаются в заложников, доступа за щит дворца у них нет, я усилил охрану. Повернись, Василина.

Она послушно отвернулась к стенке, пока Мариан натирал ей спину, подробно рассказывая о встрече. После – так любимые им ягодицы, то ли намыливая, то ли поглаживая их. И ноги.

Когда Василина повернулась обратно, глаза его блестели. И она, улыбнувшись, взяла из рук мужа мочалку и провела ею по широкой груди.

Такие совместные минуты словно возвращали королеву в те времена, когда ей нужно было быть баронессой, хозяйкой его дома, матерью его детей, а главное – его женой. Они успокаивали, скрепляли их семейный мирок и позволяли ей не сойти с ума от груза ответственности.

Корона короной, а когда муж говорит «иди ко мне» – она идет. Подождет корона. И страна подождет.

Рабочий день начался после спешного завтрака – с распоряжений помощнице, встреч с придворным магом и начальником разведуправления, министрами – и продолжился переговорами с драконами. Но теперь в Синем зале присутствовали не только Мариан, но и премьер Минкен, и министры иностранных дел и обороны, и целая толпа помощников.

Василина сильно переживала среди такого количества внимательно слушающих ее мужчин, и тем тверже был ее голос, хотя руки холодели и опять влажной становилась спина.

– Четери, – проговорила она мягко, когда все собрались, – я благодарна, что вы помогли организовать встречу моего мужа и сестры. Это поможет нам сэкономить время. Я отдала распоряжения о предоставлении вам телепорта, сопровождающих магов и инженеров. К вечеру элементы арки подвезут сюда, но есть проблема: господин Кляйншвитцер заверил нас, что они слишком громоздки для переправки через дворцовый телепорт.

– Не беспокойся об этом, огненная госпожа, – Четери старался не улыбаться очень откровенно – так интересно было наблюдать за повелительницей Рудлога, изо всех сил играющей свою роль. – Я отнесу их в Истаил. Могу ли я просить тебя о второй арке? Для Тафии.

Василина задумалась на мгновение, кинула взгляд на министра обороны.

– В военном резерве еще есть, – коротко рапортовал тот, – но нужно расконсервировать, проверить работоспособность. Потребуется еще день. И день на установку в Песках.

– Я вернусь за вторым, – согласился Четери. Василина посмотрела на помощницу – та понятливо записывала распоряжение.

– Если все пройдет удачно, – Ветери с его тонким лицом и способностью находить подход к любому собеседнику у рудложцев вызывал очевидно больше доверия, чем прямолинейный Мастер клинков, – то сразу после установки телепорта в Истаиле мы отправим посольства к государям соседних стран. С его величеством Инландером Владыка поговорит лично. Остальных известим о браке между ее высочеством Ангелиной и Владыкой Нории и пригласим на обряд принесения даров Богине. Обязательно подготовим сообщение для жур-на-лис-тов.

Василина кивнула, встретилась глазами с братом Владыки, Энтери, – он все больше молчал и улыбался ей ободряюще. Королевской пресс-службе еще предстояло деликатно объяснить народу, куда подевалась старшая принцесса Рудлог. И после новости в Пески рванут все репортеры мира, и не остановит их ни отсутствие дорог и электричества, ни страх перед драконами. Так что итоговое заявление должно остаться в ведении Песков.

– Еще один важный вопрос, господа. Надо наладить грузоперевозки между нашими странами. Ангелина написала, что у вас была старая дорога, которая проходила по побережью между Милокардерами и морем и соединялась с дорогой Рудлога. Сможет ли по ней идти грузовой и легковой транспорт?

– Мы, увы, не знаем, каково ее состояние сейчас, – с сожалением откликнулся Ветери. – Нужно пробовать.

– Проще всего сейчас для торговли приспособить ваши портовые города, – вступил в беседу Минкен. – Флот у нас есть, крупногабаритные грузы – телефонные вышки, например, – лучше доставлять на кораблях. Даже если сухопутная дорога сохранилась, вряд ли она отвечает современным требованиям. Да и не выдержит одна трасса необходимый поток. Нужна железная дорога, но ее быстро построить не получится. Остается только вода.

И они надолго углубились в предварительное обсуждение первых поставок в Пески, о которых просила Ангелина в своем письме. Не по-сестрински уже – с заключением контрактов, оплатой, приглашением специалистов. Потом, конечно, все это будет оформлено договорами, обговорено профильными комитетами. А сейчас нужно хотя бы обозначить поле деятельности.

Драконы часто останавливали беседу, не смущаясь, вежливо просили уточнить отдельные слова – и встреча затянулась до обеда. Расходились все уставшими, но удовлетворенными. Минкен подсчитывал будущую прибыль и тихо радовался разумному поступку старшей Рудлог – не ошибся он в ней, и вряд ли она могла лучше послужить стране. Министр обороны думал о том, что нужно бы пощупать магами Стену Песков и сделать хорошие спутниковые карты, министр иностранных дел – что стоит оставить дипкорпус в Теранови, пока в столице Песков не наладят инфраструктуру. Предстояло много работы. А драконы дождались, пока встанет королева, поклонились ей.

– Могу ли я показать сородичам город? – поинтересовался Энтери.

Василина немного смутилась, посмотрела на Мариана.

– Я распоряжусь, чтобы придворный маг дал вам допуск за щиты, – под понимающим взглядом Чета проговорил он невозмутимо. – Вам предоставят машины, водителей и охрану.

– Мне не нужна охраны, – усмехнулся Четери. – А вот от автомобиля не откажусь. Пока мои братья будут развлекаться, я должен выразить свое уважение родителям жены. И... – задумчиво протянул он, – решить еще один вопрос.

17 января, вторник, Инляндия

Люк Дармоншир

Лорд Лукас Дармоншир с каждым днем становился все мрачнее и раздражительнее. И было с чего: мало того что он умирал от скуки, так и по ночам творилась какая-то ерунда, заставляющая его серьезно беспокоиться о своем здоровье и психике.

Началось все через сутки после возвращения герцога из Блакории. Как раз после того как Люк, помаявшись от безделья и странной тревоги, почти осязаемо покалывающей кожу, выехал на «Колибри» покатать по пригородам Лаунвайта. И два часа спустя обнаружил себя на полпути от столицы к Дармонширу, среди унылых укрытых дымкой полей.

Справа уже блестело тонкой полосой туманное свинцовое море. Солнце играло с тучами, то выпрыгивая в просветах и ослепляя водителя, то прячась и уступая место косому ледяному дождю. Дождь делал снег черным, превращая его в кашу, дождь пропитывал инляндские и траурные флаги на префектурах маленьких городков, мимо которых проносился Люк. Инляндия погрузилась в недельную скорбь.

Смерть королевы Магдалены оказалась неожиданной и лишь добавила кусок в складывающуюся головоломку. Интересно, не его ли величество Луциус поспособствовал скоропостижной кончине супруги?

Солнце в очередной раз выглянуло, залив унылый загородный пейзаж золотом, высветив дорогу до горизонта, заиграв на ледяном крошечке, набегающем на пустынные мокрые пляжи. Скоро в Инляндию придет весна, и тогда все покроется желтоватым и зеленым пушком, и седое море перестанет бросаться на берега штормами, снова станет лазурным. И можно будет взять яхту, в очередной раз выкрасть Марину...

Люк выругался, ударил ладонями по рулю. Тут же заныло плечо, напоминая о настойчивом пожелании Байдека жениться, снова будто электричеством начало потряхивать тело и до безобразия захотелось позвонить принцессе, сорвать с работы, заставить приехать, довести до храма и предложить очередную авантюру. С ее безрассудностью Марина могла бы и согласиться.

Люк уже не выносил ее работу, мешающую их встречам, раздражался из-за того, что нужно было учитывать мнение ее родных, и совершенно беспросветно утопал в нежности, когда они созванивались или обменивались сообщениями.

– Скажите мне, ваша светлость, – иронично проговорила она в один из первых после их расставания разговоров, – известно ли вам, что такое предохранение? Или вы решили рискнуть и стать отцом?

Он с досадой пощелкал зажигалкой. Забыл, конечно же, забыл. Слава Тандаджи, ничего не упускающему. Надо будет ему в благодарность, что ли, запас дурман-травы обновить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.